

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава первая

Предмет сочинения. — *Ход развития Греции. — Царь Филипп и его политика. — Коринфский союз 338 года. — Персидское царство до Дария III* 5

Глава вторая

Страна, народ и царская династия Македонии. — Внутренняя политика царя Филиппа II. — Дворянство; двор. — Олимпиада. — Молодость Александра. — Раздоры в царском семействе. — Аттал. — Убиение Филиппа II 65

Глава третья

Опасность извне. — Поход 336 года в Грецию. — Возобновление Коринфского союза. — Смерть Аттала. — Северные соседи. — Поход во Фракию, на Дунай и против иллирийцев. — Второй поход в Грецию. — Разрушение Фив. — Вторичное возобновление Коринфского союза 87

КНИГА ВТОРАЯ

Глава первая

Приготовления к войне. — Финансы. — Союзники царства. — Армия. — Переход в Азию. — Битва при Гранике. — Занятие западного берега Малой Азии. — Завоевание Галикарнасса. — Поход через Ликию, Памфилию и Пизидию. — Организация новых областей 121

Глава вторая

Приготовление Персии к войне. — Персидский флот под начальством Мемнона и греки. — Переход Александра через Тавр. — Занятие Киликии. — Битва при Иссе. — Манифест. — Движение в Греции. — Осада Тира. — Взятие Газы. — Занятие Египта 182

Глава третья

Персидские вооружения. — Поход Александра в Сирию, через Евфрат и за Тигр. — Битва при Гавгамеле. — Поход на Вавилон. — Занятие Сузы. — Поход на Персеполь	234
--	-----

Глава четвертая

Выступление из Персеполя. — Отступление Дария из Экбатаны. — Умерщвление его. — Александр в Парфии. — Предприятие Зопириона, возмущение Фракии, восстание Агиса, его поражение, умиротворение Греции	277
--	-----

КНИГА ТРЕТЬЯ

Глава первая

Преследование Бесса. — Восстание в Арее. — Движение войска к югу, через Арею, Дрангиану, Арахозию и к южным склонам индийского Кавказа. — Мысль Александра и теория Аристотеля. — Открытие заговора. — Новая организация войска	303
---	-----

Глава вторая

Поход Александра в Бактриану. — Преследование Бесса, его выдача. — Поход против скифов, на Яксарт. — Восстание в Согдиане. — Усмирение мятежников. — Зимовка в Зариаспе. — Вторичное возмущение согдианцев. — Усмирение их. — Остановка в Мараканде. — Убиение Клиты. — Вторжение кифов в Зариаспу. — Зимовка в Навтаке. — Крепости гипархов. — Бракосочетание с Роксаной. — Заговор царских юношей. — Наказание Каллисфена	326
---	-----

Глава третья

Индия. — Война по эту сторону Инда. — Переход через Инд. — Поход к Гидаспу. — Государь Таксилы. — Война с царем Пором. — Битва при Гидаспе. — Война с независимыми племенами. — Войска на берегах Гифазиса. — Возвращение	369
---	-----

Глава четвертая

Возвращение на родину. — Флот на Аксезине. — Война с маллами. — Грозная жизни Александра опасность. — Сражения на нижнем Инде. — Отбытие Кратера. — Битва в дельте Инда. — Плавание Александра по океану. — Его отбытие из Индии	421
--	-----

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Глава первая

Отбытие. — Война на земле Оритов. — Поход войска через пустыню Гедрозии. — Прибытие остатков войска в Карманию. — Неарх в Гармозии. — Беспорядки в государстве. — Казни. — Возвращение в Персию. — Вторичное бегство Гарпала. — Свадебные торжества в Сузе. — Новая организация государства. — Выступление в Опис	455
---	-----

Глава вторая

Мятеж солдат в Описе. — Увольнение ветеранов. — Гарпал в Греции. — Раскол между партиями в Афинах. — Постановление относительно возвращения изгнанников. — Происки Гарпала в Афинах. — Процесс Гарпала. — Внутренняя политика Александра и ее последствия	483
---	-----

Глава третья

Поход Александра в Индию. — Смерть Гефестиона. — Война против Косеев. — Возвращение в Вавилон. — Посольства. — Отправки в южное море. — Вооружения, новые планы. — Болезнь Александра. — Его смерть	522
---	-----

ПРИМЕЧАНИЯ

Ко 2-й главе первой книги	548
К 3-й главе первой книги	551
К 1-й главе второй книги	553
Ко 2-й главе второй книги	558
К 3-й главе второй книги	562
К 4-й главе второй книги	564
К 1-й главе третьей книги	565
Ко 2-й главе третьей книги	567
К 3-й главе третьей книги	568
К 4-й главе третьей книги	572
К 1-й главе четвертой книги	573
Ко 2-й главе четвертой книги	578
К 3-й главе четвертой книги	579

ПРИЛОЖЕНИЯ

Материалы к истории Александра	584
Первоисточники	586
Документы, письма и речи	602

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА. Примечания и приложения представлены адаптированными извлечениями.

Иоганн Дройзен

История эллинизма
том I

Оформление *С. А. Царева, И. И. Одеговой*

Лицензия ЛР № 062308 от 24 февраля 1993 г.
Сдано в набор 15.06.95. Подписано в печать 11.08.95.
Формат 84х108 $\frac{1}{32}$. Бум. тип. № 2.
Гарнитура «Литературная». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 31,92. Тираж 10000 экз. Зак. № 3070.

Издательство «Феникс»
344007 г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 17

Отпечатано в АП «Курск»
305007 г. Курск, ул. Энгельса, 109.

легло на месте, а сам он был взят в плен и уведен. Ободренный этим успехом, Спитамен через несколько дней явился перед Зариаспой: гарнизон этого города, к которому следует прибавить выздоровевших и покинувших лазарет воинов, принадлежавших в большинстве к этерам конницы, был, по-видимому, настолько значителен, что благоразумие не позволило Спитамену произвести нападение; грабя и сжигая, оступили массагеты через окрестные поля и деревни. Когда Пифон, которому было вверено там управление делами, и кифарист Аристоник узнали это, они призвали к оружию восемьдесят всадников и царских юношей, бывших на месте, и поспешили к воротам, чтобы наказать грабящих варваров; последние побросали свою добычу и едва успели скрыться, многие были взяты в плен или изрублены, и маленький отряд с радостным сердцем возвращался в город. Спитамен напал на них из засады с такою яростью, что македоняне были опрокинуты и почти отрезаны от города; семь этеров и шестьдесят наемников легли на месте, и в том числе кифарист; Пифон, получивший тяжелую рану, попал в руки неприятелей; еще немного — и они овладели бы самим городом. Кратер был быстро уведомлен об этом несчастье, но скифы не дожидались его прибытия, а отступили к западу, усиливаемые каждую минуту новыми толпами. При входе в пустыню Кратер догнал их, завязалась упорная борьба; наконец победа решилась в пользу македонян. Потеряв 150 человек убитыми, Спитамен бежал в пустыню, где всякое дальнейшее преследование было невозможно.

Такие известия должны были, несмотря на просьбы друзей и утешения наглых льстецов, содействовать возвращению Александра к исполнению своего долга. Он выступил из Мараханды; предназначенную для Клита сатрапию Бактры получил Аминта; Кен со своим таксисом и с таксисом Мелеагра и с 400 человек конницы, со всеми конными аконтистами и другими войсками, находившимися прежде под начальством Аминты, был оставлен прикрывать Согдиану; Гефестион с одним корпусом правился в Бактрию, чтобы позаботиться о продовольствии войска на зиму; сам Александр двинулся в Ксениппу, куда бежали многие из бактрских мятежников. При вести

о приближении Александра они были прогнаны жителями, не желавшими ради несвоевременного гостеприимства подвергать опасности свое имущество, и старались теперь нанести урон македонянам нападением из засады. Около 2000 их всадников бросилось на часть македонского войска; только после долгого нерешительного сражения они принуждены были отступить, потеряв около 800 человек частью убитыми, частью пленными; понеся такие значительные потери, лишенные предводителя и провианта, они предпочли покориться. Затем царь обратился против выстроенной на скале крепости Сизимифра «в бактрианской земле»; ему стоило больших трудов приблизиться к ней, еще больших — подготовиться к штурму; Сизимифр сдался еще до начала штурма.

Между тем Спитамен считал нужным сделать еще одну попытку напасть на Согдиану, прежде чем успехи и войска неприятеля окончательно преградят ему доступ к пограничной области; во главе бежавших с ним войск и 3000 скифских всадников, привлеченных обещанной им добычей, он неожиданно появился перед Багами, лежавшими на границе Согдианы и пустыни массагетов. Извещенный об этом вторжении, Кен быстро выступил с войском против него; после кровопролитной битвы скифы были принуждены отступить, потеряв 800 человек убитыми. Согдианцы и бактры, видя неудачу и этой своей последней попытки, покинули Спитамена во время бегства и сдались Кену с Датаферном во главе; массагеты, ошибавшиеся в своих расчетах на добычу в Согдиане, разграбили шатры и вещи оставивших их союзников и бежали со Спитаменом по направлению к пустыне. Тут пришло известие, что Александр идет походом на пустыню; они отрубили Спитамену голову и послали ее царю⁷.

Смерть этого смелого и вероломного противника решила для Александра конец последним опасениям; в «саду востока» установилось, наконец, спокойствие, в котором он только и ждался, для того, чтобы, несмотря на все перенесенные войны и потрясения, скоро снова достигнуть своего обычного цветущего состояния. Подошла зима, последнюю которую Александр рассчитывал провести в этих местах; около Навтаки собирались различные части армии,

чтобы водвориться здесь на зимние квартиры. Сюда прибыли сатрапы ближайших областей, сатрап Парфии Фратаферн и сатрап Ареи Стазанор, получившие прошлой зимой в бытность свою в Зариаспе различные, вероятно, касавшиеся войска поручения. Фратаферн был отослан назад, чтобы арестовать сатрапа мардиев и тапүриев Автофрадата, неисполнение которым приказов Александра начало принимать опасный характер. Стазанор возвратился в свою сатрапию. В Мидию был послан Атропат с приказом сменить забывшего об исполнении своего долга сатрапа Оксидата и самому занять его место. Так как мазей умер, то и Вавилон тоже получил в лице Стамена нового сатрапа. Сополид, Менид и Эпокилл отправились в Македонию, чтобы привести оттуда новые войска.

Зимовкой в Навтаке Александр, как кажется, воспользовался для приготовлений к походу на Индию, который он думал начать летом следующего года, когда горные вершины будут доступнее. В этих горах, по эту их сторону, еще держалось несколько крепостей, куда бежали последние силы непокорных.

С первыми днями весны царь обратился против «гидрианской скалы», на которую ушел со своими людьми бактр Оксиарт, считавший эту крепость неприступной. Она была снабжена провиантом для продолжительной осады, запасы воды доставлял ей обильно выпавший снег, в то время значительно затруднявший восхождение на горы. Явившись перед этой крепостью, Александр потребовал ее сдачи и обещал всем, находящимся в ней, право свободно удалиться; ему было отвечено, что он может истребить себе крылатых солдат. Решившись взять эту скалу, чтобы то ни стало, он объявил в лагере через глашатая, господствующая над крепостью вершина скалы должна быть взята и что он назначает двенадцать наград для тех, которые взойдут первыми, двенадцать талантов первому, один талант двенадцатому; это отважное предприятие принесет славу всем, кто примет в нем участие. Выступили триста опытных в восхождении на горы македонян, которые и получили нужные указания; затем каждый запас железными колышками, употреблявшимися для поставок палаток, и крепкими веревками. Около полуночи

приблизились к тому месту, где скала была всего круче и поэтому не охранялась. Они и сначала поднимались с большим трудом, но скоро начались почти отвесные стены скал, скользкие льды и рыхлый снег, трудности и опасность росли с каждым шагом. Тридцать из этих смельчаков попадало в пропасть, но наконец на рассвете остальные достигли вершины и развернули по ветру свои белые повязки. Увидев условленный сигнал, Александр немедленно послал снова глашатая, который крикнул неприятельским форпостам, что крылатые солдаты нашлись, что они над их головами и что дальнейшее сопротивление невозможно. Пораженные тем, что македоняне нашли дорогу на скалу, варвары сдались без дальнейшего колебания, и Александр вступил в стоявшую на скале крепость. Здесь в его руки попала богатая добыча, в том числе множество жен и дочерей вельмож Согдианы и Бактрии, а также и прекрасная дочь Оксиарта Роксана. Она была первая, к которой царь возгорелся любовью, он не воспользовался относительно пленницы своим правом господина: бракосочетание должно было скрепить мир со страной. При вести об этом отец Роксаны поспешил к Александру — ради его прекрасной дочери ему все было прощено.

Оставалась еще крепость Хориина в земле паретакенов, «пустой» области по Верхнему Оксу, куда бежали многие оставшихся. Непроходимые заросшие лесом горные гряды, по которым надо было идти, были покрыты еще мокрым снегом; частые ливни, гололедица и страшные туманы еще более затрудняли движение. Войско терпело нужду в самом необходимом, многие замерзли до смерти; только один еще пример царя, разделявшего со своими нужду и трудности, поддерживал дух в войсках. Рассказывают, что царь, сидя раз вечером у бивуачного огня, чтобы согреться, и увидев подходящего окоченевшего от холода и почти лишившегося чувств старого солдата, встал, взял у него оружие и посадил его на свой походный стул около огня. Когда ветеран оправился, узнал своего царя и вскочил пораженный, Александр весело сказал: «Видишь, товарищ, сестра твоя сидит на стуле царя — у персов смерть, тебе же это возвратило жизнь». Наконец они достигли крепости, она была расположена на высокой и крутой скале, по которой вела вверх

только одна узкая и трудная тропинка; кроме того, с этой стороны, которая только одна и была доступна, протекал в глубоком ущелье быстрый горный поток. Александр, не привыкший считать какую-либо трудность непреодолимой, немедленно приказал рубить деревья в покрывавших окрестные горы еловых лесах и строить лестницы, чтобы сначала завладеть ущельем. Работа не прекращалась днем и ночью; с невероятным трудом удалось наконец македонянам спуститься на дно ущелья; теперь поток был перегороден частоколом, сверху была насыпана земля и ущелье заполнено. Скоро начали работать машины, метавшие снаряды вверх в крепость. Хориин, до сих пор равнодушно смотревший на работы македонян, с изумлением увидел, как сильно он ошибся в своем расчете: устройство скалы не позволяло сделать вылазку на врагов, а против выстрелов сверху македоняне были защищены своими черепашками. Наконец, прежние примеры должны были убедить его, что безопаснее примириться с Александром, чем довести дело до крайности; он через глашатая просил у Александра позволения вести переговоры с Оксиартом — это ему было дозволено, и Оксиарту без труда удалось рассеять в своем прежнем боевом товарище последние сомнения, которые у того еще оставались. Таким образом, Хориин, окруженный некоторыми из своих людей, предстал перед Александром, который принял его крайне благосклонно и поздравил его с тем, что он предпочел свернуть свою жизнь не скале, а благородному мужу. Он удержал его у себя в шатре и попросил его послать некоторых из сопровождавших его людей сказать, что крепость и мирнолюбивому соглашению передается македонянам и что все, находящимся в ней, прощается их прошлое. На следующий день царь, в сопровождении 500 гипаспистов, поднялся наверх для осмотра крепости; он был поражен неприступностью этого места и воздал справедливую дань всем принятым на случай продолжительной осады мерам предосторожности и приспособлениям. Хориин обязался снабдить войско провиантом на два месяца: из крайне богатых запасов своей крепости он приказал раздать по палаткам македонских войск, сильно пострадавших от холода и лишений последних дней, вино, хлеб и солонину.

Александр возвратил ему крепость и окружавшие ее земли. Сам он с большей частью войска отправился в Бактру, послав далее в Паретакену против Катана и Гавстана, единственных оставшихся еще мятежников, Кратера с 600 человек конницы, со своим таксисом и с тремя другими таксисами; варвары были разбиты в кровопролитном сражении. Катан был убит, Гавстан приведен к Александру в целых, и страна была принуждена покориться; скоро Кратер со своими войсками последовал за царем в Бактру⁸.

Да будет нам позволено возвратиться здесь к сделанному нами раньше замечанию, которое представляет собою только предположение и имеет целью указать лишь на один пункт, имеющий важность для установления связи между событиями. Один писатель позднейшего времени, черпавший свои сведения из весьма хороших источников, упоминая о распределении сатрапий летом 323 года, замечает, что царским престолом Согдианы Оропий владел не как отцовским наследием и что он получил его от Александра; но так как он бежал после восстания и потерял свой престол, то и Согдиана перешла к сатрапу Бактрии. То, что об этом обстоятельстве не знает ни один другой писатель, при характере наших преданий не дает нам никакого повода не доверять этому известию. Какое имя скрывается под именем Оропия, которое несомненно испорчено, мы не можем теперь определить, — быть может, имя одного из вельмож, которые после храброго сопротивления покорились и заключили мир с Александром, как вышеупомянутый Хориин, или как Сизимифр, о котором Курций говорит, что царь возвратил ему его звание и подал ему надежду на еще большее.

Если эти соображения справедливы, то здесь, в лежащих по Оксу землях, Александр сделал попытку применить к пограничным областям своего государства ту же самую систему, какая, как мы видим, была применена им в обширных размерах в индийских землях. Согдиана делалась пограничной областью за Оксом, управляемой вассальным царем; она и ряд основанных эллинистических городов, доходящих до Танаиса, лежащая позади обширная сатрапия Бактрия, обнимающая также и густонаселенную Маргиану, прикрывают обращенную к

бродячим ордам пустыни сторону государства, большие дороги в Гекатомнию, в основанную в Арее Александрию, дороги, ведущие через Кавказ в Индию, и идущую через Ферганскую область торговую дорогу в Верхнюю Азию. Понятно, почему Александр не пожелал присоединить к своему царству самой Ферганской области, нынешнего Коканда; он удовольствовался тем, что вместе с Ходжен-том имел в своих руках ведущий туда проход; еще одна лишняя пограничная область только бы ослабила северную границу его государства и средства ее обороны.

Прошло два года с тех пор, как Александр прибыл в эти места и начал свое дело, которое, по-видимому, удалось тем полнее, чем больше были трудности, которые ему приходилось преодолевать. Необходимы были упорный труд, кровавые меры и постоянно возобновлявшаяся борьба против мятежных народных масс и против дерзкого сопротивления знати, укрывавшейся в своих воздвигнутых по скалам крепостях. Теперь народонаселение было усмирено, главари страны были наказаны, их крепости разрушены, а тем, которые наконец покорились, было прощено. Значительное число новых городов дало новую силу, опору и пример эллинистической жизни, для которой должны были быть приобретены также и эти страны; была создана форма правления, соответствовавшая, по-видимому, особенностям и военному значению этих земель. Отпразднованная свадьба царя⁹ с прекрасной дочерью одного из пехлеванов Согдианы составила заключительное звено этого дела; если ближайшим поводом к такому браку и было личное чувство, то он все-таки был в неменьшей степени и мерой политики, как бы нынешним проявлением и символом слияния Азии и Европы, — слияния, в котором Александр видел дальнейший результат своих побед и условие прочности того, что он хотел создать и чего границы он старался постепенно расширить.

Конечно, это предприятие при своем дальнейшем осуществлении представило весьма значительные трудности. По самой природе элементов, которые должны были объединиться и слиться, более упорный, менее свободный, но более сильный тяжестью неподвижных масс азиатский элемент должен был сначала преобладать. Для того чтобы

склонить на свою сторону этот элемент, если только западная держава желала не только покорить его и господствовать над ним, но привлечь его к себе и примирить его с собою, было необходимо, чтобы образ мыслей, предрассудки и привычки восточных народов приняли такое направление, при котором они могли бы привыкнуть к новому режиму и приучиться постепенно принимать участие в бесконечно превосходившей их богатством развития жизни победителей. Вот что было причиной азиатского придворного штата, которым окружил себя Александр, его приближавшейся к мидийской одежде, в которой он являлся в мирное время, церемониала и роскоши двора, окруженных которыми как «государственным облачением» привык видеть своих повелителей восточный человек, — вот что было, наконец, причиной сказки о божественном происхождении царя, над которой он сам смеялся в кругу своих приближенных.

Богатства Азии, новая полная чудес жизнь, с каждым днем охватывавшая, заливавшая их все более и более, постоянные труды военной службы и вечное опьянение победой, славой и господством уже давно заставили также и македонян стряхнуть с себя ту простоту и неприхотливость, которая еще десять лет тому назад составляла предмет насмешки для афинской ораторской трибуны; восторженное поклонение своему царю, и прежде и после бывшего среди них, чудесный ореол его геройских подвигов, отблеск которых падал и на них, упоение властью, наполнявшее каждого в его отдельной сфере чувством собственного достоинства и жаждою новых дел, заставило их забыть, что на родине они могли быть мирными пахарями и пастухами. А на самой родине пастухи, пахари и горожане, оторопев поначалу от внезапного подъема своей маленькой страны на высоту славы и исторического величия, слушали чудесные рассказы возвращавшихся домой земляков, видели прилив к своему отечеству богатств Азии и быстро привыкали чувствовать себя первым народом вселенной. Величие их царей, которые некогда близко и дружественно жили с ними на одном клочке земли, росло, как росли расстояния в Вавилон, в Экбатану, в Бактрию, в Индию, в бесконечную даль.

Наконец, народ эллинов, распадавшийся в географическом отношении на множество эксцентрических кругов, а там, где он жил плотной массой, бывшей всегда раздробленным и отличавшийся крайними партикуляристическими стремлениями, по числу непосредственно заинтересованных в этом деле лиц мог почти не приниматься в расчет в сравнении с народными массами Азии; тем более значения имело то, что мы можем назвать суммой исторического развития греческого мира, — его образованность. Элементами этой образованности или вернее их результатами для жизни отдельных лиц и общества были рационализм и демократическая автономия. Рационализм, со всеми своими хорошими и худыми сторонами: неверием, с одной стороны, суеверием — с другой, зачастую с тем и другим вместе, отучил умы от старинной искренней религиозности, от веры в вечные силы и от страха перед ними. Церемонии, жертвы, знамения и волшебство были единственным их осадком, уцелевшим в народной жизни и сохранившим свое условное значение; ум заменил теперь благочестие; фриivolность, жажда приключений и наживы, стремление выдвинуться во что бы то ни стало и умение эксплуатировать свои индивидуальные способности и средства, — таковы были импульсы практической морали, приобретающие все большее и большее значение. Демократия была естественной формой государства, стоявшего на таком основании; уже Солон сказал о своих афинянах: «Взяты отдельно, они идут путем лисицы, соединившись вместе, они лишаются рассудка». Чем шире развивалась эта демократия, соединяя свободу с трудом рабов и имея в рабах свой рабочий класс, тем смелее и резче становится этот индивидуализм, который только обострял соперничество в мире греческих государств, заставлял слабых прикрываться своим собственным бессилием, а сильных — более эгоистичным образом пользоваться своею силою и который довел наконец процесс распада и взаимной ослабления до невозможного положения вещей, — пока, наконец, победы Александра не открыли совершенно новых путей и не открыли для всякой силы, стремления и дарования, для всякой энергии и предприимчивости неизмеримое поле плодотворной работы. Пусть на родине в

Спарте, Афинах и многих других городах таилось немало скорби, гнева и злой воли, пусть греки Тавриды бились и устраивались как могли со своими скифами, а эллины Сицилии и великой Греции — с карфагенянами и италиками, — но многие тысячи манил к себе открывшийся им новый мир дальнего востока: они последовали за вербовщиками Александра или шли за ним на собственный страх и риск, чтобы служить в его войске, или искать в его лагере разных занятий и заработка и чтобы селиться в новых городах. Они привыкали к азиатскому образу жизни и к азиатскому низкопоклонству перед царем и великими мира сего, сохраняя в себе греческого только свою отвагу и свою прежнюю профессию. «Образованные люди», если только они не предпочитали быть противниками новшеств, становились тем более восторженными поклонниками великого царя; все эти риторы, поэты, остряки, ораторы и поклонники умных речей занимались тем, что применяли к нему фразы, обыкновенно применявшиеся к героям Марафона и Саламина, к таким героям, как Персей и Геракл, и к победам Вакха и Ахиллеса; даже почести, принадлежавшие только древним героям и Олимпу, должны были служить прославлению могучего властителя. Софисты уже давно учили, что все те, кому люди молились как богам, были, собственно, только отличными воителями, хорошими законодателями, обоготворенными людьми; подобно тому, как многие роды гордятся своим происхождением от Зевса или Аполлона, точно так же в свою очередь и какой-нибудь человек своими великими подвигами может достигнуть Олимпа, как некогда Геракл, или сподобиться, подобно Гармодию и Аристогитону, воздаваемых героям почестей. Разве греческие города не воздвигли алтарей, не приносили жертв и не пели пеанов Лизандру, уничтожившему афинское войско? Разве Фазос, прислав торжественное посольство, не предложил устроить апофеоз и воздвигнуть храм «Агезилаю Великому», как его называли? А насколько значительнее были подвиги Александра? Каллисфен без всякого колебания писал в своей истории об оракуле Аммона, назвавшем Александра сыном Зевса, и об оракуле Бранхидов в Милете, изрекшем то же самое. Когда впоследствии в греческих государствах было

сделано предложение даровать ему божеские почести, то это предложение было местами отвергнуто вовсе не из интересов религии, но из партийных расчетов.

Имея все это в виду, мы можем представить себе приблизительную картину окружавших Александра лиц. Эта пестрая смесь самых противоположных интересов, эта тайная игра соперничеств и интриг, эта беспрерывная смена пиров и битв, празднеств и трудов, избытка и лишений, суровой дисциплины во время похода и разнузданных удовольствий в мирное время, затем это постоянное движение вперед все в новые и новые земли, не знающее заботы о будущем и уверенное только в настоящем, все это соединилось для того, чтобы придать окружавшей Александра обстановке вид авантюры и фантастический характер, гармонизировавший с чудесным блеском его победоносных походов. Рядом с его подавляющей своим величием личностью из общей массы редко выступают отдельные личности, и их характер составляют их отношения к царю¹⁰; таков благородный Кратер, который, как говорят, любил царя; таков мягкий Гефестион, который любил Александра; таков преданный и всегда готовый исполнить свой долг Лагид Птолемей; спокойный и безусловно преданный Кен; мужественный Лизимах. Общие типы более известны: македонская знать, воинственная, свосвольная, властолюбивая, до смешного исполненная чувства собственного достоинства; азиатские вельможи, церемонные, пышно одетые, до тонкости знакомые с искусством роскоши, низкопоклонства и интриги; греки, или состоявшие в кабинете царя, как кардианец Эвмен, или занятые другими техническими работами, или входившие в качестве поэтов, художников и философов в свиту царя, который и среди звуков оружия не забывал муз и не жалел ни даров, ни милостей, ни приветливости, чтобы отличить тех, научной славе которых он завидовал.

В числе этих эллинов свиты Александра выделялись два грека, которые, благодаря странному стечению обстоятельств приобрели особое значение в жизни двора. Один был вышеупомянутый олинфянин Каллисфен; ученик и племянник великого Аристотеля, который прислал его к своему царственному питомцу, он сопровождал царя на

восток, чтобы как очевидец поведать потомству о великих подвигах македонян. Он, как говорят, сказал, что пришел к Александру не для того, чтобы стяжать себе славу, но чтобы его прославить; присутствию в нем божества не заставит поверить ложь, распускаемая относительно его рождения Олимпиадой: это будет зависеть от того, что он скажет миру в своем историческом труде. Орывки этого исторического труда показывают, как высоко он ставил его; об его походе вдоль берега Памфилии он говорит, что волны моря улеглись как бы для того, чтобы принести поклонение (προσκύνησις) своему царю; перед битвой при Гавгамеле он заставляет царя воздеть руки к небу и воскликнуть, что если он сын Зевса, то да помогут ему боги и решат дело в пользу эллинов. Его высокое образование, его талант рассказа, его манера держать себя с достоинством доставили ему уважение и влияние также и в военных кружках. Совсем иным характером отличался Анаксарх из Абдеры, «эвдемоник»; это был человек светский, всегда покорный царю и нередко бывавший ему в тягость; однажды во время бури он, как говорят, спросил его: «Этот ты гремишь, сын Зевса?», на что Александр отвечал со смехом: «Я не хочу показываться моим друзьям в таком ужасном виде, как бы этого желал ты, — ты, который презираешь мой стол потому, что я не подаю за ним вместо рыбы голов сатрапов»; это выражение, как говорят, было употреблено Анаксархом, когда он однажды увидел царя радующимся блюду мелкой рыбы, присланной ему Гефестионом. В каком духе было написано его сочинение о царской власти, мы можем заключить из тех приемов утешения, которыми он, как рассказывают, старался после убийства Клита подбодрить упавшего духом царя: «Разве ты не знаешь, о царь, что правосудие сидит рядом с царем Зевсом, так как все, что делает Зевс, хорошо и справедливо? Точно так же все то, что делает царь в этом мире, должно быть признано справедливым сперва им самим, а затем и другими людьми».

Теперь нельзя более определить, когда и по какому поводу началось охлаждение отношений между царем и Каллисфеном. Однажды, как рассказывают, Каллисфен сидел за столом Александра и был приглашен им сказать за вином

похвальную речь македонянам — он исполнил это со свойственным ему искусством при громких одобрительных возгласах присутствующих. Тогда царь сказал, что достойные славы дела прославлять нетрудно, что пусть он покажет свое искусство, произнеся речь против тех же самых македонян и справедливыми упреками научит их лучшей жизни. Софист исполнил это с жестокой язвительностью: несчастные раздоры греков, сказал он, создали могущество Филиппа и Александра — во время смуты ведь и жалкая личность может иногда достигнуть почетного положения. Раздраженные этим македоняне вскочили, а Александр сказал: «Олинфянин дал нам доказательство не своего искусства, но своей ненависти против нас». Каллисфен, уходя домой, трижды сказал самому себе: «И Патрокл должен был умереть, а был ведь выше тебя»¹¹.

Естественно, что царь принимал азиатских вельмож согласно с обычным церемониалом персидского двора; но для них было чувствительным неравенством то, что греки и македоняне имели право приближаться к его царскому величеству без таких форм преданности. Каковы бы ни были прежнее положение и взгляды царя, он должен был желать устранить это различие и ввести восточное поклонение в обычай двора; но, с другой стороны, подобный приказ мог бы дать предрассудкам, которыми были заражены многие, повод к превратным толкованиям и к недовольству. Гефестион и некоторые другие приняли на себя инициативу по введению этого обычая. На первом пиру, как рассказывают, они должны были осуществить его на практике; на нем говорил в этом смысле Анаксарх, а Каллисфен в своей подробной и серьезно возражавшей против этого намерения речи, обращенной прямо к царю, говорил так беспощадно резко, что царь, видимо оскорбленный, запретил более упоминать об этом деле. В другом рассказе передается, что царь взял за столом золотую чашу и обратился с тостом вначале к тем, с которыми он условился относительно *поклонения*; тот, к кому он обращался таким образом, выпивал свою чашу, вставал, кланялся в ноги и получал затем поцелуй от царя. Когда наконец очередь дошла до Каллисфена и царь обратился с тостом к нему, а сам продолжал разговаривать с сидевшим рядом с ним Гефестионом, то философ выпил чашу и под

нялся, чтобы подойти к Александру и поцеловать его; царь сделал вид, что не замечает неотдачи поклонения; но один из этеров сказал: «Не целуй его, о царь, он единственный не молился на твою особу». После этого Александр отказал ему в поцелуе, а Каллисфен, возвращаясь на свое место, сказал: «Итак, я уйду одним поцелуем беднее».

Многое другое рассказывает еще об этих событиях¹⁸. Заслуживает особого внимания сообщение о том, что, по словам Гефестиона, при предварительном обсуждении этого вопроса Каллисфен тоже согласился на земные поклоны, а еще большего внимания — сообщение о том, что телохранитель Лизимах и двое других указали царю на высокомерное поведение софиста и привели его выражения об убийстве тиранов, на которые следовало обратить тем более внимания, что его приверженцами были многие из знатной молодежи, смотревшие на его слова как на изречения оракула, а на него самого как на единственного свободного человека среди многотысячного войска.

По обычаю, ведемому свое происхождение еще от времен царя Филиппа, сыновья знатных македонян при своем вступлении в юношеский возраст призывались ко двору и начинали свою карьеру и свое военное поприще около особы царя как «царские юноши» и как его «телохранители»; в военное время они составляли его ближайшую свиту, занимали ночной караул в его жилище, подводили ему лошадь, окружали его за столом и на охоте. Они состояли под его непосредственным покровительством, и только он имел право наказывать их, он заботился об их научном образовании и для них главным образом и были приглашены философы, поэты и риторы, сопровождавшие Александра.

В числе этих знатных молодых людей находился Ермолай, сын Сополиды, того самого, который был из Павтаки послан для вербовки в Македонию. Ермолай, пламенный почитатель Каллисфена и его философии, как кажется, с увлечением воспринял мнения и тенденции своего учителя; с юношеским недовольством смотрел он на эту смесь греческих и персидских обычаев и на пренебрежительное отношение к обычаям македонским. На одной охоте, когда перед царем, которому, по придворному обычаю, принадлежало право метнуть дротик первому, выбежал на тропинку кабан, молодой человек позволил себе метнуть

дротик первым и положил животное на месте. При других обстоятельствах царь, может быть, и не обратил бы внимания на это нарушение этикета, но так как то был Ермолай, то он посмотрел на этот поступок как на сделанный намеренно, и подверг юношу соответствующему наказанию, приказав высечь его и отнять у него лошадь. Ермолай не чувствовал неправоты своего поступка, а только возмущительное оскорбление, которое было ему нанесено. Его близким другом был Сострат, сын того самого тимфейца Аминты, который при процессе Филоты был со своими тремя братьями заподозрен в соучастии и который, чтобы доказать свою полную невинность, искал себе смерти в бою; этому Сострату Ермолай открылся, что если ему не удастся отомстить, то ему жизнь не в жизнь. Склонить на свою сторону Сострата было нетрудно: Александр, сказал он, уже отнял у него отца и теперь опозорил его друга. Оба приятеля посвятили в свою тайну еще четверых других из отряда царских юноше: то были Антипатр, сын бывшего наместника Сирии Асклепиодора, Эпимен, сын Арзеи; Антикл, сын Феокрита, и фракиянец Филота, сын Карзида; они условились умертвить царя во время сна в ту ночь, когда караул будет занимать Антипатр.

Царь, как рассказывают, ужинал в эту ночь со своими друзьями и затем долее обыкновенного остался в их обществе. Когда же после полуночи он хотел подняться, то одна сирийская женщина, предсказательница, следовавшая за ним многие года и сначала мало обращавшая на себя его внимание, но мало-помалу внушившая ему уважение к себе и добившаяся того, что он стал ее слушать, — эта сириянка внезапно явилась перед ним, когда он хотел удалиться, и сказала ему, чтобы он оставался и пил всю ночь. Царь последовал этому совету, и таким образом в эту ночь план заговорщиков не удался. Продолжение рассказа имеет более правдоподобный вид; несчастные молодые люди не отказались от своего плана, но решили привести его в исполнение при первом ночном карауле, который придется в их очередь. На следующий день Эпимен увидел своего близкого друга Харикла, сына Менандра, и рассказал ему о том, что уже произошло и что имеет еще произойти. Пораженный Харикл бросился к брату своего друга Эврилоху и заклинал его спасти царя быстрым доносом; Эврилох

поспешил в ставку царя и открыл страшный план Лагиду Птолемею. По его доносу царь приказал немедленно арестовать заговорщиков, которые были допрошены и подвергнуты пытке; они раскрыли свои планы, своих соучастников и заявили, что Каллисфен знал об их намерениях; он тоже был взят под стражу. Призванное для военного суда войско изрекло над осужденными свой приговор и исполнило его по македонскому обычаю. Каллисфен, бывший греком и не бывший солдатом, был закован в цепи с тем, чтобы быть преданным суду впоследствии. Александр, как говорят, писал об этом Антипатру: «Юношей побили каменьями македоняне, софиста же я хочу наказать сам, а также и тех, которые прислали его ко мне и которые принимают в свои города изменников против меня». По показаниям Аристовула, Каллисфен умер пленником позднее, во время похода в Индию, а по словам Птолемея, он был предан пытке и повешен.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Индия. — Война по эту сторону Инда. — Переход через Инд. — Поход к Гидаспу. — Государь Таксилы. — Война с царем Пором. — Битва при Гидаспе. — Война с независимыми племенами. — Войско на берегах Гифазиса. — Возвращение

ндия представляет собою совершенно особый мир. Совершенно изолированная своеобразным характером своей природы, своего населения, своей религии и образованности, она в течение долгих веков была известна западному миру древности только по имени, только как лежащая на восточных окраинах земли страна чудес. Ее омывают с двух сторон океаны, в которых только долгое

время спустя промышленности и науке суждено было найти пути самого легкого и верного сообщения; с двух других сторон двойной и тройной стеной громоздятся массы гор, принадлежащих частью к числу самых высоких гор на земле, занесенные снегом переходы которых на севере и сожженные солнцем скалистые ущелья на западе открывают с трудом дорогу разве лишь благочестивому пилигриму, кочевому торговцу и разбойнику пустыни, но никак не для международных сношений.

У народонаселения Индии с того времени, как оно перестало принадлежать самому себе, воспоминание о его прошлом расплылось и исчезло в лишенных времени и пространства фантастических представлениях; но позади всего этого лежит прошлое, полное величественного и многостороннего развития, зарождение и развитие религиозных, иерархических и политических начал, в которых этот своеобразный характер индийского мира нашел свое завершение. Македонский завоеватель, первый европеец, нашедший путь в Индию, видел ее в полном расцвете, прежде чем она сделала первый шаг назад.

Он нашел место, которое как бы служит воротами к индийским землям. Здесь через стену гор, отделяющих Индию от западного мира, прорывается поток: начинаясь на горных вершинах, где недалеко друг от друга вытекают воды Бактрии и Арианы, Кофен, усиленный многочисленными притоками с севера, катит свои воды на восток к руслу широкого Инда; тщесно справа и слева от той текущей с запада реки громоздятся массы диких скал, — они открывают его быстрым водам узкую долину, в конце которой смеющаяся равнина Пешавара служит входом в Индию с ее пышной растительностью и тропическим климатом. Но здесь представляется взору еще не настоящая Индия: пять рек Пенджаба, разливы летних месяцев, раскинувшиеся на юге и востоке широким поясом степи, делают запад Индии вторым оплотом священной страны Ганга; так и кажется, как будто природа желала все-таки сделать еще одну попытку защитить своего любимца от опасностей, которым сама же она открыла дорогу. Все, что индус знает великого и святого, связано с землею Ганга; здесь лежит родина старинной чистой веры и строгого

разделения каст, родившихся из Браммы; здесь находятся наиболее чтимые святые места и священные реки. Племена на западе степей, хотя и родственные индусам по происхождению и религии, отступили от строгой чистоты божественного закона: они не избегали сношений с внешним миром, они не сохранили того величия царской власти, той чистоты каст, той замкнутости по отношению к нечистым и ненавистным чужеземцам, которые являются условием, гарантией и доказательством святой жизни; они есть выродившаяся и отданная на жертву чужеземцам часть населения.

Так было уже во время Александра. Высокоразвитые брахманические народы арийского племени, жившие тогда в долине Ганга, забыли, что и они некогда обитали в стране «семи рек», что при своих переселениях в дни незапамятной древности они пришли сюда через эти западные ворота, так как имена их знаменитейших родов, сохранившиеся на Оксе и Яксарте, позволяют вывести это заключение относительно их прежних мест жительства. По их следам потянулись туда другие арийские по языку и обычаям народы¹; но слишком слабые или не достаточно решительные для крупных предприятий, они остались на горных пастбищах по реке Кофену и по его притокам до самого Инда.

Это было время могущества Ассирии: ее войска, двинувшись от Тигра, завоевали и обширную сирийскую низменность и арийское плоскогорье; но рассказывают, что Семирамида видела, как на мосту Инда верблюды степей запада бежали перед слонами индийского востока. Затем следовало владычество мидян и персов, со времени Кира между сатрапиями царства упоминается также и Гандара, в персидских войсках Ксеркса упоминаются гандаряне и другие индусы, а Дарий послал из своего города Каспатир — вероятно, Кабул — греческого мужа к Инду, чтобы тот спустился по нему до самого моря, и последний затем возвратился по арабскому морю. Эта миссия дает нам некоторое представление об обширных планах царя, но войны Персии на западе и быстро наступивший упадок царства не позволили им осуществиться.

Никогда господство Ахеменидов не простиралось за Инд; лежавшая у подножия Паропамиза равнина, заселенная самыми западными племенами индийской национальности, была последней областью, которой владели эти персидские цари. Отсюда были выведены слоны последнего персидского царя, — первые, которых видел западный мир; вместе с ними принимали участие в битве при Гавгамеле индусы, «соседние с Бактрией», под предводительством Бесса, и горные индусы под предводительством сатрапа Арахозии Барзаэнта. По ту сторону Инда шла цепь независимых государств, простиравшаяся к востоку по области пяти рек до пустыни, а к югу до устьев Инда, — калейдоскоп мелких и больших народов, государств и республик, пестрая смесь политической раздробленности и религиозных разногласий, не имевшая между собою никакого другого связующего элемента, кроме взаимной ревности и постоянной смены вероломных союзов и эгоистических раздоров.

Подчинением себе Согдианы Александр закончил покорение персидского царства: занятая им в 329 году сатрапия Паропамиза, в которой он основал Александрию Кавказскую, была предназначена служить отправным пунктом похода в Индию. В наших источниках не упоминается о военной и политической идее этого похода; она станет нам достаточно ясной из связи дальнейших событий.

У Александра были уже завязаны различные сношения за Индом; особенно важную роль играли отношения с государями Таксилы (Такшасилы). Их царство лежало на восточном берегу Инда, против впадения в него Кофена; простираясь к востоку по направлению к Гидаспу, оно по обширности своей, как ее определяли, равнялось Египетскому наместничеству. Их царь, враждовавший со многими из своих соседей и главным образом с царем Павравой, или Пором, чье царство лежало по Гидаспу, и в то же время жаждавший расширить свою область, посоветовал Александру в бытность последнего в Согдиане, предпринять поход в Индию и заявил о своей готовности воевать заодно с ним против индусов, которые дерзнут сопротивляться ему². В числе окружавших Александра лиц находился также теперь и еще один царь лежавшей по эту сторону Инда

области: то был Сизикотт, который, когда македоняне наступали из Арахозии, прибыл в Бессу в Бактрию и который, когда предприятие последнего рушилось так печально, стал на сторону победителя и отныне преданно служил ему. С помощью этих связей Александр мог получить о положении вещей в Индии, о природе страны и ее населения сведения, достаточные для того, чтобы с некоторой точностью определить ход своего предприятия и необходимые для него приготовления и боевые силы.

Приготовления эти за последний год позволяют нам правильно оценить предстоявшие Александру трудности. Находившееся в его распоряжении войско, которое со времени уничтожения персидской армии не должно было быть особенно значительным по своей численности, которую оно имело в Бактрии за два последних года, — недостаточно для войны с густонаселенными и располагавшими значительными войсками государствами Индии. Впрочем, в Азию прибывали все новые и новые тысячи войск, отчасти македонских, обязанных воинской повинностью, отчасти состоявших из фракийских, агрианских и греческих наемников, привлеченных жаждой добычи и славы, так что первоначальное число 35 000, с которым Александр начал войну в 334 году, должно было все-таки удвоиться в течение шести лет³, несмотря на потери, причиненные постоянными трудами, походами по покрытым снегами горам и по пустыням, климатическими условиями и нездоровым образом жизни, в котором недостаток сменялся излишествами. Но отчасти царь отпустил на родину греческих и фессалийских союзников, отчасти значительное число войск осталось стоять гарнизонами в занятых землях и в их главных военных пунктах: в одной Бактриане остался корпус, состоявший из 10 000 человек пехоты и 3500 всадников; не менее значительные боевые силы должны были стоять в арахозийской Александрии, в Экбатане, Вавилоне, Египте и т.д., хотя, вероятно, западные сатрапии получали свои гарнизоны не из главной армии, но из Европы. Для похода на Индию царь усилил свое войско воинственными народами Арианы и лежащих по Оксу земель⁴. Скоро при вооружении флота на Инде мы увидим, что в войске находилось также значительное число финикийцев, киприо-

тов и египтян. Численность войска около того времени, когда оно спускалось по Инду, по заслуживающим доверия показаниям, достигала 120 000 человек⁵.

Мы видим, что это войско по своему составу уже не было более греко-македонским, каким оно было по своей организации⁶; и тот факт, что с этим войском были сделаны следующие кампании, позволяет нам достоверно заключить о твердости господствовавшей в нем дисциплины, об администрации и организации армии, об авторитете, которым пользовались начальствующие лица, и главным образом о военных дарованиях и отличном составе офицеров. Обо всем этом, правда, источники не говорят нам ни единого слова, но эти данные необходимы для правильной оценки исторического и военного значения Александра. Войско, воспринявшее в твердые рамки македонской организации такое множество чуждых элементов и ассимилировавшее их с собою, сделалось ядром и, если нам будет позволено так выразиться, школой эллинистического духа, который, с одной стороны, вытекал из самой природы эллинистического государства, а с другой — только один и делал возможным его создание. Если Александр, как в Египте и Сирии, в Иране и Бактрии, так и в Индии оставил в качестве гарнизонов и граждан новых городов многие тысячи своих воинов и вместо них принял в свое войско значительное количество азиатов, то это более всего другого показывает смелую последовательность его планов и его веру в их правильность и силу; и понятно, что от этих планов не могли отвлечь его попытки оппозиции гордых македонян и греческих либералов. При том престиже власти, которым пользовалась его личность, он был уверен в том, что заставит следовать указаниям своей воли ту гордость и слабость, которую он может еще повстречать.

Под конец весны 327 года Александр выступил из Бактрии. Горные дороги, на которых два года тому назад было перенесено столько лишений, были теперь свободны от снега; запасы имелись в изобилии; более коротким путем⁷ после десятидневного перехода они достигли города Александрии, лежавшего на южном склоне горы.

Царь нашел ее не в таком положении, в каком ожидал. Нилоксен, не исполнивший своих обязанностей начальника с нужным благоразумием и силой, был сменен; перс Прозкс тоже лишился своего звания сатрапа Паропамизадов. Народонаселение города было увеличено жителями из окрестностей, неспособные к службе воины тоже были оставлены в нем; начальство над городом и его гарнизоном и поручение заботиться о его дальнейшей постройке получил один из этеров, Никанор⁸; Тириасп был назначен сатрапом этой области, границей которой отныне должна была служить река Кофен⁹. По этой прекрасной, цветущей и обильной плодами местности Александр прежде всего двинулся в Никсею¹⁰; начало нового похода было, согласно его обычаю, возведено принесенными им Афине жертвами.

Войско приблизилось к границе паропамизадов, которая, вероятно, была там, где кончается верхняя равнина Кофена. Здесь уже достигшая значительной ширины река вступает в скалистую долину, служащую как бы воротами к бассейну Инда; по ее южной стороне тянутся предгорья высокого Сефид-Куха, которые на правом берегу этой реки образуют тянущиеся на семь миль хайбарские проходы, от Даки до крепости Али-Месджида и до Джамруда, лежащего несколько ближе Пешавара, между тем как на ее левом северном берегу от высокой цепи Западного Гималая, отделяется несколько значительных горных хребтов, подходящих близко к берегам реки Хоасп (Камех или Купар) и далее к востоку Гурей (Панджкора), оба имеющие значительное число боковых притоков и боковых долин, образуют многочисленные горные кантоны этой «лежащей по эту сторону Инда» страны, жители которых носят общее имя асваки, хотя отдельные округа, находящиеся большей частью во власти особых государей, называются особыми именами. В самой долине Кофена жили астакенцы, названные так, вероятно, потому, что поселились на западе (аста) от Инда.

Из Никей Александр послал вперед себя глашатаев к индийским государям, царствовавшим по нижнему течению Кофена и на берегах Инда; он приглашал их к себе для принятия от них изъявлений покорности. Поэтому к

нему явился государь Таксилы и многие раджи земель, лежащих по эту сторону Инда, на разукрашенных слонах и с богатой свитой, согласно требованиям роскошного этикета индийских монархов; они привезли царю дорогие подарки и предложили ему воспользоваться, для чего ему угодно, их слонами, которых было двадцать пять штук. Александр заявил им, что надеется в течение этого лета покорить земли до самого Инда, что сумеет наградить тех государей, которые явились к нему, и заставит повиноваться тех, которые не покорились; зиму он думает провести на берегах Инда, чтобы следующей весной наказать врагов своего союзника, государя Таксилы. Затем он разделил все свои боевые силы на две армии, из которых одна под предводительством Пердикки и Гефестиона должна была идти к Инду по правому берегу Кофена, между тем как сам он с остальными войсками намеревался пройти по полным опасностей, населенным воинственными народами землям на северном берегу той же самой реки. Целью этого двойного движения и одновременного нападения на жившие на юге и на севере от Кофена племена было лишить их возможности соединиться друг с другом для общего сопротивления и взаимной поддержки, заставить одновременным наступательным движением армии по долинам северной стороны реки неприятеля очистить проходы на юг, а по взятии этих южных проходов напасть с тыла на племена севера, против которых шла колонна царя; соединительным пунктом была назначена лежавшая между Пешаваром и Аттоком равнина. Имея в своих руках дороги и проходы позади себя, они могли приступить к переправе через Инд, чувствуя себя в безопасности¹¹.

Гефестион и Пердикка с фалангами Горгия, Мелсагра, с половиной македонской конницы и со всеми наемными всадниками двинулись по правому берегу реки, и с ними возвратились в свои земли индийские государи, изъявившие покорность царю. Им было приказано занимать все важные пункты или, в случае отказа в сдаче, брать их открытой силой, а достигнув берегов Инда, немедленно приступить к постройке моста через Инд, по которому Александр думал проникнуть в глубь Индии¹². Сам Александр с гипаспистами, другой половиной конницы, большою

частью фаланг, со стрелками, агрианами и конными аконтистами переправился через Кофен и двинулся к востоку через проход Джелалабада. Здесь в Кофен впадает Хоэс, или Хоасп, берущий свое начало в глетчерах высоких гор Пушти-Кура и образующий выще вдоль могучих скал Хода дикую долину, другую сторону которой замыкает почти настолько же высокий горный хребет, отделяющий эту долину от долины Гурся; для военных операций эта местность представляла большие затруднения. Здесь имел свои жилища, свои горные крепости, свои многочисленные стада народ аспазиев; в нескольких днях пути к северу на берегах Хоаспа лежала его столица, важная также и потому, что мимо нее (по долине Титраля) идет через горы дорога к источникам Окса. Когда Александр переправился через эту реку и, идя далее по суживавшейся постепенно долине, достиг южных границ аспазийской земли, жители бежали частью в горы, частью в укрепленные города, решившись оказать сопротивление македонянам. Тем более спешил Александр вперед; со всей конницей и с 800 гипаспистов, которые были тоже посажены на коней, он бросился вперед и скоро достиг первого города аспазисв, укрепленного двойными стенами и защищаемого значительными боевыми силами, находившимися вдоль стен. Царь немедленно пошел на них в атаку; после жаркой битвы, в которой он сам был ранен в плечо, а из окружавшей его свиты были ранены телохранители Птолемей и Асоннат, варвары должны были отступить за стены своего города. Наступление вечера, усталость войск и рана царя сделали продолжение битвы невозможным; македоняне стали лагерем под самими стенами города. Рано утром на следующий день начался штурм: македоняне взойшли на стену и овладели ею. Только теперь заметили они вторую, еще более крепкую, стену города, которая оберегалась самым заботливым образом. Между тем подошла главная масса войска; они немедленно приступили к новому нападению: пока стрелки со всех сторон стреляли в расположенные на стенах посты, были приставлены штурмовые лестницы, и скоро там и сям осаждающие вскарабкались на башни; неприятель, не будучи в состоянии держаться долее, старался выйти из ворот города и спастись в горы; многие из них

были перебиты; македоняне, раздраженные полученною их царем ранюю, никому не давали пощады; самый город был сровнен с землею¹³.

Этот первый быстрый успех не замедлил произвести желаемое впечатление. Немедленно сдался второй город, Андака. Здесь был оставлен Кратер с тяжелой пехотой, чтобы принудить покориться остальные находящиеся поблизости города и затем двинуться через горы к Аригею, находящемуся в долине Гурея (Панджжора). Сам Александр обратился с остальными войскам на северо-восток к Эвасиле, чтобы с возможной быстротою достигнуть этого города, где он надеялся захватить в свои руки государя этой страны. Он достиг города уже на следующий день, но весть о его приближении опередила его: весь город был объят пламенем и ведущие к горам дороги были покрыты беглецами. Началась страшная резня, но сам царь аспазиев со своими многочисленными и хорошо вооруженными телохранителями уже достиг непроходимых высот. Птолемей, узнавший среди толпы царский поезд и бросившийся энергично преследовать его, когда подъем сделался слишком крут для его лошадей, пустился пешком во главе окружающих его немногих гипаспистов возможно скорее преследовать бегущих. Тогда государь со своею свитою внезапно обратился назад и напал на македонян; сам он бросился на Птолея и метнул ему дротиком в грудь; спасенный своею кольчугой, последний пронзил копьем бедро государя и поверг его мертвым на землю. Смерть государя решила победу: пока македоняне преследовали и убивали бегущих, Лагид начал снимать доспехи с тела государя. Аспазии увидели это с гор. В дикой ярости они бросились вниз, чтобы спасти хотя бы тело своего государя, тем временем подоспел и Александр; завязался жаркий бой, и македонянам с трудом удалось отбить тело. После жаркой битвы лишенные предводителя варвары отступили в глубину гор.

Не желая далее проникать в горы, Александр вверх по течению Эвасилы обратился к востоку, чтобы через ведущие в долине Гурея горные проходы достичь города Аригей. Он нашел город сожженным и покинутым жителями, которые бежали в горы. Важность этого пункта, господ-

ствующего над ведущей в Хоаспу дорогой, побудила царя поручить подошедшему с юга Кратеру восстановление этого города, причем он повелел водворить здесь неспособных к военной службе македонян и всех тех туземцев, которые изъявляют на это желание. Таким образом, занятие Андаки и Аригея отдало в руки македонян оба ведущие в Хоаспу прохода. Но представлялось необходимым дать почувствовать перевес македонского оружия храбрым жителям гор на север от города, занимавшим там угрожающее положение. Александр двинулся из Аригея походом на горы. Вечером он стал лагерем у подножия гор; Птолемей, посланный на рекогносцировку, принес известие, что на горах видно множество огней и что, как надо полагать, враги значительно превосходят их численностью. Было решено немедленно приступить к нападению; одна часть войска заняла позицию у подошвы горы, а сам царь с остальными силами двинулся в горы. Увидав неприятельские огни, он приказал Леоннату и Птолемеем обогнуть справа и слева позиции врагов, чтобы одновременным нападением стрех сторон разделить их превосходящие силы: он сам двинулся на высоты, где стояли главные силы варваров. Едва последние увидели наступающих на них македонян, как, полагая на свой численный перевес, они бросились с высот на Александра; завязалась упорная борьба. В это время успел подойти Птолемей, но так как здесь варвары не спустились вниз, то он был принужден начать битву на неровном месте; с громадными усилиями ему, наконец, удалось взобраться по склонам наверх и оттеснить неприятеля к той стороне высот, которую он оставил незанятой, чтобы не вынудить его защищаться с энергией отчаяния, как это было бы, окружи он его со всех сторон. Леоннат тоже заставил неприятеля отступить, а Александр уже преследовал разбитые главные силы центра, и одержанная с таким трудом победа завершилась страшным кровопролитием: 40 000 человек было взято в плен; несметные стада скота, составлявшие богатства этого горного народа, попали в руки победителя; Птолемей рассказывает, что здесь было около 230 000 голов скота, из которых Александр выбрал лучшие экземпляры, чтобы послать их для надобностей земледелия в Македонию.

Тем временем пришли известия, что ассакенцы, жившие в долине ближайшей реки, вооружаются весьма ревностно, что они призвали к себе наемников из-за Инда и уже собрали войско в 30 000 человек пехоты, 20 000 всадников и 30 слонов. Чтобы достичь их страны, царь должен был сначала спуститься вниз по долине глубокого и быстрого Гурей, верхнюю часть которой он покорил; он быстро двинулся вперед с частью своих войск, а Кратер с остальными войсками и с тяжелыми машинами несколько медленнее следовал за ним из Аригея. Горные дороги и холодные ночи затрудняли движение; тем приветливее и богаче показалась им долина, к которой они спустились. Крутом были виноградники, роши миндальных деревьев и лавров, на горах были выстроены мирные деревушки, несчетные стада паслись на горных пастбищах. Здесь, как рассказывают, в ставку царя явились самые знатные вельможи страны, с Акуфисом во главе; войдя и увидев его во всем блеске его вооружения, сидящим опершись на копье и в высоком шлеме, они в изумлении пали на колени; царь приказал им встать и говорить. Они назвали имя своей крепости Низа и рассказали, что они пришли сюда с запада и с того времени живут самостоятельно и счастливо, управляемые аристократией из тридцати знатных лиц. На это Александр заявил им, что он оставит им их свободу и независимость, что Акуфис будет первым в числе знатных лиц страны и что, наконец, они должны прислать в войско царя несколько сот всадников. Такова должна была быть приблизительно истинная основа дела, которое впоследствии передавали разукрашенным полными чудес подробностями; отныне низейцев называли прямыми потомками спутников Диониса, чьи походы греческие мифы уже и прежде распространили до Индии; храбрые македоняне, вдали от своего отечества, почувствовали себя здесь как дома среди родных воспоминаний¹⁴.

Отсюда, из Низы, Александр, перейдя через быстрый Гурей, двинулся на восток к земле ассакенцев. При его приближении они отступили в свои укрепленные города; самым значительным из этих городов была Массага; государь той страны надеялся, что ему удастся удержаться в ней. Александр двинулся вслед за ним и стал лагерем под

стенами города; враги, рассчитывая на свои силы, тотчас же произвели вылазку; притворным отступлением македоняне выманили их на получасовое расстояние от ворот, они преследовали торопливо и без всякого порядка с дикими победными криками; тогда македоняне неожиданно обернулись и быстрым шагом бросились на индусов. Впереди была легкая пехота, а царь во главе своих фаланг следовал за ними; после непродолжительного боя индусы отступили со значительными потерями. Александр преследовал их по пятам, но его намерение ворваться в ворота вместе с ними не удалось. Тогда он поскакал вдоль стены, чтобы назначить пункты для нападения на следующий день; здесь он был ранен стрелой, пущенной с башен города, и с легкой раной в ноге возвратился в лагерь. На другой же день начали работать машины, и скоро брешь была пробита; македоняне пытались проникнуть через нее в город, но храбрая и осторожная оборона неприятеля принудила их наконец вечером отступить. Нападение было возобновлено со всею энергией на следующий день, под прикрытием деревянной башни, которая своими выстрелами держала защитников вдали от одной части стены; однако и таким образом не могли подвинуться вперед ни на один шаг. Ночь была проведена в вооружениях, к стенам были подвезены новые тараны, новые черепахи и, наконец, подвижная башня, подъемный мост которой должен был вести прямо на башни города. Утром были двинуты фаланги, и в то же время сам царь повел своих гипаспистов в башню и напомнил им, что они точно таким же образом взяли Тир; все горело желанием сразиться и взять город, который уже слишком долго сопротивляется им. Подъемный мост был спущен, македоняне тесной толпою бросились на него, и каждый желал быть первым; мост подломился под их страшной тяжестью, и храбрецы попадали вниз и разбились. Индусы, видя это, испустили громкий крик и начали с башен метать камни, бревна и стрелы в македонян; они бросились из ворот города в открытое поле, чтобы воспользоваться смущением неприятеля; македоняне начали отступать на всех пунктах. Фаланге Алкета, которой было поручено царем защитить умирающих от ярости врагов и отнести их в лагерь, едва удалось

исполнить дело. Все это только усиливало в македонянах озлобление и жажду боя; на следующий день башня была снова подвезена к стенам и снова был спущен подъемный мост; но индусы защищались с полным успехом, хотя их ряды постепенно редели, а опасность для них росла. В это время их государь был поражен пушенною из катапульты стрелою и пал мертвым на землю. Это наконец заставило осажденных начать переговоры, чтобы сдаться на волю победителя.

Александр, полный справедливого удивления перед храбростью своих врагов, был готов прекратить борьбу, которую нельзя было довести до конца без большого кровопролития; он потребовал сдачи города, поступления индийских наемников в македонскую армию и выдачи царского семейства¹⁵. Эти условия были приняты, мать и дочь государя прибыли в лагерь царя; индийские наемники в полном вооружении выступили из города и стали лагерем на некотором расстоянии от войска, с которым отныне они должны были соединиться. Но полные отвращения к чужеземцам и не будучи в состоянии примириться с той мыслью, что отныне им придется заодно с ними воевать против своих единоплеменников, они составили несчастный план бежать ночью и идти к Инду. Об этом был извещен Александр; убежденный, что переговоры не приведут ни к чему, а всякое колебание будет опасно, он приказал окружить их ночью и перебить всех. Таким образом он стал господином одного из важнейших пунктов в земле ассакенцев.

По взятии Массаги уже казалось нетрудным довершить оккупацию лишенного повелителя государства. Александр послал к югу несколько войск под предводительством Кена к крепости Базире, убежденный, что она сдастся при вести о падении Массаги; другой отряд под предводительством Алкеты двинулся к северу против крепости Оры¹⁶ с приказом блокировать город до тех пор, пока не подойдет главная армия. Скоро из обоих мест были получены неблагоприятные известия: Алкета, отражая вылазку оритов, понес большие потери, а Кен, нашедший Базиру весьма далекой от мысли о сдаче, мог держаться только с большим трудом. Александр уже собирался выступить туда,

когда получил известие, что раджа Кашмира Авизар заключил союз с Орой, которая благодаря его посредничеству получила от жителей гор севера значительное число воинов; поэтому он послал Кену приказ укрепить около Базиры какой-нибудь надежный пункт, чтобы преградить всякое сообщение с крепостью, а затем идти к нему с остальными войсками. Он сам поспешил в Ору; город, несмотря на свои отличные укрепления и храбрую защиту, не был в состоянии держаться и был взят штурмом; в руки македонян попала богатая добыча и в том числе несколько слонов. Тем временем Кен согласно полученному приказу начал отступать от Базиры; лишь только индусы заметили это движение, как они выбежали из ворот и бросились на македонян; начался жаркий бой, в котором они принуждены были наконец отступить, когда притом еще распространилось известие, что сама Ора сдалась македонянам, базириты потеряли всякую надежду на то, что им удастся удержаться в своей крепости. В полночь они вышли из города и отступили в горную крепость Аорн, лежавшую на берегах Инда недалеко от южной границы земли ассакенцев.

Взятие этих трех мест, Массаги, Оры и Базиры, сделало Александра господином горной страны на севере Кофена, к югу от которой находилась территория государя Певкелы Аста¹⁷. Этот государь, как кажется, расширил свою область за счет своих соседей, а сам стал твердою ногою на южном берегу реки Кофен. Сангей, прибывший беглецом в Таксилу, был лишен им своего государства; когда глашатаи Александра вызывали государей Индии в Никею, ни Аст, ни Ассакен не последовали этому приглашению. Но счастливые успехи македонского оружия, приближение царя и смерть Ассакена заставили государя Певкела, желавшего избежать необходимости встретиться лицом к лицу с великим царем и с его страшными боевыми силами, покинуть землю своих предков и искать убежища в своих новых владениях к югу от Кофена; здесь в сильной горной крепости он надеялся выдержать нападение южной македонской армии. Между тем Гефестион при своем движении вперед подошел к стенам этой крепости и взял ее штурмом после тридцатидневной осады. При штурме

сам Аст был убит, а город с разрешения Александра был отдан Сангею, который находился у Таксила. Самый город Певкела, лишенный предводителя и защитников, сдался добровольно, когда к нему приступил Алксандр, прибывший из соседней земли ассакенцев; в него был назначен македонский гарнизон. Его примеру последовали другие, менее значительные города до самого Инда, и царь, направляясь к этой реке, пошел к Эмболиме, лежавшей в нескольких милях выше устья Кофена.

Таким образом, в течение лета после целого ряда значительных и трудных сражений была покорена земля Паропамизадов до самого Инда. Гефестион завладел страной на южном берегу Кофена, где долина этой реки скоро замыкается пустынными горами, и горная крепость Аста и Орабатиды, которую он взял и занял своими македонянами, сделались военными опорными пунктами для завоевания южного берега. На севере были по очереди пройдены долины рек Хоасн, Гурей и Суаст, земли аспазиев, гурейцев, ассакенцев и певкелаотов. Жившие по верхнему Хоасну и по Гурею варвары были прогнаны далеко в горы, наконец безопасность была обеспечена в долине гурейцев крепостями Андакой и Аригеем, в земле ассакенцев Массайгой, Орой и Базирой, а на западном берегу Инда — Певкелой. Эта страна, большая часть которой осталась во власти туземных государей¹⁸, стала отныне в зависимые отношения к Македонии и получила под именем Индии по эту сторону Инда особого сатрапа.

Около Инда индусы занимали теперь только одну крепость, расположенную на горе; македоняне называли ее Аорном (Бесптичьем) в знак того, что птица не может взлететь на нее. Милях в пяти расстоянии от впадения Кофена в Инд высится отдельная скала, последний отрог северо-западных гор, диаметр которой у подножия достигал, по сказаниям древних, четырех миль, а высота равнялась 5000 футов. На площадке этой крутой горы была расположена эта замечательная горная крепость, стены которой окружали сады, источники и рощи, так что многие тысячи людей могли наверху поддерживать свое существование в течение целых лет. Сюда бежали многие индусы равнины, полные веры в надежность этой крепости, о неприступ-

ности которой ходили различные сказания¹⁹. Тем необходимо было для царя взять эту скалу; он не должен был упускать из виду того нравственного впечатления, которое не замедлила бы оказать на его войска и индусов удачная попытка овладеть Аорном. Прежде всего он должен был помнить то, что в руках неприятеля этот важный пункт мог сделаться побудительной причиной и точкой опоры для крайне опасных движений в тылу его армии. Теперь, когда земли кругом были покорены, когда благодаря занятой при Инде твердой позиции сделалось возможным снабжать провиантом осаждающее войско даже в случае самой продолжительной осады, Александр начал свои дерзкие и опасные операции.

Его непоколебимое решение взять эту крепость было единственным основанием рассчитывать на возможность успеха. Он оставил Кратера в Эмболиме на берегах Инда и взял с собою только агрианов, стрелков, таксис Кена и отборных наиболее легких пехотинцев из других таксисов, 200 всадников из отряда этеров и 100 конных стрелков; с этим корпусом он стал лагерю подножия скалы. Но наверх вела только одна дорога, устроенная так искусно, что ее можно было легко и успешно защитить на всем протяжении. В это время к нему явились люди, жившие недалеко от скалы, изъявили ему свою покорность и предложили отвести его к такому месту скалы, откуда можно будет напасть на крепость и овладеть ею без большого труда. Телохранителю Птолемею, сыну Лага, с агрианами, с остальной легкой пехотой и отборными гипаспистами было дано поручение взойти на скалу вместе с индийскими вожаками; по крутым и заглохшим тропинкам он, не замеченный варварами, достиг условленного места, укрепился там частоколом и зажег условленный сигнальный огонь. Увидев это, царь назначил штурм на следующее утро в надежде, что Птолемей приступит к нападению на верху горы одновременно с ним. Между тем войскам, которые повели атаку снизу, оказалось невозможным добиться хотя бы малейшего успеха; индусы, вполне обеспеченные с этой стороны, с тем большей смелостью обратились против занятых Птолемеем высот, и только с величайшим трудом удалось Лагиду удержаться за своими укреплениями. Его стрелки

и агрианы нанесли большой урон неприятелю, который с наступлением ночи отступил в свою крепость.

Неудача этой попытки убедила Александра, что снизу достигнуть цели невозможно; поэтому он послал ночью со знающим местность человеком письменный приказ Птолемее, чтобы тот, когда он на следующий день сделал попытку штурма на более близком к Птолемее месте, когда затем из крепости будет произведена вылазка против атакующих, напал сверху на неприятеля с тыла и во чтобы то ни стало попытался соединиться с Александром. Так и было сделано: с зарею следующего дня царь стоял у подношья горы близ того места, где поднялся наверх Птолемей. Скоро индусы бросились сюда, чтобы защитить узкие тропинки; упорный бой продолжался до полудня, тогда неприятель начал немного отступать; Птолемей со своей стороны делал все возможное; к вечеру удалось подняться по тропинкам наверх и оба отряда войска соединились. Отступление неприятеля, которое становилось все более и более быстрым, и возбужденное успехом мужество его храбрых воинов побудили царя преследовать бегущих индусов, чтобы, пользуясь их смятением, постараться овладеть входом в крепость; это, однако, не удалось, а для штурма было слишком мало места.

Он отступил на уже укрепленную Птолемеем возвышенность, которая, будучи ниже крепости, была отделена от нее широким и глубоким оврагом. Необходимо было преодолеть невыгодные условия местности и построить через овраг плотину, чтобы приблизиться к крепости по крайней мере настолько, чтобы выстрелы могли достигать ее стен. На следующее утро началась работа; царь был везде, хваля, ободряя, работая сам; все соревновались друг с другом в усердии, рубили деревья, опускали их на дно оврага, нагромождали осколки скал и сыпали сверху землю; уже к концу первого дня плотина подвинулась вперед на триста шагов. Индусы, отнесшиеся сначала с насмешкой к этому отважному предприятию, на следующий день старались мешать работе. Скоро плотина подвинулась настолько далеко, что пращники и машины могли отражать нападения индусов. На шестой день плотина приблизилась к хребту, который находился на одной высоте с крепостью.

был занят неприятелем; обладание им должно было решить судьбу крепости. Против нее был послан отряд отборных македонян; началась отчаянная борьба; сам Александр бросился помочь им во главе своих телохранителей; с величайшим трудом холм удалось взять штурмом. Этот успех и постоянный рост плотины, которому ничто уже не могло более мешать, заставили индусов отчаяться в том, что им удастся долго обороняться против неприятеля, которого не могли удержать ни скалы, ни пропасти и который дал изумительное доказательство того, что воля и сила человека в состоянии преодолеть последнюю преграду, воздвигнутую природой в ее исполинских сооружениях, и обратить ее в средство для достижения своих целей. Они послали к Александру глашатая с предложением сдать ему крепость на выгодных условиях; они хотели выиграть время только до ночи, чтобы тогда по потаенным дорогам бежать из крепости и рассеяться по равнине. Александр заметил их намерение — он снял свои посты и позволил им начать отступление беспрепятственно; затем он отобрал 700 гипаспистов, поднялся в тишине ночи на скалу и начал взбираться на оставленную защитниками стену; он сам был наверху первым. Когда его отряд поднялся за ним следом на различных пунктах, все войска Александра с громким боевым криком бросились на не приготовившихся ни к чему, кроме бегства, врагов: многие были убиты, другие разбились в пропасть; на следующий день войско при звуках труб вступило в расположенную на скале крепость. Этот счастливый конец предприятия, которое сделала возможным только отвага Александра и храбрость его войск, был отпразднован богатыми и радостными жертвоприношениями. Укрепления самой крепости были усилены новыми сооружениями, в ней был оставлен македонский гарнизон и ее начальником был назначен раджа Сизикотт, сумевший внушить царю доверие к себе. Обладание этой крепостью представляло большую важность для защиты Индии по эту сторону Инда; она господствовала над равниной между Суастом, Кофеном и Индом, которая видна из нее на расстояние многих миль, и над впадением Кофена в Инд.

Тем временем на земле ассакенцев обнаружилось опасное движение: брат павшего в Массаге государя Ассагена собрал войско из 20 000 человек и 15 слонов и бросился в горы верхней страны; крепость Дирта была в его руках; он считал себя достаточно защищенным недоступностью этой дикой гористой местности и думал, что дальнейшее движение царя скоро доставит ему случай расширить свои владения. Тем необходимее было уничтожить его. Лишь только Аорн был взят, как царь с несколькими тысячами человек легких войск поспешил к расположенной в верхней стране Дирте. Одной вести о его приближении было достаточно, чтобы обратить в бегство претендента, вместе с ним бежало окрестное население. Царь выслал несколько отрядов, которые должны были обойти окрестности и найти следы бежавшего государя, в особенности слонов; он узнал, что все бежали в лежавшие на востоке глухие горы; он бросился по их следам. Густой девственный лес покрывает эти места: войску приходилось с трудом пролагать себе дорогу. Удалось схватить несколько индусов; они сообщили, что народонаселение бежало за Инд в царство Авизара и что слоны, числом пятнадцать, были выпущены на свободу на находящихся у берегов реки лугах. В это время явился отряд индийских солдат из бежавшего войска, которое, недовольное неудачею своего государя, возмутилось и убило его; они принесли с собою голову государя. Не желая преследовать лишенное предводителя войско по этим бездорожным местам, царь со своим войском спустился на луга Инда, чтобы поймать слонов, и сопровождаемый индийскими слоноловами, он устроил охоту на этих животных; два слона свалились в пропасти, а остальные были пойманы. Здесь в росших по берегам Инда густых лесах царь приказал рубить деревья и строить корабли. Скоро был выстроен речной флот, какого еще не видел Инд, и на нем царь со своим войском поплыл вниз по широкой и покрытой с обеих сторон множеством городов и деревень реке; он остановился у моста, уже выстроенного через Инд Гефестионом и Пердиккой²⁰.

В дошедших до нас рассказах с достаточной живостью выражаются сильные впечатления, которые произвел на пришедшее с запада войско этот индийский мир, в кото-

рый оно вступило весною 327 года. Мощные формы природы, роскошная растительность, ручные и дикие животные, люди, их религия и обычаи, их государственное и военное устройство, — все было здесь своеобразно и изумительно; действительность, казалось, далеко превосходила все чудеса ее, о которых писали Геродот и Ктезий. Скоро они должны были узнать, что до сих пор они видели только преддверие этого нового мира.

На берегах Инда войско сделало остановку, чтобы отдохнуть от трудов зимнего похода по горам, в котором участвовала большая его часть. Затем с началом весны, усиленное контингентами государей лежавшей по эту сторону Инда сатрапий, оно приготовилось переправляться через Инд.

В это время к Александру явилось посольство от царя Таксилы; оно повторяло свои уверения в преданности своего государя и привезло с собою дорогие подарки: 3000 жертвенных животных, 10 000 овец, 30 боевых слонов, 200 талантов серебра и наконец индийских всадников, составлявших союзный контингент их государя; оно открывало Александру ворота резиденции своего царя, роскошнейшего из всех городов между Индом и Гидаспом.

Тогда Александр отдал приказ начать освящение переправы через Инд: на берегу реки было принесено жертвоприношение, сопровождаемое гимнастическими и конными агонами; и жертвы были благоприятны. Таким образом началась переправа через эту широкую реку; часть воска потянулась по составленному из кораблей мосту, другие начали переправляться на лодках, сам царь и его свита переправились на двух яхтах (тридцативесельных кораблях), приготовленных для этой цели. Благополучное окончание переправы было отпраздновано новыми жертвами. Затем громадное войско двинулось далее по дороге к Таксиле, по густо населенной и блистающей всей роскошью весны местности, окаймленной с севера высокими покрытыми снегом горами, составляющими границу Кашмира, а с юга — обширными и прекрасными равнинами, наполняющими пространство между Индом и Гидаспом. В часовом расстоянии от столицы войско с изумлением впервые увидело индийских кающихся, которые исполняли

священное дело своих обетов, стоя обнаженными, одиноко и неподвижно под жгучими лучами полуденного солнца и непогодами дождливого времени.

Когда Александр приблизился к городу Таксиле²¹, его встретил государь с величайшей торжественностью, на разукрашенных слонах, в сопровождении вооруженных отрядов, и под звуки боевой музыки; и когда царь приказал своему войску остановиться и построиться, государь поскакал к Александру во главе своего кортежа, приветствовал его самым почтительным образом и передался ему сам со всем своим царством. Затем царь во главе своего войска, рядом с государем страны, вступил в блестящую столицу. Здесь в честь великого царя был дан ряд празднеств, блеск которых еще увеличивало присутствие многих местных государей, явившихся с дарами и изъявлениями покорности. Александр утвердил за всеми их владения и расширил область некоторых сообразно с их желаниями и заслугами, особенно же владения Таксила, который, кроме того, был щедро одарен за заботливость, с которой он встретил южную армию, и за внимание, которое не раз выказывал относительно царя²²; от номарха Доксарея тоже прибыли послы и подарки. Авизар, государь Кашмира, и от себя прислал в Таксилу посольство, состоявшее из его брата в сопровождении знатнейших вельмож его государства; он привез с собою в подарок драгоценные камни, слоновую кость, тонкие ткани и всевозможные драгоценности, уверял в безусловности преданности своего царственного брата и категорически отрицал тайную поддержку, которую последний будто бы оказывал ассакенцам.

Невозможно с полной точностью определить, каким образом были тогда организованы дела (междуречья) Дуаба; во всяком случае границы лежавшей по эту сторону Инда сатрапии были расширены и все государи стали зависимыми отношения к Александру; быть может, Таксил получил принципат между раджами земель по эту сторону Гидаспа, во всяком случае отныне как союзник Александра упоминается только он. В его столице был оставлен македонский гарнизон и неспособные продолжать военную службу люди; «индийская сатрапия» была вверена Филип-

пу, сыну Махаты, высокий род которого и многократно доказанная им преданность Александру соответствовали важности этого поста; его провинция охватывала не только все земли по правому берегу Инда, но ему был поручен также надзор над оставшимися в царстве Таксила и других государей войсками²³.

Причина того, что государь Таксилы с такой готовностью примкнул к Александру, заключалась, несомненно, в его вражде с могущественным государем Пором, принадлежавшим к старинному роду Павравы, который по ту сторону ближайшей реки, Гидаспа, владел царством «более, чем из ста городов», располагал значительными боевыми силами и имел своими союзниками многих соседних государей и особенно государя Кашмира. Его и их врагами были на Инде — государь Таксилы, а с другой стороны — независимые народы в предгорьях Гималая, в дуабах по ту сторону Акесина и в нижних областях Пенджаба. Вражда этих «народов без государей» (a rattes) к государям, самым могущественным между которыми был государь Павравы между Гидаспом и Акесином, ослабила сопротивление вторжению западных завоевателей, которое мог бы оказать богатый и густо заселенный Пенджаб.

Из Таксилы Александр послал к Пору требование, чтоб тот встретил его с изъявлениями покорности на границах своего государства. Пор послал ответ, что он будет ожидать царя на границах своего государства с вооруженными силами; в то же время он призвал своих союзников и попросил раджу Авизара, который, несмотря на свои еще недавние выражения преданности к Александру, обещал ему на помощь войска, прислать их к нему, не теряя времени, а сам двинулся к протекавшей на границах его государства реке и стал лагерем на ее левом берегу, решившись во что бы то ни стало воспрепятствовать переправе неприятеля. При этом известии Александр послал назад к Инду стратига Кена с приказом распилить для перевозки суда речного флота и как можно скорее перевезти их на телегах к Гидаспу. В то же время войско после обычных жертвоприношений и боевых игр выступило из Таксилы; к нему присоединилось пять тысяч человек из индийских войск Таксила и соседних государей; слоны, захваченные

Александром в Индии или полученные им в подарок, были оставлены, так как македонские лошади не привыкли видеть их и, кроме того, при своеобразной манере македонян вести атаку они могли бы только мешать.

Во время этого похода начались первые тропические дожди: потоки катились с большим шумом, дороги сделались хуже; частые непогоды, соединявшиеся с ураганами, не раз мешали македонянам двигаться вперед. Они приблизились к южной границе государства Таксилы; в область Спитака, родственника и союзника Пора, вела здесь длинная и довольно узкая дорога через ущелье; она была преграждена войсками этого государя, занимавшими высоты с обеих ее сторон. Смелый манер конницы под непосредственным предводительством самого Александра поразил своей неожиданностью неприятеля, выгнал его с его позиций и стеснил до такой степени, что ему удалось бежать только со значительными потерями. Сам Спитак, не думая о дальнейшей защите своего государства, поспешил соединиться с Пором, взяв с собою остаток своих войск²⁴.

Спустя два дня Александр достиг берегов Гидаспа, ширина которого доходила теперь до тысячи двухсот шагов; на другом берегу виднелся обширный лагерь царя Пора и все его войско, выстроенное в боевом порядке, имея перед собою триста боевых слонов, подобных крепостным башням; видно было, как в обе стороны посылались значительные отряды, чтобы усилить линию постов вдоль берегов реки и в особенности, чтобы охранять немногочисленные места, где можно было еще переправиться вброд, несмотря на высокий уровень воды в реке. Александр понял всю невозможность переправиться через реку на глазах неприятеля и стал лагерем напротив индусов на другом берегу. Он начал с того, что сложными движениями войск сбивал с толку неприятеля относительно места предполагаемой переправы и утомлял его внимание; делая вид, что думает еще долго пробыть на этом месте, он приказал одним частям своего войска произвести по всем направлениям рекогносцировку прибрежной местности, а другим — опустошить оставленные их защитниками земли Спитака и со всех сторон свезти сюда большие запасы провианта. Ему удалось распространить в неприятельском лагере слух, что

переправу через реку в это время года он считает безусловно невозможной и что он хочет подождать конца времени дождей для попытки произвести нападение через реку, когда спадет вода. Но в то же время постоянные движения македонской конницы, плавание вверх и вниз по реке переполненных воинами лодок, неоднократные передвижения фаланг, которые несмотря на сильные дожди часто по целым часам стояли в полном вооружении и в боевом порядке, должны были возбуждать в царе Поре постоянный страх перед неожиданным нападением; два островка на реке послужили поводом к маленьким стычкам; казалось, что когда дело дойдет до серьезной битвы, они будут иметь решающую важность.

Между тем Александр узнал, что Авизар Кашмирский, несмотря на все повторяющиеся им в последнее время уверения в своей преданности, не только поддерживает тайные сношения с Пором, но уже приближается со всем своим войском, чтобы соединиться с ним. Если и с самого начала в намерение царя вовсе не входило простоять в бездействии на правом берегу реки все время дождей, то это известие еще более заставило его серьезно подумать о скорейшем нападении, так как борьба с соединенными силами Авизара и Пора могла бы сделаться трудной, если не опасной. Но здесь, на глазах неприятеля, переправиться через реку было невозможно; большая прибыль воды и быстрота течения сделали самое русло ее ненадежным, а низкий противоположный берег был полон илистых отмелей. Было бы безумием желать вывести фаланги на берег под выстрелами выстроенного густыми рядами и стоящего в безопасности неприятеля. Наконец, необходимо было предвидеть, что при высадке македонские лошади будут испуганы запахом и хриплым криком слонов, прикрывавших противный берег, сделают попытку бежать, попадают с лодок и произведут крайне опасный беспорядок. Вся задача состояла в том, чтобы достичь неприятельского берега; поэтому Александр около полуночи приказал трубить в лагере тревогу, двинул конницу на различные пункты берега и с боевым криком и при звуках труб начал приготовляться к переправе, спустив лодки и двинув при свете дозорных огней фаланги к местам переправы вброд. В не-

приятельском лагере тоже немедленно поднялся шум, были выведены слоны, войска подступили к берегу и до утра ожидали нападения, которое, однако, не последовало. То же повторялось и в следующие ночи, и каждый раз Пор видел себя снова обманутым; ему надоело понапрасну заставлять свои войска простаивать ночи под дождем и ветром; он ограничился тем, что начал охранять реку с помощью обыкновенных постов.

Правый берег реки сопровождает ряд крутых возвышенностей, которые тянутся на три мили вверх по течению и там переходят в значительные, покрытые густым лесом горы, по северному склону которых течет небольшая речка, впадающая в Гидасп. На месте впадения этой реки Гидасп, текущий начиная с Кашмира и до этого места по направлению к югу, внезапно и почти под прямым углом меняет свое направление и течет далее на запад, окаймленный справа рядом крутых гор, а слева обширной и плодородной низменностью. Против образуемого горами угла ниже устья вышеупомянутой маленькой речки на реке лежит высокий и лесистый остров Ямада, выше которого Гидасп пересекает обыкновенная дорога в Кашмир. Это место и было выбрано Александром для переправы. Начиная от лагеря вдоль берега был расположен ряд постов, находившихся на достаточно близком друг от друга расстоянии, чтобы они могли видеть и слышать друг друга; их крики, их ночные дозорные огни, новые движения войск поблизости от лагеря должны были совершенно обмануть неприятеля относительно места предстоящей переправы, если бы он уже не привык не придавать ровно никакого значения подобным вещам. Александр, со своей стороны, по получении известия, что Авизар находится на расстоянии только трех дней пути, приготовил все для нанесения решительного удара. Кратер со своей гипархией, с конницей арахозиев и паропамизадов, с фалангами Алкета и Полисперхона и 5000 воинов индийских областных государей остался вблизи лагеря; ему было приказано не трогаться с места до тех пор, пока он не увидит, что неприятель на том берегу или покинул свой лагерь, или разбит вблизи него; если же он заметит, что неприятель разделяет свои боевые силы, то он не должен рисковать при-

ступать к переправе, пока слоны останутся на берегу против него; если же они тоже будут двинуты вверх по реке против переправляющихся около острова максдонян, то он немедленно должен переправиться со всем своим корпусом, так как слоны представляли трудности только для успешной конной атаки. Другой корпус, состоявший из фаланг Мелеагра, Горгия и Аттала и пеших и конных наемников, был двинут на полторы мили вверх по течению с приказом переправиться всем корпусом через реку, лишь только они увидят, что сражение на том берегу реки началось. Сам царь выступил из лагеря утром с гиппархиями Гефестиона, Пердикки и Димитрия и с агемой всадников под начальством Кена, со скифскими, бактрскими и согдианскими всадниками, с дакскими конными стрелками, с хиллархиями гипаспистов, с фалангами Клита и Кена и с агрианами и стрелками. Хотя все эти движения и были затруднены постоянным дождем, но в то же время ускользнули от глаз неприятеля. Чтобы быть еще более уверенным в своей безопасности, к выбранному им для переправы месту царь двинулся позади покрытых лесом береговых высот. Он прибыл туда поздно вечером; здесь под охраной леса уже давно был приведен в прежний порядок и скрыт транспорт распиленных судов, доставленных Кеном с Инда; в шкурах и бревнах для плотов и лодок тоже не было недостатка. Ночь была употреблена на приготовления к переправе, на спуск на воду судов, на наполнение шкур соломой и паклей и на постройку плотов; страшный ливень, сопровождаемый ветром и бурей, препятствовал услышать на том берегу стук оружия и работу плотников; густой лес на горах и на острове скрывал дозорные огни македонян.

Под утро буря наконец стихла, дождь перестал, и река с шумом катилась мимо высоких берегов острова; войско должно было переправиться выше него; сам царь в сопровождении телохранителей, Птолемея, Пердикки, Лизимаха, Селевка, начальствовавшего над «царскими гипаспистами», и отборного отряда гипаспистов, находился на яхте, которая открывала кортеж; на других яхтах следовали за ним остальные гипасписты, а на лодках, челноках, плотах и судах — конница и пехота; всего 4000 всадников, 1000

конных стрелков, почти 6000 гипаспистов, наконец, легко вооруженная пехота, агрианы, аконтисты и стрелки, численность которых, вероятно, доходила до 4000 человек. Две фаланги остались на правом берегу, чтобы прикрывать дорогу в Кашмир и наблюдать за ней. Яхты уже плыли мимо высокого и лесистого берега острова; достигнув его северного угла, они увидели всадников неприятельских форпостов, которые при виде переправляющегося войска быстро понеслись прочь по равнине. Таким образом, неприятельский берег был лишен защитников и там не было никого, чтобы помешать высадке. Александр явился на берегу первым, за ним причалили к берегу другие яхты, скоро за ними последовала конница и остальное войско и все построилось в походные колонны, чтобы идти дальше. В это время обнаружилось, что они находятся на острове; своим сильным течением река, русло которой в этом месте поворачивает к западу, размывла низкую полосу земли на берегу и образовала новый, обильный водою рукав; долгое время всадники тщетно и с опасностью для жизни искали брода, воды везде были слишком широки и глубоки; оставалось только привести сюда кругом острова суда и плоты. Главная опасность заключалась в том, что при сопряженной с этим потере времени неприятель успеет, пожалуй, прислать значительный отряд войск, который мог бы сделать высадку трудной и даже невозможной; тут, наконец, нашли место, где можно было перейти вброд. Люди и лошади только с величайшим трудом могли держаться против сильного течения, пешим воинам вода доходила по грудь, у лошадей поднимались над водой только головы. Постепенно различные отряды достигали берега; войско двинулось сомкнутой линией, имея справа туранскую конницу, рядом с ней македонские эскадроны, затем гипаспистов и, наконец, на левом крыле легкую пехоту, и повернуло направо вниз по берегам реки в направлении к неприятельскому лагерю. Чтобы не утомлять пехоты, Александр приказал ей медленно следовать за собой, а сам со всею конницей и стрелками под предводительством Таврона пошел в получасе расстояния впереди нее. Он полагал, что если даже Пор выступит против него со всем своим войском, то во главе своей отличной и превосходившей

силы индусов конницы он будет в состоянии выдерживать его атаку до прибытия пехоты, если же индусы отступят, испуганные его внезапным появлением, то его 5000 всадников ему будет достаточно для того, чтобы ударить неприятеля и преследовать его.

Пор со своей стороны, когда отступившие форпосты сообщили ему о приближении значительных сил, в первую минуту подумал, что это Авизар Кашмирский со своим войском; но мог ли его союзник не известить его о своем приближении и, переправившись через реку, не прислать к нему вперед извещение о своем благополучном прибытии? Было слишком ясно, что высадившиеся на берег были македоняне, что неприятель беспрепятственно и благополучно совершил переправу, которая могла бы стоить ему многих тысяч его войска, и что у него нельзя теперь оспаривать обладание берегом со стороны Индии. Между тем массы войск, которые, как они видели, были еще выстроены на том берегу вверх и вниз по реке, по-видимому доказывали, что переправившийся через реку корпус не мог быть значительным. Пор должен был принять все меры для того, чтобы отрезать и уничтожить его, раз что он переправился; он должен был, не теряя времени, приступить к нападению, которому так благоприятствовали и которого почти требовали его боевые колесницы и слоны. Вместо этого он в данную минуту заботился только о том, чтобы остановить дальнейшее движение неприятеля и избежать всякой решительной встречи до прибытия Авизара. Он выслал против македонян своего сына с двумя тысячами всадников и ста двадцатью колесницами, надеясь, что и при таких силах он будет в состоянии удержать царя Александра.

Увидев приближение этого корпуса по прибрежной равнине, Александр был вполне убежден в том, что на него идет Пор со всем своим войском и что это лишь его авангард; он приказал своим изготовиться к сражению; но в то время он замстил, что за этими всадниками и колесницами не следует никакого другого войска и тчас же отдал приказ к атаке. Чтобы привести неприятеля в беспорядок и окружить его, на него со всех сторон бросились туранские всадники; следом за ними понеслись в атаку македонские эскадроны; тщетно старались индусы удержаться

или отступить; скоро они, несмотря на отчаянное сопротивление, были совершенно разбиты, четыреста воинов легло на месте и в том числе сын царя. Колесницы, которые не могли быстро передвигаться по неровной и вязкой почве равнины, попали в руки македонян, которые двинулись теперь вперед с удвоенной энергией.

Остатки разбитого корпуса принесли в лагерь известие о своем поражении, о смерти царского сына и о приближении Александра. Пор слишком поздно понял, какого неприятеля он имеет перед собою; было необходимо быстро постараться предотвратить, насколько это еще возможно, последствия полумеры, которая только ускорила приближение опасности. Единственным средством спасения было броситься теперь на наступающего неприятеля со всем своим подавляющим численностью войском и уничтожить его, не давая ему времени привлечь к себе более войск, что лишило бы Пору последнего преимущества, которое он еще имел над ним; но он не мог лишать прикрытия берег против македонского лагеря, так как в противном случае выстроенное там и вполне готовое к битве войско могло бы совершить переправу и начать грозить боевой линии индусов с тыла. Поэтому для наблюдения за движениями Кратера и для прикрытия берега Пор оставил в лагере несколько тысяч воинов; а сам со всею своею конницей, состоявшей из 4000 всадников, 300 боевыми колесницами, с 30 000 человек пехоты и с 200 слонов выступил против Александра. Обогнув справа болотистую равнину, тянувшуюся около реки, и достигнув чистого песчаного поля, представлявшего одинаковые удобства и для возможности развернуть его боевые силы и для движения его слонов, он выстроил свое войско в боевой порядок по индийскому обычаю: впереди была страшная линия из двухсот слонов, которые, поставленные в пятидесяти шагах друг от друга, занимали почти целую милю пространства, позади них была выстроена второй колонной пехота отрядами по сто пятьдесят человек, каждый — между двумя слонами; к крайним отрядам правого и левого крыла, которые выступали за линию слонов, примыкали с каждой стороны по две тысячи всадников; оба конца этой длинной боевой линии были прикрыты полтора-два колеса

ницами каждый, причем на каждой колеснице было двое тяжеловооруженных воинов, двое стрелков с большими луками и двое вооруженных возниц. Вся сила этой боевой линии заключалась в двухстах слонах, действие которых должно было быть тем ужаснее, что конница, на которой Александр основывал свою надежду на победу, не была в состоянии держаться против них.

Действительно, правильно проведенное нападение должно было бы уничтожить македонян; слоны должны были бы броситься на неприятельскую линию и, прикрываемые отдельными отрядами пехоты, как орудия стрелками, обратить в бегство конницу и растоптать своими ногами фалангу, а индийская конница вместе с боевыми колесницами должна была броситься преследовать бегущих и отрезать им возможность бежать за реку; даже крайне растянутая и далеко выступившая за ряды неприятеля боевая линия могла бы оказаться весьма полезной, если бы одновременно с нападением слонов колесницы и всадники обоих крыльев, сделав полуоборот, ударили бы во фланги неприятеля. Во всяком случае Пор, увидев противника перед собою лицом к лицу, должен был начать нападение, чтобы не предоставить неприятелю преимущества атаки и выбора пункта, где должно начаться сражение. Он медлил; Александр предупредил его и воспользовался всем с тою осмотрительностью и смелостью, которые одни только могли составить противовес численному превосходству неприятеля.

По занимаемому им пространству его маленькое войско едва равнялось четвертой части боевой линии неприятеля с ее слонами и расположенными на крыльях боевыми колесницами. Здесь, как и в своих прежних сражениях, он тоже должен был повести нападение косою линией и ударить со всеми силами в одну точку; он должен был — а со своими войсками он мог решиться на это — выступить против неповоротливой массы неприятеля рассыпным строем, броситься на него и затем, как результат победоносной атаки отдельных частей своего войска, ожидать, что они снова соединятся в назначенное время и в назначенном месте. Так как перевес индусов заключался в слонах, то при нанесении решительного удара необходимо

было избегать их; этот удар должен был быть направлен против наиболее слабого пункта неприятельской линии и для своего полного успеха должен был быть поручен такой части войска, перевес которой был несомненен. У Александра было 5000 человек конницы, тогда как неприятель имел на каждом крыле только около 2000, которым разделявшее их значительное пространство не позволяло оказать своевременной поддержки друг другу и которые имели ненадежную опору только в 150 колесницах, стоявших подле них. Частью военный обычай македонян, частью желание вести нападение возможно ближе к реке, чтобы не быть совершенно оттесненными от расположенного по ту сторону реки корпуса Кратера, побудили царя предложить открыть сражение правому крылу. Увидев вдали выстроенную боевую линию индусов, он приказал всадникам остановиться и подождать, пока не подойдут отдельные хилиархии пехоты. Они подходили бегом, горя желанием померяться силою с врагами; чтобы дать им передохнуть и держать неприятеля в отдалении до тех пор, пока они не построятся в боевой порядок, неприятеля должны были занимать всадники, то здесь, то там нападая на него. Наконец линии пехоты были выстроены, справа стали царские гипасписты Селевка, затем агемы и остальные хилиархии под предводительством Таврона; они получили приказ не принимать участия в деле до тех пор, пока не увидят, что левое крыло неприятеля опрокинуто атакой всадников и что неприятельская пехота второй линии тоже пришла в беспорядок.

Уже всадники, с которыми царь думал произвести нападение, гиппархии Гефестиона и Пердикки и дакские стрелки, числом около 3000 человек, быстро двинулись вперед, делая полуоборот направо, между тем как Кен с агемой и гиппархией Димитрия двинулся еще далее направо с поручением броситься на стоящих против него неприятельских всадников с тыла, когда они поскачут вправо на помощь своим, смятым первой атакой.

Приблизившись на расстояние полета стрелы к линии неприятельской конницы, Александр двинул вперед 1000 даков, чтобы привести в беспорядок ряды индийских всадников градом стрел и бурной быстротою их диких коней.

Сам он двинулся еще правее к фалангу индийских всадников, чтобы изо всех сил ударить по ним прежде, чем они, приведенные в смущение и расстройство атакой лаков, успеют выстроиться в линию и двинуться навстречу ему. Видя перед глазами близкую опасность, неприятель поспешил собрать своих всадников и пустить их в контратаку. Но Кен тотчас же бросился и ударил в тыл повернувшим направо всадникам, которые раньше стояли против него. Захваченные совершенно врасплох и задержанные в своем движении этою второю опасностью, индусы, желая дать отпор обоим отрядам всадников, которые одновременно угрожали им, сделали попытку образовать фронт на две стороны. Александр воспользовался для атаки моментом, когда они строились таким образом, и лишил их этим возможности ожидать его атаки; они бросились бежать, ища защиты за сильной линией слонов. Тем временем Пор повернул часть этих животных и двинул их против неприятельской конницы; македонские лошади не могли выносить их хриплого крика и в испуге бросились назад. В это же время бегом подоспела фаланга гипаспистов; на них бросились другие слоны линии, и завязался ужаснейший бой; эти животные проникали в самые густые ряды македонян, растапывая их своими ногами, с воєм повергая их на землю своими хоботами и пробивая своими клыками; каждая рана возбуждала в них только большую ярость. Македоняне не уступали, отдельными кучками они вступали в единоборство с исполинскими животными, не достигая никакого другого результата, кроме того, что не давали уничтожить себя или обратить в бегство. Ободренные нападением слонов, индийские всадники, наскоро собравшись и построившись, бросились в атаку на македонских всадников; но последние, превосходя их физическою силою и опытностью, отбросили их вторично, так что они снова спаслись бегством за слонов. Теперь ход сражения дозволил уже и Кену соединиться с гиппархиями царя, так что вся его конница могла действовать сомкнутой массой. Она всею своею силою обрушилась на индийскую пехоту, которая, не будучи в состоянии сопротивляться, обращенная в беспорядочное бегство и по пятам преследуемая неприятелем, с большими потерями

бежала к сражавшимся слонам. Таким образом, на ужасной арене битвы слонов стеснились многие тысячи; друг и недруг перемешались между собою в тесном и кровопролитном беспорядке, животные, лишенные по большей части своих вожakov, испуганные и возбужденные дикими криками сражающихся, разъяренные полученными ими ранами, били и топтали все, что приближалось к ним, друга и недруга. Македоняне имели перед собою все пространство обширной равнины, на которой они могли двигаться свободно в виду животных, отступать там, где они бросались на них, стрелять в них и преследовать их, когда они оборачивались, тогда как индусы, которым приходилось двигаться между ними, не могли ни спрятаться, ни спастись. Тут наконец Пор, руководивший сражением со своего слона, собрал, как говорят, сорок еще не раненых животных, чтобы двинуться в бой вместе с ними и таким образом решить страшную битву. Александр направил против них своих стрелков, агрианов и аконтистов, которые со свойственной им ловкостью ускользали там, где уже одичавшие животные были направлены против них, и издали поражали своими стрелами их и их вожakov, или же осторожно подкрадывались к ним и перерубали им своими топорами жилы на ногах. Уже множество слонов корчилось в предсмертных судорогах на переполненном мертвыми и умирающими поле; другие, рыча от бессильного гнева, еще раз, шатаясь, бросались на смыкавшую уже свои ряды фалангу, которая их более не боялась.

Тем временем Александр собрал своих всадников на одном конце поля битвы, между тем как на другом строились гипасписты, щит к щиту. Теперь царь отдал приказ произвести общую атаку на окруженного неприятеля, беспорядочную массу которого должна была раздавить эта произведенная с двух сторон атака. Наконец всякое сопротивление было сломлено, кто мог — бежал от страшной резни в глубь страны, в привычные болота и в лагерь. Уже, следуя полученному ими приказу, с другого берега реки переправились Кратер и другие стратеги и высадились на берег, не встретив никакого сопротивления; они подоспели как раз вовремя для того, чтобы избавить от труда преследования утомленные восьмичасовой битвой войска.

Было убито около двадцати тысяч индусов, в том числе два сына Пора и раджа Эпитак, равно как и все предводители пехоты и конницы, все возницы и корнаки; три тысячи лошадей и более ста слонов легли мертвыми на поле битвы, около восьмидесяти слонов попало в руки победителя²⁵. Царь Пор, видя свое могущество сломленным, своих слонов побежденными, а свое войско окруженным и пришедшим в полный беспорядок, искал смерти в бою; долго защищал его золотой его панцирь и осторожность несшего его умного животного; наконец, в его правое плечо ударила стрела; не будучи в состоянии продолжать битву и озабоченный тем, чтобы не попасться живым в руки врагов, он поворотил свое животное, чтобы удалиться из свалки. Александр все время видел высокую седую фигуру индийского царя на роскошно украшенном слоне, часто показывавшуюся среди самой густой сечи, везде отдававшую приказания и ободрявшую своих. Восхищенный храбростью этого государя, он бросился за ним²⁶, чтобы спасти его жизнь во время бегства; в это время изнуренный знойным днем, под ним пал его старый, верный боевой конь Буцефал. Он послал за бегущим царя Таксилы. Увидев своего старого врага, Пор поврнул свое животное и, собрав последние силы, метнул в царя дротиком, от которого последнему удалось увернуться только благодаря быстроте своего коня. Александр послал за ним других индусов и в том числе раджу Мероя, бывшего прежде в дружбе с царем Пором. Пор, изнуренный потерей крови и томимый жгучею жаждой, хладнокровно выслушал его, затем его животное стало на колени и тихо поставило его своим хоботом на землю; он напился воды и, отдохнув немного, попросил раджу Мероя отвести его к Александру. Когда царь увидел его идущим к себе, он поспешил к нему на встречу в сопровождении немногих из своих приближенных; он был поражен красотой престарелого государя и благородной гордостью, с какой тот, хотя и побежденный, вел себя с ним. После первых приветствий Александр, как говорят, спросил его, как бы он желал, чтобы с ним обходились. «Как царь с царем», — был ответ Пора. На это Александр сказал: «Я с моей стороны готов поступить таким образом: требуй всего, чего тебе будет угодно». И Пор отвечал: «В этом одном слове заключается все».

Царь отнесся к побежденному по-царски; его великодушные были самой лучшей политикой. Целью индийского похода не служило приобретение непосредственного господства над Индией. Александр не мог стремиться одним ударом сделать непосредственными членами македонско-персидского царства народы, высокая и оригинальная культура которых выступала перед ним тем великолепнее, чем далее он проникал. Но быть повелителем всех земель до Инда, приобрести решительный политический перевес и на другом его берегу и обеспечить здесь эллинистической жизни такое влияние, что с течением времени даже непосредственное соединение Индии с остальной Азией могло бы стать делом осуществимым, — таковы были, по-видимому, руководящие начала политики Александра в Индии; не народы, но государи должны были зависеть от него. Прежнее положение Пора в пятиречье Инда могло служить масштабом для политики Александра. До сих пор очевидно, что Пор или имел в своих руках принципат в области пяти рек, или добивался его, и этим-то именно и возбудил зависть в радже Таксилы. Хотя его государство обнимало, собственно, только дошедшие до высокой степени культуры равнины между Гидаспом и Акезаном, но его племянник Спитак и его двоюродный внук Нор, вероятно, от него получили свои владения на западном берегу Гидаспа и на восток от Акезина в Гандаритиде, так что область его политического влияния простиралась к востоку до Гиаротиды, составлявшей границу с независимыми народами Индии. Мало того, заключив союз с Авизаром, он осмелился протянуть свою руку даже к их землям, и хотя все его старания и разбились о мужество этих племен, но он сохранил за собою решительное влияние в землях по Инду. Александр уже значительно увеличил государство Таксилы; он не мог основывать всех своих расчетов на верности одного государя; подчинить всю страну пяти рек скипетру союзного государя было бы самым верным путем к тому, чтобы сделать для него тягостной зависимость от Александра и дать ему в руки средства избавиться от нее, тем более, что старая вражда Пора к радже легко позволила бы ему найти себе союзников среди независимых племен. Александр не мог построить своего влияния в Индии на

более прочном основании, чем на соперничестве этих двух государей. Кроме того, признавая Пору государем, он этим самым приобретал право напасть на жившие еще восточнее народы как на врагов своего нового союзника, и на их покорении основать свое дальнейшее влияние в этих землях. Он должен был настолько увеличить могущество Пора, чтобы оно могло отныне составлять противовес государю Таксилы, он должен был даже укрепить за ним еще большее могущество и даровать ему даже господство над его прежними противниками, так как отныне Пор мог найти свое право и свою опору против них и против Таксилы только в милости македонского царя.

Таковы были приблизительно причины, побудившие Александра после победы при Гидаспе не только утвердить за Пором его владения, но даже значительно увеличить их. Он ограничился тем, что основал эллинистические города на двух наиболее важных пунктах переправы через Гидасп. Один из них, выстроенный на том месте, где к реке спускается ведущая из Кашмира дорога и где сами македоняне переправились в землю Пора, получил свое имя от Буцефала, другой — милях в двух ниже по реке, где было дано сражение, был назван Никеей. Александр дал своему войску тридцатидневный отдых в этой прекрасной и богатой местности; погребение павших в бою, победные жертвоприношения, соединенные с различными играми, закладка двух новых городов с избытком заполнили это время.

Самого царя занимали различные расположения, которыми он желал обеспечить за собою последствия победы. Всего важнее было установить политические отношения с раджей Авизаром, который, несмотря на скрепленные клятвой договоры, намеревался принять участие в борьбе против Александра. В это время от Сизикотта, коменданта Аорна, пришло известие, что ассакенцы возмутились и умертвили назначенного им Александром государя. Прежние сношения этого племени с Авизаром и его очевидное нероломство делали только слишком вероятным то, что эти опасные движения не обходятся без его участия. Сатрап Паропамиза Тирасп и сатрап Индии Филипп получили приказ выступить со своими войсками для подавления

восстания. Около этого времени к Александру прибыло посольство от Пора, раджи Гандаритиды, «трусливого Пора», как его называли греки, который, по-видимому, желал, чтобы ему зачли в заслугу то, что он не поддерживал против Александра своего царственного родственника и покровителя, и который считал настоящий случай благоприятным для того, чтобы, изъявив покорность Александру, стряхнуть с себя тягостную зависимость от своего престарелого родственника. Как должны были изумиться послы, когда они увидели того же самого государя, которого они ожидали видеть по меньшей мере в цепях у ног своего победителя, сидящим рядом с Александром в величайшем почете и сохранившим за собою все свои владения; вероятно, ответ, который они получили от великодушного царя для передачи своему государю, был не особенно благоприятен. Более благосклонно были приняты те изъявления покорности соседних независимых племен, которые принесли их посольства вместе с богатыми дарами; они добровольно подчинялись царю, перед могуществом которого должен был преклониться могущественный государь пятиречья.

Тем необходимее было силою оружия заставить покориться других, которые еще колебались. Кроме того, Ави-зар, несмотря на свое очевидное отпадение, рассчитывая, вероятно, на защищенное горами положение своего государства, не прислал послов и не сделал ровно ничего для того, чтобы оправдать себя перед Александром. Поход в горы должен был заставить покориться горные племена и в то же время напомнить об опасности и долге вероломному государю. После тридцатидневного отдыха Александр выступил с берегов Гидаспа, оставив Кратера с большою частью войска доканчивать постройку обоих городов. Сопровождаемый государями Таксилем и Пором, половиной македонской конницы, отборными воинами из всех частей пехоты и большою частью легковооруженных войск, к которым были присоединены приведенные как раз теперь сатрапом Парфии и Гиркании Фратаферном, фракийцы, которые были у него оставлены, Александр двинулся к северо-востоку против главзов, или главкаников, как их называли греки, живших в поросших густыми лесами пред-

горях выше равнины, открывая себе этим движением в то же самое время горную дорогу в Кашмир. Теперь только Авизар, быстро изменив свою политику, поспешил просить прощения у царя; прислав посольство, во главе которого стоял его брат, он предавал себя и свое государство милости Александра; он засвидетельствовал свою преданность, прислав ему в подарок сорок слонов. Александр не верил его прекрасным словам: он потребовал, чтобы Авизар немедленно лично явился пред ним, грозя, что в противном случае он сам придет к нему во главе македонского войска. Он двинулся далее в горы. Главзы покорились; их густонаселенная область — она насчитывала в себе 37 городов, из которых ни один не имел менее 5000 жителей, а многие более 10 000, и, кроме того, большое количество деревень и местечек — были отданы царю Пору. Леса в этих местах с избытком доставили то, чего желал Александр; он приказал рубить множество деревьев и сплавлял их в Букефалу и Никею, где под надзором Кратера должен был строиться большой речной флот, на котором после покорения Индии он думал спуститься по Инду к морю.

Войско двинулось на восток к Акезину, Александр получил известие, что раджа Гандаритиды Пор, обеспокоенный дружественными отношениями, установившимися между его двоюродным дедом и Александром и сомневаясь в возможности получить прощение за грязные мотивы своей покорности, собрал, сколько мог, вооруженных воинов и сокровищ и бежал к Гангу. Достигнув берегов широкого Акезина, Александр отослал назад в его землю царя Пора с поручением набрать войско и вести его вслед за ним со всеми слонами, которые еще годны к битве после сражения при Гидаспе. Сам Александр переправился со своим войском через реку, которая в своем разливе достигла почти трех четвертей часа ширины, катилась по опасному своими камнями и выступами скал ложу и погубила своим стремительным, полным водоворотов течением многих переправлявшихся на челноках; благополучнее произошла переправа на шкурах от шатров. Здесь, на левом берегу, остался Кен со своей фалангой, чтобы следить за переправой шедших сзади частей войск и доставлять из земель Пора и Таксилы все нужное для прокормления

главной армии. Сам Александр, не встречая сопротивления, двинулся далее к востоку через северные части Гандаритиды в надежде, что успеет еще догнать вероломного Пору; на главных пунктах он оставил гарнизоны, которые должны были ожидать шедшие сзади корпуса Кратера и Кена. Достигнув берегов Гиарота, пограничной реки Гандаритиды с востока, Александр отправил к югу, с двумя фалангами, с его гиппархией и с гиппархией Димитрия и с половиной стрелков, Гефестиона, которой должен был пройти по государству бежавшего государя от начала до конца, подчинить себе жившие между Гиаротом и Акезином независимые племена, основать около большой дороги на левом берегу Акезина город и передать все эти земли верному Пору. Сам Александр с главными силами перешел через эту менее трудную для переправы реку и вступил теперь в земли так называемых независимых индусов.

Замечательное и основанное на своеобразных условиях природы Пенджаба явление составляет то, что здесь во все времена, хотя и под различными именами, образовались и существовали республиканские государства, составлявшие предмет ужаса для всеобщего деспотизма Азии и для правоверного индуса области Ганга; панджанадов он с презрением называет *arattas*, «не имеющими царей»; даже и их государи, когда они есть у них, не принадлежат к старинной и священной касте, не имеют исконных прав, а являются узурпаторами. Может почти показаться, что даже и царская власть Пора носила этот характер, но его попытка подчинить своей власти всю лишенную царей Индию разбилась о сопротивление живших по ту сторону Гиарота воинственных и могущественных племен; для победы над ними необходимо было европейское оружие. Только немногие из них покорились, не пытаясь бороться; большинство ожидало неприятеля с оружием в руках; к числу последних принадлежали кафеи, или кафары, которые, пользуясь славою самого воинственного племени страны, не только сами приготовились к войне наилучшим образом, но и призывали к оружию и убедили примкнуть к себе также и независимые соседние племена.

При вести об их вооружениях Александр двинулся к востоку через земли адрестов, которые подчинились ему

добровольно. На третий день он приблизился к столице кафеев, Сангале. Это был город значительного объема, окруженный крепкими стенами, с одной стороны он был защищен озером, а с другой на некотором расстоянии от ворот поднимался горный кряж, господствовавший над равниной. Кафеи и их союзники укрепились на этой горе, насколько могли, окружили ее тройным рядом сдвинутых друг с другом боевых колесниц, а сами стали лагерем внутри этого крепкого, составленного из колесниц укрепления: находясь сами вне нападения, они быстро и со значительной силой могли встретить каждое движение неприятеля. Александр понял весь опасный характер такой позиции, вполне соответствовавший рассказам о смелости и боевой ловкости этого народа, но чем более он мог ожидать от них нечаянного нападения и какого-либо рискованного тыла, тем быстрее он считал необходимым приступить к решительным действиям.

Он немедленно двинул вперед конных стрелков, которые должны были кружить около неприятеля и обстреливать его, лишая его таким образом возможности произвести вылазку против не успевших еще построиться в боевой порядок войск. Тем временем на правое крыло были двинуты агема конницы и гиппархия Клита, гипасписты и агрианы, а на левое — фаланги и гиппархия Пердикки, который командовал левым крылом; стрелки были распределены по обоим крыльям. Пока они строились, подошел и арьергард; всадники его были распределены по обоим флангам, а пехота была использована для того, чтобы придать более плотности фаланге. Александр тотчас же начал атаку; он заметил, что у неприятеля на левой стороне ряд колесниц был менее плотен и что местность была более свободна; сильной конной атакой против этого слабого пункта он надеялся заставить неприятеля произвести вылазку, при которой ряд колесниц раздвинулся бы. Он бросился на это место во главе своих двух гиппархий; неприятельские колесницы остались стоять сомкнутой линией, ряд дротиков и стрел встретил македонских всадников, которые, конечно, не были тем войском, которое могло бы штурмовать или брать приступом составленное из колесниц укрепление. Александр соскочил с коня, стал во

главе подошедшей между тем пехоты и повел ее в атаку. Индусы были отброшены без большого труда; они отступили за второй ряд колесниц, где могли сражаться с большим успехом, так как меньший круг, который они должны были защищать, давал им возможность сомкнуться плотнее и сосредоточить на каждом пункте большее количество воинов. Для македонян атака была вдвойне затруднена тем, что они должны были сначала убрать, наваливая их друг на друга, колесницы и осколки колесниц уже взятого ими приступом кольца, чтобы затем отдельными кучками проникнуть вперед между ними. Завязался кровопролитный бой, и храбрость македонян должна была выдержать жестокое испытание против опытного в военном деле и сражавшегося с величайшим ожесточением неприятеля. Но когда и эта линия колесниц была прорвана, кафеи отчаялись в том, что им удастся удержаться против такого страшного противника еще за третьей линией; поспешным бегством они спаслись за стенами своего города.

Александр еще в тот же самый день окружил город своею пехотой, за исключением одного места, на котором лежало не особенно глубокое озеро; это последнее он окружил своими всадниками, полагая, что кафеи, пораженные исходом этого дня, попытаются в тишине ночи бежать из своего города и изберут себе путь через озеро. Его предположение оказалось справедливым. Около второй стражи ночи конные посты заметили большое стечение народа по ту сторону городской стены, скоро индусы начали переходить вброд озеро, пытаясь достичь берега и затем бежать дальше. Они были пойманы и изрублены всадниками, остальные с криком бросились обратно в город; остаток ночи прошел спокойно.

На следующее утро Александр велел приступить к осадным работам; от берегов озера крутом города и снова до берегов озера был проведен двойной вал; само озеро было окружено двойною линией постов; были устроены черепахи и тараны, которые должны были работать против стен и пробивать в них бреши. В это время перебежчики из города принесли известие, что осажденные хотят следующей ночью произвести вылазку; они думают прорваться со стороны озера, где в линии валов находится перерыв.

Чтобы помешать исполнению неприятелем своего плана, царь приказал трем хилиархиями гиласпистов, всем агрианам и таксису стрелков под предводительством телохранителя Птолемея занять то место, где почти наверное можно было ожидать неприятеля; он приказал ему, если варвары произведут вылазку, сопротивляться им изо всех сил и в то же время приказать трубить тревогу, чтобы остальные войска могли тотчас же выступить и спешить в битву. Птолемей неотложно поспешил занять свою позицию и по возможности лучше укрепиться на ней; он велел привезти сюда как можно более уцелевших еще от вчерашнего дня колесниц и выставить их косою линиею и навалить во многих местах между стеною и озером оставшиеся еще не вбитыми колья, чтобы преградить бегущему в темноте ночи неприятелю знакомые ему дороги. За этими работами прошла большая часть ночи. Наконец, около четвертой ночной стражи отворились ведущие к озеру ворота города, и враги густою толпою повалили из них; Птолемей немедленно приказал трубить тревогу и в то же время двинулся на них со своими стоявшими уже наготове людьми. Пока индусы пролагали себе путь между колесницами и кучами кольев, Птолемей со своими людьми был уже посреди них, и после долгой и беспорядочной борьбы они увидели себя принужденными бежать обратно в город.

Таким образом, индусам был отрезан всякий путь к бегству. В это время возвратился Пор, приведя с собою остальных слонов и 5000 индусов. Осадные машины были готовы и подвезены к стенам; во многих местах были произведены подкопы и так удачно, что скоро там и сям образовались бреши. Наконец к стенам были приставлены лестницы и город был взят штурмом; только немногим из осажденных удалось спастись, значительно большее количество их было перебито на улицах города озлобленными македонянами. Говорят, что число убитых доходит до 17 000, что не лишено вероятия, так как Александр, чтобы сделать возможным покорение этого воинственного племени, отдал строгий приказ убивать всех вооруженных; 70 000 пленных, о которых упоминают наши источники, составляли, по видимому, остальное население этого индийского го-

рода. Сами македоняне насчитывали у себе около 100 убитых и необыкновенно большое количество раненых, а именно — 1200 человек, в числе которых находились телохранитель Лизимах и множество других офицеров.

Тотчас же после взятия города штурмом Александр послал к двум другим находившимся в союзе с кафеями городам кардианца Эвена при 300 всадниках с вестью о падении Сангалы и с предложением сдаться. Если он добровольно подчиняется царю, то им нечего будет бояться, как и многим другим индусам, которые начинают понимать, что дружба с македонянами составляет для них истинное благо. Но бежавшие из Сангалы принесли с собою страшные вести о жестокости Александра и о кровожадности его солдат; в дружественные слова завоевателя не верил никто, жители обоих городов бросились искать спасения в поспешном бегстве, захватив с собою столько имущества, сколько они могли унести. При вести об этом Александр быстро выступил из Сангалы преследовать бегущих; но они опередили его на слишком большое расстояние и в его руки попали и были перебиты только несколько сот человек, оставших из-за усталости. Царь возвратился в Сангалу: город был сровнен с землею, а его земли были разделены между соседними племенами, которые покорились добровольно и в городах которых были поставлены гарнизоны, отвести которые туда было поручено Пору.

После страшного наказания Сангалы и ужаса, распространенного преувеличенными слухами о дикой жестокости чужеземного завоевателя, Александр тем действительнее умел успокаивать умы своею кротостью и великодушием там, где к этому представлялся случай. Скоро дальнейшая борьба была уже не нужна; куда он ни приходил, население покорялось ему. Тогда он вступил в область раджи Сопифа, государство которого охватывало собою первые горные цепи Имая и залежи каменной соли у истоков Гифазиса. Войско приблизилось к царской резиденции, в которой, как было известно, находился Сопиф; ворота были заперты, на бастионах и башнях стен не было ни одного вооруженного воина; было неизвестно, покинут ли город, или приходится страшиться измены. В это время ворота открылись; окруженный пестрым и блестящим штатом

индийских государей, одетый в светлые одежды, обвешанный нитками жемчуга, драгоценными камнями и золотыми украшениями, сопровождаемый громом музыки и богатою свитой, раджа Сопиф вышел навстречу царю и, поднеся ему множество дорогих даров, между которым находилась стая тигровых собак, изъявил ему свою покорность; его царство было ему оставлено и, как кажется, увеличено. Затем Александр двинулся далее в соседнюю область раджи Ферей; последний тоже поспешил изъявить ему свою покорность и принести свои дары; он был оставлен владеть своим государством. Это была самая восточная земля, в которую суждено было вступить Александру в своем победном шествии.

Историческое предание замечательным образом затмило этот пункт истории Александра. Даже в том, что касается внешних операций, мы имеем лишь недостаточные и противоречивые сведения; многие македоняне писали на родину о невероятных вещах: Кратер, как говорят, написал своей матери, что они проникли до Ганга и видели эту громадную реку, переполненную акулами и волновавшуюся, как море. Другие, согласно с истиною, называли конечным пунктом македонского похода Гифазис; но чтобы объяснить каким-нибудь образом, почему завоеванию был положен здесь предел, они привели последний повод к тому, чтобы повернуть обратно, в связь с такими причинами, относительно цены которых нас не должны обманывать ни обычная правдивость историков древности, ни безусловная вера, с которой к ним относились в течение двух тысячелетий.

Александр, как рассказывают, проник до берегов Гифазиса с намерением покорить земли также и по ту сторону, так как ему казалось, что война все же еще не кончена, пока хотя где-нибудь существуют враги. Здесь он узнал, что за Гифазисом находится богатая страна, в которой живет народ, прилежно возделывающий поля, воинственный, мужественный и имеющий отличное законодательство; знатные правят там народом, не угнетая и любя его; боевые слоны там сильнее, свирепее и многочисленнее, чем в каком-либо другом месте Индии. Все это возбудило в царе желание проникнуть далее. Но македоняне с тревогой

видели, как их царь нагромождает труды на труды, опасности на опасности; они начали то здесь, то там собираться в лагере, жаловались на свою печальную судьбу и клялись друг другу, что не пойдут далее, даже если Александр будет им приказывать. Когда царь узнал это, то, не давая беспорядку и упадку духа распространиться в войсках, поспешил призвать к себе «предводителей таксисов». «Так как они, — так сказал он, — не желают следовать за ним далее, разделяя его желания, то он призвал их для того, чтобы или убедить их в пользе дальнейшего похода, или быть убежденным ими и возвратиться домой. Если прежние войны и его предводительство кажутся им заслуживающими упрека, то ему нечего более говорить; для мужественного человека он не знает другой цели борьбы, кроме самой борьбы. Если кто-нибудь желает знать конечный пункт его походов, то он может сказать им, что до Ганга, до моря на востоке уже теперь недалеко; там он покажет своим македонянам морской путь к Гирканскому, к Персидскому морю, к берегу Ливии и к геркулесовым столбам; границы, которые бог дал этому миру, должны быть границами македонского царства; но теперь между противоположным берегом Гифазиса и Восточным морем еще предстоит покорить не один народ, а за ними до самого Гирканского моря еще бродят независимые орды скифов. Неужели македоняне боятся опасностей? Неужели они забывают о своей славе и о надежде? Потом, когда мир будет покорен, он приведет их обратно в Македонию богатыми имуществом, славой и воспоминаниями».

Продолжительное молчание последовало за это речью Александра, никто не решался ни возражать, ни соглашаться; тщетно царь не раз приглашал их говорить, заявляя, что он готов выслушать даже противное мнение. Македоняне долго молчали; наконец поднялся Кен, сын Полемократа, стратиг элимиатийской фаланги, который отличался так часто и еще недавно отличился в сражении при Гидаспе. «Царь, — сказал он, — желает, чтобы войско следовало не столько его приказаниям, сколько своему собственному убеждению; поэтому он будет говорить не за себя и предводителей, которые готовы на все, но за массу войска, и не для того, чтобы угодить ей, но чтобы сказать

самому царю, какой путь для него и теперь, и в будущем будет самым верным; его года, его раны, доверие царя дают ему право говорить прямо: чем более свершили Александр и его войско, тем необходимее положить наконец этому предел; те из старых воинов, которые еще остались в живых, немногие в войске, а другие, рассеянные по городам, мечтают вернуться на родину, к отцу и матери, к жене и детям; там желают они прожить закат своей жизни, окруженные близкими, вспоминая о своей богатой подвигами жизни, наслаждаясь славой и богатством, которые разделил с ними Александр. Такое войско не должно посылаться на новые войны, пусть Александр ведет его домой, где он увидится со своею матерью и украсит храмы родины трофеями. Если он жаждет новых подвигов, он снарядит новое войско и двинется с ним в Индию или Ливию, к морю на востоке, или за него к геркулесовым столбам и милосердные боги даруют ему новые победы; но лучший дар богов есть умеренность в счастье; не врагов должен он бояться, но богов и их предопределения». Кен окончил свою речь среди всеобщего волнения; многие не могли удержаться от слез, видно было, насколько сердце их было полно мыслью о возвращении на родину. Недовольный словами стратига и встреченным ими сочувствием, Александр распустил собрание. На следующий день он снова собрал его. Скоро, сказал он, он двинется далее, он не будет принуждать ни одного македонянина следовать за ним, у него осталось еще достаточно храбрецов, которые жаждут новых подвигов, остальные же могут идти на родину, он это им позволяет; пусть они расскажут у себя на родине, как они покинули своего царя посреди вражеской земли. С этими словами он оставил собрание и удалился в свой шатер; три дня не показывался он македонянам: он ожидал, что настроение войска переменится, что армия решится продолжать поход дальше.

Македонянам было тяжело чувствовать немилость царя, но они не изменили своего решения. Несмотря на это, на четвертый день царь принес жертву на берегах реки, чтобы освятить переправу; приметы жертвы были неблагоприятны; тогда он призвал к себе старейших и преданнейших ему этеров и объявил им, а через них и всему войску,

что он решил вернуться на родину. Македоняне плакали и смеялись от радости, они столпились крутом шатра царя и громко славил его за то, что он, всегда неколебимый, позволил победить себя своим македонянам.

Таков рассказ Арриана; у Курция и Диодора он изменен и дополнен некоторыми побочными обстоятельствами риторического характера, если можно так выразиться; по их словам, Александр, чтобы склонить свои войска продолжать поход далее, послал их на грабеж в богатые земли по берегам Гифазиса, то есть в дружественное государство Фегея, а во время отсутствия войск подарил женам и детям солдат платья и разные запасы и, кроме того, месячный оклад жалованья; затем он созвал возвращавшихся с добычею солдат на собрание и обсудил важный вопрос о продолжении похода не в военном совете, но перед все войском в совокупности.

Страбон говорит: «Александр был побужден повернуть назад некоторыми священными приметами, настроением войска, отказавшегося продолжать поход вследствие громадных трудов, уже перенесенных им, но главным образом тем, что оно сильно пострадало от непрерывных дождей». Мы не должны упускать из виду всего огромного значения этого последнего пункта, чтобы понять поворот назад от берегов Гифазиса. Клитарх, которого мы узнаем в словах Диодора, в живых образах изображает жалкое положение армии. «Немного македонян, — говорит он, — осталось в живых, и эти оставшиеся были близки к отчаянию, копыта лошадей были стерты далекими походами, множество сражений притупило и сокрушило оружие воинов; никто не имел болес греческого платья, лохмотья варварской и индийской добычи, кос-как сшитые друг с другом, прикрывали эти покрытые шрамами тела завоевателей вселенной; уже семьдесят дней с неба падали страшнейшие дожди, сопровождаемые вихрями и бурями». Действительно, именно теперь были в полном разгаре пешкакали, тропические дожди, сопровождаемые разливами рек; представим себе, как должно было страдать западное войско, уже три месяца бывшее в лагере или на походе, от этой ужасной погоды, от туманной сырости этого непривычного климата, от неизбежного недостатка в одежде и в обыкно-

венных средствах к жизни, сколько людей и лошадей должна была уносить эта погода и вызванные ею болезни, как, наконец, вместе с физическими силами должна была сломить и нравственные силы войска распространившаяся болезненность, постоянные муки, причиняемые непогодой, лишениями, дурными дорогами и бесконечными передвижениями, страшное распространение нужды, смертности и отчаяния, — и нам станет понятно, что в этом, всегда полном такой воинственности и такого энтузиазма, войске могли распространиться недовольство, тоска по родине, упадок сил и апатия, и что общим и единственным желанием могло быть только одно — иметь далеко позади себя эту страну прежде, чем второй раз наступят страшные месяцы тропических дождей. И если Александр не выступил с беспощадной строгостью против этого настроения войска и против его отказа следовать за ним далее, если вместо того, чтобы сломить и наказать его всеми средствами воинской дисциплины, он уступил ему наконец, то этот факт является доказательством того, что в основе такого отказа лежал не дух недовольства и ненависти к царю, но что он был только весьма понятным последствием этих бесконечных страданий за последние три месяца.

Все-таки, как кажется, Александр имел желание пройти со своим победоносным войском до Ганга и до берегов Восточного моря. С меньшими шансами на достоверность можно определить причины, побуждавшие его к этому. Быть может, то были рассказы о колоссальном могуществе государей Ганга, о бесконечных сокровищах тамошних столиц и о всех чудесах далекого Востока, превозносившихся громкими похвалами в Европе и в Азии. Быть может, то было также желание найти в Восточном море предел своим победам и новые пути для открытий и международных сношений. Быть может, то была попытка прибегнуть к крайнему средству, чтобы поднять мужество в войсках, нравственные силы которых сломила исполинская мощь тропической природы. Он мог надеяться, что смелость его нового плана, великая будущность, которую он показывал унылым взорам своих македонян, его воззвание и снова вспыхнувшее желание идти всегда вперед и вперед заставят его войско забыть все страдания и воспламе-

нят в нем новые силы. Он ошибся: бессилие и жалобы были эхом его призыва. Царь прибегнул к более серьезно-му средству, заставляя их устыдиться и выказывая им свое недовольство: он скрылся от глаз своих верных воинов, дал им почувствовать свой гнев и надеялся вырвать их из этого тоскливого состояния деморализации с помощью стыда и раскаяния; со скорбью видели ветераны, что царь их разгневан, но придать себе бодрости они не могли. Три дня в лагере царствовало мучительное молчание: Александр должен был понять, что все его старания тщетны, более строгие попытки — опасны. Он приказал принести на берегах реки жертву, чтобы освятить переправу, и милосердные боги отказали ему в благоприятных знамениях дальнейшего похода; они приказывали возвратиться. Призыв к возвращению на родину, раздавшийся теперь по лагерю, подействовал словно волшебством на умы упавших духом воинов; теперь все страдания были забыты, теперь все было полно надеждой и ликованием; теперь все сердца исполнились новых сил и нового мужества; только один Александр со скорбью должен был обращать свои взоры на восток.

Этот поворот обратно от берегов Гифазиса, бывший для Александра началом его падения, если мы будем искать сумму его жизни и стремлений в девизе «plus ultra», этого государя нового времени, который первый мог гордиться тем, что в пределах его государства не заходит солнце, — этот поворот был, с точки зрения исторической задачи Александра, необходимостью, подготовленной и предугазанной самим ходом того, что он до сих пор совершил и создал; и если еще и возможно сомневаться насчет того, привели ли его к этому решению собственное благоразумие или сила обстоятельств, его значение остается одно и то же. Поход далее к востоку заставил бы его почти пожертвовать западом; уже теперь из сирийских и персидских провинций приходили известия, показывавшие с достаточной ясностью, каких последствий можно было ожидать от еще более продолжительного отсутствия царя и от еще большей отдаленности его боевых сил: различные беспорядки, притеснение подданных, притязательность сатрапов, опасные желания и изменнические планы персидских и македонских вельмож, которые в то время, когда

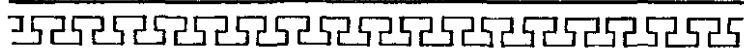
Александр спустился к Инду, начали чувствовать себя свободными от ответственности и надзора, могли бы в случае дальнейшего похода в земли Ганга бесприпятственно разрастись далее и повести, быть может, к полному распадению государства, строй которого далеко еще не отличался прочностью. Предполагая даже, что необыкновенный гений Александра мог бы крепко и сурово держать бразды правления даже с самого далекого востока, тем не менее крупные успехи в землях Ганга были бы для существования его государства всего опаснее: громадные размеры этой речной области потребовали бы соответственного количества западных гарнизонов и в конце концов сделали бы настоящее их завоевание и слияние с его государством невозможным.

Было еще и другое обстоятельство: восточные земли Индии отделяет от пятиречья пустыня не меньшей величины, чем весь полуостров Малой Азии; лишенная деревьев, травы и другой воды, кроме испорченной, добываемой из узких, достигающих трехсот футов глубины колодцев, губительная благодаря носящимся по ней летучим пескам и стоящей в душном воздухе знойной пыли, еще более опасная вследствие быстрой смены дневного зноя и ночного холода, — эта печальная пустыня представляет собою почти непреодолимый оплот Ганга. С севера от Гифазиса и Изудры к рукавам Ганга ведет только одна дорога, тянущаяся у подножия цепи Имая; и жители востока справедливо называют ее слишком слабым звеном для того, чтобы прикрепить обширные и богатые земли Ганга к короне Персии.

Наконец, мы должны сказать, что политика Александра, если мы проследим ее от его первого вступления в Индию, позволяет нам положительно заключить, что в его намерения не входило сделать непосредственной частью своего государства даже Пятиречье, не говоря уже о землях Ганга. В индийской сатрапии на запад от Инда государство Александра имело свои естественные границы; имея в своих руках горные проходы «Кавказа», он господствовал над бассейнами рек Окс и Согд на севере, Кофен и Инд на юге. Лежавшие на восток от Инда земли должны были остаться независимыми и управляться туземными

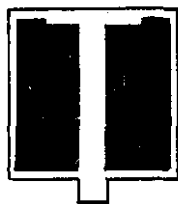
государями, не выходя из сферы македонского влияния, такого влияния, как оно было создано с достаточной прочностью в своеобразном положении государей Таксилы и Пора по отношению друг к другу и к царю; даже стоявший столь высоко в милости царя Пор не получил всех земель до пограничной реки Пенджаб на востоке; противовесом ему служили с одной стороны Таксил, а с другой — независимые государства Фегея и Сонифа, двух государей, которые, будучи слишком незначительны для того, чтобы решиться предпринять что-либо собственными силами, могли найти силу и опору только в своей преданности Александру. Таким образом, покорность этих государей власти Александра, даже если бы он возвратился на запад, гарантировалась взаимным страхом и завистью, подобно Рейнскому союзу нового времени. Чтобы сделать завоевание земель Ганга возможным, Александр должен был бы вполне подчинить себе область пятиречья, даже если бы оказались необходимыми те же меры строгости и такая же трата времени, как раньше в Бактрии и Согдиане, но тогда будучи даже полновластным господином согдианской земли, он отказался проникнуть оттуда к морю, которое считал лежащим недалеко на север за скифскими землями. Точно таким же образом он должен был узнать от Пора и Таксила, какие обширные пространства ему предстояло бы пройти до Ганга и до того моря, в которое текут его воды. Он держал твердою рукою долину реки Кофен, составлявшую преддверие Индии, и в ряде зависимых государств Пенджаба создал себе еще более сложную систему пограничных областей, чем на далеком севере, где его пограничной областью служила Согдиана. Он, по-видимому, уже в самом начале убедился, что население долины Инда во всех вопросах жизни, государства и религии развилось так своеобразно и что его развитие было слишком закончено для того, чтобы могло оно теперь скоро ассимилироваться с эллинистическим государством. Александр не мог думать о том, чтобы включить в состав своего государства в форме непосредственной зависимости ряд новых завоеваний, позади находившихся с ним только в союзе государств. И если уже после битвы при Гидаспе он приказал начать постройку флота, который должен был везти его войско

вниз по Инду к Персидскому морю, то это, несомненно, показывает, что он имел намерение возвратиться по Инду, а не по Гангу и что, следовательно, его поход на земли Ганга должен был быть только набегом, «кавалькадой». Мы имеем право предположить, что если бы он предназначался быть чем-либо большим, то, имея операционным базисом едва покоренные государства, прикованные к завоевателю только слабыми узами благодарности, страха и эгоизма, он имел бы, вероятно, такой же печальный исход, как и великий восточный поход Наполеона.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Возвращение на родину. — Флот на Акезине. — Война с маллами. — Грозная жизнь Александра опасность. — Сражения на Нижнем Инде. — Отбытие Кратера. — Битва в дельте Инда. — Плавание Александра по океану. — Его отбытие из Индии

о были, вероятно, последние дни августа 326 года, когда македонское войско собралось на берегах Гифазиса в обратный поход. По приказанию царя войско воздвигло¹ на берегах реки двенадцать громадных, подобных башням, алтарей, в благодарность богам, которые до сих

пор всегда позволяли македонянам победоносно двигаться вперед, и в воспоминание об этом царе и об этом войске. Александр принес жертву на этих алтарях, а войска, по греческому обычаю, устроили разные игры.

Затем войско двинулось к западу; дорога шла по дружественной земле. Без особенных трудностей, кроме все еще продолжавшихся частых дождей, оно достигло Гиарота и,

перейдя через эту реку и пройдя по области Гандаритиде, достигло берегов Акезина; здесь на месте переправы через реку уже был готов город, постройка которого была поручена Гефестиону². Александр остановился здесь на короткое время, чтобы частью сделать нужные приготовления для плавания вниз по Инду и по «великому морю», частью, чтобы колонизовать новый город, с каковой целью были приглашены поселиться в нем индусы окрестностей и были поселены здесь неспособные к военной службе наемники войска.

Во время этой остановки приветствовать великого царя явились брат кашмирского государя Авизара и другие мелкие государи горных областей, все с множеством драгоценных подарков. Авизар посылал тридцать слонов и в ответ на приказ явиться лично, который был ранее прислан ему царем, уверил в своей полной преданности, а свое отсутствие извинял болезнью, которая уложила его в постель. Так как посланные Александром в Кашмир македоняне подтвердили его слова и теперешнее поведение этого государя, по-видимому, ручалось за его дальнейшую преданность, то его государство было отдано ему как сатрапия и был установлен размер дани, которую отныне он должен был платить; его власть была распространена также на государство Арзака (Ураса, недалеко от Кашмира). Освятив основание нового города торжественными жертвоприношениями, Александр переправился через Акезин, и около середины сентября различные части войска сошли в Букефале и Никес и Гидаспе.

Мысль царя возвратиться в свое государство из области реки Инд не тем путем, каким он сюда пришел, но дать почувствовать силу своего оружия также и землям вниз по реке и рассеять здесь семена эллинистической жизни — была великой и плодотворной мыслью. Его влияние на этот новооткрытый индийский мир, не бывшее влиянием непосредственного монарха, но основанное на открывшихся теперь в первый раз сношениях с этими народами и рассчитанное на постепенный рост этих сношений и начинаний, не могло бы быть ни полным, ни даже просуществовать долгое время, если бы связующим звеном осталась только индийская сатрапия с рекою Кофеном. Если

эта сатрапия и была главным путем для взаимных сношений, то в руках македонян все-таки должна была быть вся линия реки Инд. жившие ниже по течению реки народы должны были обычно признавать то же самое влияние, как и народы пятиречья, Александр должен был поступить с ними тем решительнее, чем более многие из них, как маллы и оксидраки, гордились своей независимостью и боевой славой и ненавидели или презирали всякое чужеземное влияние; главное свое выражение и опору это влияние должно было получить в эллинистических колониях на реке Инд. С этою-то целью Александр еще тогда, когда он выступал от Гидаспа на восток, отдал приказ строить большой речной флот, на котором задумал спуститься по Инду к Великому морю. Теперь, когда оказалось невозможным продолжить поход до Ганга и до Восточного моря, Александр с удвоенным рвением должен был обратиться к этой экспедиции, которая если и не сулила столько же славы и добычи, как поход по Гангу, то все-таки позволяла ожидать больших успехов.

В течение четырех месяцев, проведенных Александром вдали от Гидаспа, внешний вид этой местности, в которой лежали оба его города, совершенно переменялся. Время дождей прошло, воды начали возвращаться к своему прежнему руслу, и на левом берегу реки тянулись теперь обширные рисовые поля, роскошно зеленевшие на оплодотворенной разливами почве. Другой берег, над которым высились поросшие лесами горы, был на многие мили крутом покрыт корабельными верфями, в которых частью еще строились, частью уже стояли готовыми сотни больших и малых судов. По реке, берега которой были оживлены пестрым движением и странным видов стоявшего на отдыхе лагерем составленного из всевозможных национальностей войска, шли сплавной лес с гор, челноки со всевозможными запасами и баржи со строительными и боевыми материалами. Первою заботой Александра было полнее и прочнее выстроить обе крепости, земляные валы и бараки которых, наскоро выстроенные на низменной местности, немало пострадали от разрушительного действия воды. Затем началось вооружение кораблей; следуя греческому обычаю, Александр из числа самых богатых и

знатных лиц своей свиты назначил тридцать три триерарха, для которых эта *литургия*, заключающаяся в почетном доставлении красивого и прочного вооружения корабля, сделалась предметом весьма полезного для самого дела соревнования. Список этих триерархов даст нам поучительный обзор окружавших царя лиц. Между ними находятся 24 македонянина: семь телохранителей царя и Псевкеста, назначенный вскоре восьмым на эту должность; стратиг и гиппарх Кратер, из числа стратигов фаланги — Аттал, из хилиархов и гипаспистов — Нсарх, затем Лаодемон, который не был воином, Андросфен, который по возвращении в Вавилон предводительствовал флотом в ту пору, когда тот огибал Аравию; из остальных одиннадцати македонян в других случаях не упоминается ни один, многие из них, как Лаомедон, должны были находиться на гражданской или по крайней мере на интендантской службе, обязанности, объем и значение которых в этом войске понятны сами собою, хотя о них и не дошло до нас никаких сведений. Затем триерархами было назначено шесть эллинов, в том числе царский писец, Эвмен Кардианский и лариссеец Мидий, одно из самых доверенных лиц царя; наконец, перс Багоя и двое сыновей царей Кипра. Вооружили ли эти триерархи весь флот или только большие корабли, 80 триер, мы теперь определить не можем.

Экипаж этого речного флота составлен из находившихся в войске финикийцев, египтян, киприотов, грсков островов и азиатского берега, которые и были распределены по судам в качестве матросов и гребцов; не прошло и месяца, как все было готово к отплытию. На реке стояла готовой тысяча всевозможных судов, в том числе 80 военных кораблей и двести кораблей без палуб для перевозки лошадей; все другие суда, собранные везд по соседним берегам, где их только можно было найти, были предназначены для перевозки войск и для доставки вслед за ними провианта и боевых материалов, большие транспорты которых, по словам одного источника сомнительной ценности, прибыли как раз теперь вместе с новыми войскам, состоявшими из шести тысяч всадников и нескольких тысяч человек пехоты.

Отплытие вниз по реке было назначено на первые числа ноября. Царь призвал к себе этеров и находившихся при войсках индийских послов, чтобы сделать им необходимые еще сообщения, и выразил надежду, что мир, возвращенный им стране Пенджаба, будет продолжителен и вполне обеспечен принятыми им мерами. Радже Пору было снова подтверждено расширение его территории, охватывавшей семь народов и две тысячи городов и простиравшейся до берегов Гифазиса, и были установлены его отношения к соседним государям, Авизару, Сопифу и Фегею; государю Таксилу была дарована независимая власть над его прежними и новыми землями; зависимые государства, лежавшие в пределах индийской сатрапии, были, что касалось их дани и других обязательств, подчинены тамошнему сатрапу, а их контингенты отпущены на родину вместе с другими индийскими контингентами. Затем были даны указания относительно дальнейшего похода: сам царь со всеми гаписпистами, с агрианами и стрелками и со своей конной свитой, что в сумме составляло около восьми тысяч человек, поплывет на кораблях, хилиарх Неарх получит командование над всем флотом, а Онезикрит из Астиналии — над царским кораблем. Остальные войска должны разделиться на две колонны и спускаться по обеим сторонам реки, одна — под предводительством Кратера по правому, западному берегу, а другая, более значительная, в которой находились и 200 слонов, — по левому берегу под предводительством Гефестиона. Обеим колоннам было приказано двигаться вперед как можно скорее, остановиться в трех днях пути вниз по реке и ожидать флота; там должен был присоединиться к ним сатрап индийской сатрапии Филипп.

Перед своим выступлением войску пришлось участвовать еще в одном печальном торжестве: гиппарх и стратиг Кен были унесены болезнью; предание, как кажется, намекает на то, что царь не простил ему и не забыл рассказанного им еще случая на берегах Гифазиса; но он был погребен «с подобающей обстоятельствам торжественностью».

Наконец наступил назначенный для отплытия день; с утра началась посадка войск на корабли. По обеим берегам реки Кратер и Гефестион выстроили блестящей боевой

линией свои фаланги, свою конницу и своих слонов; пока одна за другой эскадры кораблей строились в порядок, царь, согласно греческому обычаю, принес торжественную жертву на берегах реки. По указаниям отечественных жрецов, он принес жертвы богам родины, Посейдону, спасительной Амфитрите, Океану, nereидам и реке Гидаспу; затем он вступил на свой корабль, подошел к борту на его носу и, сделав возлияние из золотой чаши, приказал трубачу трубить сигнал к отплытию, и при звуках труб и боевых кликах весла всех кораблей разом опустились в волны. И вот эскадра со своими разноцветными парусами, с восьмьюдесятью военными кораблями впереди поплыла в самом лучшем порядке вниз по реке, представляя собою чудное и не поддающееся описанию зрелище. «Ни с чем нельзя сравнить этого шума весел, одновременно поднимавшихся и опускавшихся на всех кораблях, криков корабельщиков, приказывавших то прекращать грести, то снова начинать, боевых кликов матросов, с которыми они снова опускали весла в воду; там, где берега были высоки, их крики звучали еще громче, отдаваясь эхом в ущельях направо и налево; далее реку снова окаймляли леса, и крики едущих отдавались далеко в лесной чаще. Тысячи индусов стояли по берегам и с изумлением смотрели на это едущее войско, на боевых коней на кораблях с их разноцветными парусами, и на чудный, всегда одинаковый, порядок эскадр; они отвечали радостными кликами на клики гребцов и, распевая свои песни, спускались по берегам реки. Ведь нет народа, любящего песни и пляску более, чем индусы».

После трехдневного плавания царь прибыл к тем берегам, где Кратер и Гефестион должны были ожидать флота; они уже стояли лагерем по обеим сторонам реки. Здесь войско и флот отдыхали два дня, чтобы дать подойти сатрапу Филиппу с арьергардом главной армии. Когда все македонские силы — они достигали теперь до 120 000 воинов — собрались вместе, царь принял меры, которые были необходимы ввиду скорого вступления в чужеземную область, в особенности же для покорения земель до устья Акезина. Филипп был отряжен идти налево к Акезину, чтобы обеспечить за собою западный берег этой реки; Гефестион и Кратер двинулись далее по левому и правому

берегу Гидаспа, несколько углубляясь во внутрь страны; все войско должно было встретиться по ту сторону устья Акезина, чтобы оттуда начать поход против маллов и оксидраков. Уже получили известие о значительных вооружениях, предпринятых этими большими и воинственными народами; они, как было слышно, уже поместили своих жен и детей в укрепленных местах и многие тысячи вооруженных воинов уже собирались на берегах Гиарота. Тем более находил нужным царь скорее идти вперед и открывать поход прежде, чем неприятель успеет закончить свои вооружения. Поэтому после двухдневного отдыха флот двинулся далес вниз по реке; везде, где он приставал к берегу, жители добровольно покорялись или были вынуждены к этому без большого труда.

Александр надеялся достичь впадения Акезина в Гидасп на пятый день; он уже успел узнать, что это место опасно для судоходства, что при слиянии своем эти реки производят сильное волнение, образуя множество водоворотов, и затем, стесненные в узком ложе, бурно катят свои воды далес³. Эти вести были распространены среди флота, и в то же время была предписана большая осторожность. Под конец пятого дня плавания с юга послышался сильный шум, подобный шуму морского прибоя во время волнения. Гребцы первой эскадры с изумлением остановились, не зная, близко ли море, непогода или что-либо иное; затем, узнав, в чем дело, и получив наставление работать усерднее, когда они приблизятся к устью, они поплыли далее. Шум становился все сильнее, берега стали уже, наконец показалось устье, волнующийся и пенящийся прибой, среди которого струи Гидаспа перпендикулярно бросаются на воды Акезина и в шумной и бурной ярости борются с ними, чтобы затем вместе нестись в узких берегах далес с быстротою стрелы. Корабельщики еще раз попросили матросов работать осторожнее и усерднее, чтобы силою весла преодолеть быстроту течения, которая могла бы увлечь корабли в водоворот, где они бы неизбежно погибли, стараться как можно скорее достигнуть более широкого, свободного и ровного места реки. А бурный поток уже увлек с собою корабли; только с невероятным трудом удавалось гребцам и кормчим держаться нормального направ-

ления. Многие суда были унесены течением, затянuty в водоворот и закручены, весла были сломаны, бока повреждены и лишь с большим трудом сами они были спасены от гибели. В особенно большой опасности находились военные корабли; два из них, столкнувшись друг с другом, разбились и потонули; легкие суда были выброшены на берег. Всего благополучнее миновали это место широкие грузовые корабли, которые, будучи захвачены быстринкою, были слишком широки для того, чтобы опрокинуться и которым быстрота течения снова придала нормальное направление. Сам Александр, как рассказывают, попал со своим кораблем в водоворот, и жизнь его подвергалась очевидной опасности, так что он уже сбросил с себя верхнее влады, чтобы кинуться в воду и спастись вплавь.

Таким образом флот не без больших потерь миновал это опасное место; только в часе пути ниже по течению река стала спокойнее и шире; здесь она поворачивает направо, огибая береговые холмы; позади них можно было удобно причалить в находящемся вне быстрого течения месте, а широкий и плоский берег был удобен для собирания выбрасываемых на него обломков и трупов. Царь приказал здесь флоту причалить к берегу и велел Неарху как можно скорее исправить причиненные судам повреждения. Сам он воспользовался этим временем для экскурсии в глубину страны, чтобы воспрепятствовать воинственным народам этих земель, сивам и агалассам, прийти при предстоящем нападении македонян на помощь маллам и оксидракам, от которых их отделял Акезин. После шестимильного перехода, употребленного на то, чтобы нагнать страх своими опустошениями, Александр явился под стенами обширной столицы сивов; она была взята штурмом без большого труда. По другим сведениям, она сдалась добровольно.

Возвратившись к Акезину, Александр нашел флот готовым к отплытию, Кратер тоже находился в лагере, а Гестеион и Филипп расположились выше устья реки. Тотчас же были отданы приказания, касавшиеся похода против маллов, область которых начиналась милях в семи ниже по течению Акезина и устья Гиарота и по этой последней реке тянулась далеко к северу. Они, царь знал это, ждали

нападения и приготовились к нему; они должны были полагать, что македонское войско спустится к устьям Гиарота и оттуда вторгнется в их земли, так как от того места Акезина, где была стоянка кораблей, они были отделены безводной пустыней шириною во много миль и казались, таким образом, недоступными. Царь решил избрать этот путь, чего они всего менее ожидали, и внезапно напасть на них в верхней части их страны, недалеко от границ Гандаритиды и кафеев, и уже отсюда оттеснить их вниз по течению реки Гиарота. У устья этой реки они должны были снова попасть в руки македонян, если бы вздумали искать прибежища или помощи на другом берегу Акезина. Поэтому прежде всего туда был отправлен флот под предводительством Неарха, который должен был занять правый берег Акезина против устья Гиарота и таким образом отрезать сообщение земли маллов с другим берегом. Кратер, со своими войсками, со слонами и с фалангой Полисперхона, бывшими до тех пор у Гефестиона, и с войсками Филиппа, переправившись через Гидасп выше его устья, должен был через три дня прибыть на место стоянки Неарха и с этими значительными боевыми силами на правом берегу реки служить базисом для смелых операций на другом берегу. По выступлении Неарха и Кратера Александр разделил остальное войско на три отряда, между тем как он сам с одним отрядом хотел вторгнуться в глубь страны маллов и погнать неприятеля вниз по реке, Гефестион, выступивший со вторым отрядом пятью днями раньше, должен был занять линию Гиарота, чтобы ловить бегущих, а Лагид Птолемей с третьим отрядом должен был выступить тремя днями позже, чтобы преградить путь бегущим назад к Акезину.

Хотя при вести о приближении Александра маллы и оксидраки, как рассказывают, и оставили свои прежние раздоры, обеспечили заложниками взаимную помощь друг другу и собрали значительное войско, состоявшее из пятидесяти тысяч человек пехоты, десяти тысяч всадников и семисот боевых колесниц, но при выборе общего предводителя — они принадлежали к араттам, индусам, не имевшим государей — между ними произошли такие разногласия, что войско распалось и контингеты отдельных окру-

гов рассеялись по своим укрепленным городам. Хотя это сообщение не подтверждается никаким особенным авторитетом, но оно более или менее согласно с особенностями составленного Александром плана операции. По другим сведениям, маллы и оксидраки собирались заключить союз между собою, что позволило бы им противопоставить македонянам значительные боевые силы, и поэтому то Александр так и спешил предупредить их соединение своею атакой.

В назначенный для выступления день, около середины ноября, Александр двинулся в поход; с ним были гипасписты, стрелки и агрианы, фаланга Нифона, половина македонских гиппархий и конные стрелки. На небольшом расстоянии от Акезина начиналась пустыня; после пятичасового перехода войска Александра достигли воды: там они сделали привал, пообедали, отдохнули немного, воины наполнили имевшиеся у каждого сосуды водою и затем пошли далее. Остальную часть дня и всю ночь они с возможной скоростью подвигались вперед; на следующее утро, после почти восьмимильного перехода, на востоке показался город маллов Агаласса с его цитаделью. Сюда спаслось бегством множество маллов; не имея часовых, безоружные, они стояли лагерем под стенами города, который не мог вместить в себе такого множества людей; они до такой степени были убеждены, что нападение через пустыню невозможно, что готовы были считать приближавшееся войско за что угодно, только не за македонян. А всадники Александра были уже посреди них; о сопротивлении нечего было и думать; многие тысячи были изрублены; все, что могло бежать, спасалось в городе, который Александр окружил своей конницей, ожидая прихода пехоты, чтобы начать штурм. Когда она приблизилась, царь тотчас послал Пердикку с двумя гипархиями и агрианами к соседнему городу⁴, куда бежало множество индусов, с приказом внимательно наблюдать за ним, не предпринимая, однако, ничего против него до прихода войска из Агалассы, так как в противном случае беглецы отсюда могли бы распространить дальше по стране известия о близости македонян. Между тем Александр начал штурм; индусы, сильно пострадавшие уже при первом

нападении, потеряли надежду удержать за собою стены; при своем отступлении от ворот и башен они по большей части были перебиты теснившими их македонянами, лишь несколько тысяч спаслось бегством в цитадель и защищалось там с мужеством отчаяния. Несколько нападений македонян было отбито, возраставшее озлобление, одобрительные возгласы и пример царя, утомление противников позволили наконец македонянам одержать победу, за трудность которой они отомстили, произведя страшную резню между индусами; из двух тысяч, которые защищали цитадель, не удалось спастись никому.

Между тем Пердикка нашел город, против которого он был послан, уже покинутым жителями и бросился преследовать бегущих; он действительно настиг их, и те, которые еще не успели спастись за рекой или в болотах по берегам ее, были перебиты. Царь, со своей стороны, после взятия штурмом цитадели Агалассы дал своим воинам только несколько часов отдыха; с наступлением ночи, оставив в цитадели маленький гарнизон, он выступил к Гиароту и двинулся, чтобы отрезать жившим здесь в окрестностях маллам возможность бежать на другой берег. Под утро он достиг места переправы через реку вброд, большинство неприятелей успело же бежать на другую сторону. Те, которые еще оставались, были перебиты, сам он тотчас же переправился через реку, скоро толпы бегущих были настигнуты, и началась снова резня; те, кому удалось бежать, спаслись в лежавшей неподалеку крепости, остальные сдались победителю. Когда подошла пехота, царь послал против этой крепости Пифона с его фалангой и двумя эскадронами конницы; крепость пала при первом штурме, и находившиеся в ней маллы были взяты военнопленными, после чего Пифон снова присоединился к царю.

Последний между тем подступил к одному брахманическому городу, куда точно так же бросилось много маллов; он тотчас окружил его стены и приказал начать вести под них подкопы. Сильно пострадавшие от выстрелов македонян, индусы отступили в городскую цитадель; один отряд македонян слишком смело пошел вперед и вместе с ними ворвался в цитадель; но, не будучи в состоянии удержаться против превосходившего по численности неприятеля и

почти отрезанный от своих, мог пробиться назад только с большими потерями. Это усилило озлобление войск: Александр немедленно приказал принести штурмовые лестницы и сделать подкопы под стенами цитадели. Когда одна из башен и примыкавшая к ней часть стены обрушилась и открыла брешь для штурма, Александр был первым на развалинах; македоняне с криками ликования бросились вслед за ним и скоро, несмотря на отчаянную защиту, стены были очищены от неприятелей. Многие из них были убиты в бою, другие бросились в здания, зажгли их, и пока пожар беспрепятственно распространялся далее, бросали из горящих зданий дротики и бревна в македонян до тех пор, пока сами не погибали в пламени и в дыму. Немногие попали живыми в руки македонян: около пяти тысяч погибло при штурме и при пожаре цитадели.

Александр дал здесь один день отдыха своим утомленным громадными трудами последних пяти дней войскам; затем они выступили со свежими силами завосвывать другие города маллов на южной стороне Гиарота; но везде жители бежали еще до их прибытия; преследовать отдельные отряды не было необходимости; было достаточно разрушить их город. Это продолжалось несколько дней; затем был дан снова день отдыха, чтобы войска могли набраться свежих сил для нападения на самый большой город по эту сторону реки, куда, рассчитывая на его неприступность, бросилось множество маллов.

Чтобы не дать лесистым берегам верхнего течения реки, находившимся в тылу дальнейших операций, сделаться местом убежища для разбитых маллов и их сборным пунктом для какой-нибудь опасной диверсии, вверх по реке были посланы фаланги Пифона, гапиархия Димитрия и несколько отрядов легкой пехоты с поручением разыскать там индусов в лесах и болотах и перебить всех, которые не сдадутся добровольно. Сам царь с остальными войсками, уверенный, что ему предстоит упорная борьба, двинулся против упомянутого выше города, но всеобщий ужас, распространенный успехами македонского оружия, был так велик, что находившиеся в этом большом городе индусы, отчаявшись в возможности защитить его, пожертвовали им, отступили за протекавшую поблизости реку и заняли

ее высокий северный берег в надежде, что с этой вполне благоприятной позиции им удастся воспрепятствовать переправе македонян. Когда Александр узнал об этом, он быстро выступил со всей конницей и приказал пехоте, не теряя времени, следовать за ним. Подойдя к реке, он тотчас же велел начать переправу, не обращая внимания на выстроенную на том берегу линию неприятеля; и индусы, испуганные смелостью этого маневра, отступили в стройном порядке, не пытаясь начать неравную борьбу; но когда они заметили, что против них находится не более четырех или пяти тысяч всадников, то вся их линия, состоявшая не менее, чем из пятидесяти тысяч человек, оборотилась против Александра и колонны его всадников, с тем чтобы оттеснить их от берега, который они уже заняли. Только с большим трудом и с помощью целого ряда сложных движений, благодаря которым им удалось избежать рукопашного боя, всадникам удалось продержаться на этой неудобной местности до тех пор, пока постепенно не подошло несколько отрядов легкой пехоты и стрелки, а на другой стороне не показалась уже приближавшаяся к берегу тяжелая пехота. Теперь уже Александр перешел в наступление; но индусы не решились ожидать его нападения, а бросились бежать в находившийся по соседству сильно укрепленный город⁵; македоняне горячо преследовали их, перебили многих во время бегства и остановились только под самыми стенами города.

Царь тотчас же приказал своей коннице окружить город; но пехота подошла только поздним вечером; притом все — конница от переправы через реку и горячего преследования, пехота от далекого и трудного пути — были так утомлены, что в этот день нельзя было предпринять никаких дальнейших действий; поэтому вокруг города был разбит лагерь. Но с рассветом царь с одной половиной войска, а Пердикка с другой начали со всех сторон штурмовать стены; индусы не могли удержаться на них и отовсюду отступили в свою сильно укрепленную цитадель. Александр на своей стороне приказал сломать одни ворота городской стены, ворвался, не встречая сопротивления, в город и бросился по улицам к цитадели. Стены ее были крепки, башни переполнены вооруженными людьми, осад-

ные работы под неприятельскими выстрелами были опасны. Однако македоняне начали тотчас же подкапывать стены; другие принесли несколько штурмовых лестниц и пытались приставить их к стенам; сыпавшиеся с башен непрерывным дождем стрелы остановили даже самых храбрых. Тогда царь схватил лестницу; со щитом в левой руке, с мечом в правой он поднялся наверх, а за ним поднялись Певкеста и Леоннат по той же самой лестнице, а старый стратиг Аврея — по другой. Уже царь поднялся на башню; держа перед собою щит, нападая и защищаясь в одно и то же время, он сбрасывает одних навзничь со стен, других повергает своим мечом на землю; место перед ним расчищается на одну минуту, он вскакивает на башню, за ним седуют Пердикка, Леоннат и Аврея; с громким криком бросаются следом за ними гипасписты по обеим лестницам, они подламываются, и царь на башне отрезан. Индусы узнают его по его блестящему вооружению и по перьям на его шлеме; приблизиться к нему не решается никто, но сверху и снизу, с башен и из цитадели, сыплются на него стрелы, дротики и камни; свита кричит ему, чтобы он спрыгнул назад и пощадил свою жизнь; он взглядом смеривает высоту стены с внутренней стороны цитадели и смелый прыжок туда сделан. Он стоит один внутри неприятельской стены и, прижавшись к ней спиною, ожидает врагов. Уже они решаются приблизиться, уже их предводитель бросается на него, Александр пронзает его ударом меча, второго он поражает камнем, третий и четвертый падают по мечом царя. Индусы отступают, они начинают со всех сторон бросать в него стрелы, дротики, камни, что у каждого есть под руками; его щит еще защищает его, но наконец его рука ослабевает. Уже подле него стоят Певкеста, Леоннат и Аврея, тоже соскочившие вниз; но Аврея падает, пораженный стрелою в лицо; индусы испускают радостный крик при виде этого и начинают стрелять с удвоенной энергией. Одна из стрел попадает в грудь царя и пробивает его панцирь, кровь фонтаном брызнула из раны, а вместе пострадало и дыхание легких. В пылу битвы царь не замечает этого и продолжает защищаться; но он изнурен потерей крови, колени его подгибаются; он лишается чувства и опускается на свой щит. С удвоенной яростью

индусы бросаются на него. Певкеста становится над павшим и прикрывает его своим илионским щитом, который он носит. Леоннат прикрывает его с другой стороны; уже их поражает стрела за стрелою; они едва еще держатся; царь истекает кровью.

Тем временем за стенами господствует самое лихорадочное движение; македоняне видели, как их царь соскочил в город; ему невозможно спастись, и они не могут следовать за ним. Все спешат приставлять штурмовые лестницы, машины, деревья — все это заставляет их только терять время, каждая минута промедления может быть его смертью; они должны следовать за ним, одни вбивают в стены клинья и взбираются наверх, другие влезают на башни по плечам товарищей. Затем они видят своего царя простертым на земле, густую толпу врагов кругом, уже падает и Певкеста; с криком ярости и боли бросаются они вниз, быстро окружают павшего, прикрытые своими щитами, бросаются вперед и оттесняют варваров. Другие ломаются в ворота, открывают их силой, снимают двери с петель и с диким криком вторгаются в цитадель. Они бросаются теперь на неприятеля с удвоенными силами, убивают все, поражают своим мечом женщин и детей, кровь должна охладить пыл их мщенья. Другие уносят прочь царя на его щите; в его груди еще находится стрела; ее пробуют вытащить, но ее удерживает крючок. Боль заставляет царя прийти в себя; со стоном просит он извлечь стрелу из раны, расширив рану мечом. Это исполняют, кровь в изобилии струится из раны, и он снова впадает в беспамятство; смерть и жизнь, по-видимому, борются за обладание им. С рыданиями окружают друзья его ложе, а македоняне его шатер; так проходят вечер и ночь⁶.

Уже слухи об этом сражении о ране и о смерти царя проникли в лагерь у устья Гиарота и вызвали там неописуемое волнение. Сперва раздавались только крики ужаса, громкие жалобы и слезы; затем спокойствие возвратилось и был поставлен вопрос относительно того, что будет теперь. Забота, упадок духа, муки беспомощности росли. Кому придется сделаться предводителем войска? Как-то войско возвратится на родину? Как найти дорогу по этим бесконечным пространствам, через страшные реки, по диким

горам и по пустыням? Как защититься от всех этих воинственных народов, которые не замедлят далее встать на защиту своей свободы, вступить в борьбу за свою независимость и пожелают утолить свою месть на македонянах, так как Александра им теперь нечего более бояться? И когда получили известие, что царь еще жив, то никто этому не хотел верить, все сомневались, что ему удастся вырваться из рук смерти; а когда пришло от самого царя письмо, что он скоро возвратится в лагерь, то воины начали говорить, что это письмо сочинено телохранителями и стратигами, чтобы успокоить умы, что царь умер и что у них нет ни вождя, ни надежды на спасение.

Между тем Александр был действительно спасен от смерти, и через семь дней его рана, хотя еще и не закрылась, но не представляла дальнейшей опасности. Полученные из лагеря известия и опасения, что уверенность в его смерти повлечет за собою беспорядки в войске, заставили его возвратиться к нему уже теперь, не дожидаясь своего полного выздоровления. Он приказал отнести себя в стоявшую на Гиароте яхту, где был воздвигнут шатер для лежа больного; без помощи весел, чтобы избежать сотрясения, гонимая только течением, яхта на четвертый день приблизилась к лагерю. Весть, что Александр едет сюда, опередила его, но ей поверили лишь немногие. Уже между лесистыми берегами показалась плывшая вниз по реке царская яхта; с боязнью и тревогой войска стояли вдоль берегов. Царь приказал открыть шатер, чтобы все могли его видеть. Они еще думали, что корабль везет к ним умершего царя. Прежде чем достигнуть берега, он поднял руку, посылая приветствие своим. Тогда из тысяч уст вырвался радостный крик, они протянули руки к небу и к своему царю и слезы радости смешались с криками ликования. Затем яхта причалила к берегу, несколько гипаспистов принесли носилки, чтобы перенести царя с корабля в его шатер, но он приказал привести лошадей: когда войско увидало его снова на коне, то раздались такие радостные крики, рукоплескания и стук щитов, что эхо отдавалось на противоположном берегу и в лесах крутом. Приблизившись к приготовленному для него шатру, он соскочил с коня, чтобы его люди видели его также и идущим; они начали со всех сто-

рон тесниться к нему, чтобы коснуться его руки, его колен, его платья или же чтобы только увидеть его вблизи, крикнуть ему слово приветствия и бросить ему ленты и цветы.

При этом приеме должен был произойти рассказываемый Неархом случай. Некоторые из его друзей упрекнули царя, что он подвергал себя таким образом опасности, говоря, что это дело солдат, а не полководца; один старый виотиец, слышавший это и заметивший произведенное этими словами на царя неприятное впечатление, подошел, как говорят, и сказал на своем виотийском диалекте: «Мужу приличны дела, о Александр; а кто действует, должен и страдать». Царь согласился с ним, да и позже не забыл его доброго слова.

Быстрое завоевание столицы маллов произвело громадное впечатление на все народы этих стран. Сами маллы, хотя еще обширные пространства их земель не были затронуты македонянами, отчаялись в возможности дальнейшего сопротивления, прислали посольство и смиренно отдали себя и свою страну во власть царя. Оксидраки, или судраки, которые наряду с маллами славились как самый храбрый народ Индии, которые могли выставить значительные боевые силы, предпочли покориться. Большое посольство, состоявшее из начальников городов, землевладельцев и ста пятидесяти вельмож страны, явились с богатыми дарами, уполномоченные согласиться на все, чего потребует великий царь; они сказали, что им простительно, если они не явились перед царем раньше, так как они еще более всякого другого народа Индии любят свою свободу, которую они сохранили с незапамятных времен, со времени пребывания в их стране бога, которого греки называют Дионисом; Александру же — так как он происходит от богов и его дела служат этому доказательством — они охотно покоряются и готовы принять сатрапа, которого он им назначит, платить дань и дать столько заложников, сколько потребует царь. Он потребовал тысячу самых знатных вельмож, которые, смотря по его желанию, должны были или следовать за ним как заложники или участвовать вместе с ним в войне до покорения оставшихся еще независимыми земель Индии. Оксидраки представили эту тысячу и, кроме того, добровольно при-

слали пятьсот боевых колесниц, каждую с двумя воинами и возницей, после чего Александр милостиво отпустил тысячу присланных заложников, а боевые колесницы присоединил к своему войску. Их область вместе с областью маллов была присоединена к индийской сатрапии, находившейся под управлением Филиппа.

Окончательно оправившись и отблагодарив богов за свое выздоровление торжественными жертвами и играми, Александр выступил из своего находившегося у устья Гиарота лагеря. В бытность его на этом месте было выстроено много новых кораблей, так что теперь с царем вниз по реке могло плыть гораздо более войск, чем прежде; с ним было 10 000 человек пехоты, из числа легковооруженных — стрелки и агрианы, 1700 человек македонской конницы. Тогда царь спустился из Гиарота в Акезин и поплыл по дружественной теперь стране оксидраков мимо устья Гифазиса до слияния широкого Панджиада с Индом. Мимоходом Пердикке пришлось заставить покориться только абастанов (ambastha); другие народы издалека и из близости присылали посольства с многочисленными и драгоценными подарками, тонкими тканями, алмазами и жемчугами, пестрыми змеиными кожами, черепаховыми щитами, ручными львами и тиграми. Значительное число новых триер и грузовых кораблей, которые царь приказал строить в земле Ксафра, тоже пришло вниз по реке. Здесь, где Инд принимает в себя Панджиад, соединивший в одну реку пять восточных притоков, и где образуется естественный центр для сношений между внутренними частями страны и устьем Инда, Александр решил основать греческий город, которому суждено было сделаться важным для обладания страной и значительным и цветущим благодаря торговле Инда⁷. Он должен был быть самым южным пунктом в индийской сатрапии Филиппа, который остался здесь с значительным войском, состоявшим из всех фракийских войск и соответствующего этому количеству числа тяжеловооруженных фалангов, и получил поручение главным образом заботиться, по мере возможности, о безопасности торговли в этих местах, устроить на Инде обширную гавань, корабельные верфи и магазины и всеми мерами содействовать процветанию этой Александрии.

Вероятно, в феврале 325 года македонское войско выступило из Александрии в земли Нижнего Инда; большая часть его вместе со слонами под предводительством Кратера переправилась на восточный берег реки, где дороги были лучше и где еще не все прилежавшие к ней народы были склонны покориться. Сам царь с перечисленными выше войсками поплыл вниз по реке. Войско и флот беспрепятственно прибыли в землю судов, которых эллины называли согдами, или содрами, и остановились около их столицы. Под именем согской Александрии она была обращена в эллинскую колонию, значительно укреплена, снабжена гаванями и верфями и была назначена резиденцией страны Нижнего Инда, область которого должна была простирается от устья Панджиада до самого моря, а сатрапом был назначен Пифон с десяти тысячным войском⁸.

Место, где лежит согдийская Александрия, есть один из важнейших пунктов по нижнему течению Инда; здесь характер реки, местности и народонаселения начинает решительно меняться. Цепи Солимана, сопровождавшие раньше Инд с севера к югу, поворачивают здесь почти под прямым углом на запад к проходам Бхолана. Пустыня, которая все время была недалеко от восточного берега Инда, уходит здесь вдаль; рукавами, которые река посылает направо и налево, она образует множество островов и островков; вдоль берегов тянется плодородная, густо заселенная низменность; скоро становится заметно влияние близости океана. Сюда присоединяется второе, не менее замечательное обстоятельство: между тем как к востоку тянется необозримая однообразная равнина, на западе, если мы будем подвигаться далее к югу, глаз видит поднимающийся мощный горный хребет, который замыкает эту область и тянется до мыса Монца. Теперешнее течение Инда приближается, описывая широкую дугу, к самому подножию этих гор и затем снова поворачивает на восток к Гейдерабаду, где начинается дельта; в древности Инд тек по хорде этой дуги южнее Бхукора к Гейдерабаду, омывая около Бхукра низкую цепь известковых гор, которую он теперь промыл к западу; на ней еще и доныне сохранились развалины Алора, древней столицы земли Синдха. Эта земля Синдха подобна саду, виноградники украшают

ее холмы, благовонные растения сухого климата Аравии, цветы влажных и жарких тропических местностей и маис болотистых прибрежных местностей пышно растут здесь рядом друг с другом. Бесчисленное множество городов и местечек украшают эту землю, на реке и ее каналах царствует постоянное движение, и народонаселение, — темнокожие, стоящие под властью государей жители юга — значительно отличается от народов верхних земель Инда. Каста браманов занимает здесь высокое положение и пользуется решительным влиянием на общественную жизнь, а власть государей ограничивается религиозными предрассудками, подозрительностью и бесконечным соперничеством; такой характер не изменился и по прошествии многих веков, несмотря на все перемены власти, религии и даже самой природы.

Эти особенности страны и народонаселения сейчас же обнаружили в их отношениях к Александру. Изъявление покорности маллами уничтожило всякое сопротивление у соседних с ними народов, и путь войска до земли согдов был непрерывным победоносным шествием. Но царь тщетно ожидал добровольного подчинения живших далее народов; изъявить свою покорность повелителю земли Инда не являлись ни сами государи, ни их посольства; наущение высокомерных брахманов или же уверенность в собственных силах заставили их отнестись с презрением к могущественному чужеземцу. Только раджа Самб покорился добровольно; находясь в зависимости от более могущественного Мусикана, он предпочел служить иноземному властелину, чем соседнему государю, и Александр утвердил его сатрапом в его гористой области или, что будет вернее, оставил ему его престол на тех же основаниях, как и платившим дань государям сатрапий Верхней Индии.

Независимое положение, которое, по-видимому, желал занять Мусикан, равно как и другие государи этой страны, вынудило Александра еще раз решиться прибегнуть к силе оружия. Из согдийской Александрии он с возможною быстротою поплыл вниз по реке в тот рукав Инда, который ведет к горам и к резиденции Мусикана, и достиг его границ прежде, чем этот государь мог даже думать о нападении. Испуганный близостью опасности, Мусикан старался за-

ставить забыть свое высокомерное поведение быстрой и униженной покорностью. Он лично явился к Александру, привезя с собою множество драгоценных подарков, и в том числе всех своих слонов, отдался со своею страной в полную власть царя и признал себя безусловно неправым — самое надежное средство для того, чтобы возбудить великодушные чувства в Александре. Мусикан получил прощение, и ему были оставлены его земли под македонским верховенством. Александр был изумлен роскошной природой этой местности; обладание резиденцией государя, положение которой было удобно для господства над всею страной, он должен был обеспечить за собою македонским гарнизоном и цитаделью, строить которую получил приказ Кратер.

Царь со стрелками, агрианами и половиной гиппархий двинулся на земли престиив и на их государя Оксиана, или Портикана, как его называют другие; не желая покориться, последний со значительными боевыми силами перешел в своей столице. Царь приблизился и без труда взял один из первых городов его государства; но этот государь, не ослепленный примером Мусикана, ожидал неприятеля за стенами своей столицы. Александр явился, начал осаду, и на третий день она так далеко подвинулась вперед, что раджа должен был отступить в городскую цитадель и изъявил желание вступить в переговоры; но было уже поздно, в стенах цитадели была пробита брешь, македоняне проникли в нее, бившиеся с мужеством отчаяния индусы были побеждены, а их государь убит. После падения столицы и смерти государя покорить остальные многочисленные города этой богатой страны было уже нетрудно. Александр отдал их на разграбление; участью престиив он надеялся испугать другие народы и заставить их наконец добровольно изъявить свою покорность, которую он мог вынудить у них силой.

Но теперь началось новое движение там, где его вовсе не ожидали. Раджа Самб с ужасом увидел, что Мусикан не только остался безнаказанным, но и вошел в большую милость к царю. Он полагал, что теперь должен бояться наказания за свое отпадение; брахманы его двора, руководствуясь единственно своею ненавистью к чужеземно-

му победителю, сумели поддержать в нем этот страх и подтолкнуть его наконец к самому ошибочному шагу, какой он только мог сделать; он бежал за Инд в пустыню, оставив в своей стране беспорядки и восстание. Царь бросился туда; столичный город Синдомана открыл свои ворота и передался Александру тем охотнее, что не принимал участия в мятеже; слоны и сокровища государя были выданы. Другие города этой страны последовали примеру столицы; решился сопротивляться только один, куда бежали вызвавшие восстание брахманы; он был взят, и виновные брахманы казнены.

Слепой фанатизм этой священной касты, тем более ожесточенный, чем безнадежнее он был, не испуганный участью брахманов Самба, сумел во время отсутствия царя разжечь в радже Мусикане и населении его страны самую дикую ненависть к чужеземцам, разрешившуюся открытым восстанием и избиением македонских гарнизонов. Пламя восстания вспыхнуло на обоих берегах реки, все бралось за оружие; и если бы сила воли и энергия руководителей были равны их ярости, то Александру было бы трудно удержаться здесь. Но едва он успел приблизиться, как Мусикан бежал за Инд; Александр послал Пифона преследовать его, а сам двинулся против городов, которые, лишенные взаимной поддержки, умных руководителей и надежды на спасение, быстро попали в руки победителя⁹. Наказание за мятеж было строгое — бесчисленное множество индусов было убито во время штурмов или казнено после победы, города их разрушены, а немногие уцелевшие города были снабжены цитаделями и македонскими гарнизонами, которые должны были наблюдать за опустошенной и покрытой развалинами страной. Сам Мусикан был взят в плен, он и множество брахманов были признаны заслуживающими смерти и повешены по бокам дорог страны, причиной несчастья которой они были.

Теперь царь мог возвратиться к своему флоту и к лагрю своего войска; энергия и строгость, с какою он подавил восстание, по-видимому, произвели наконец желанное впечатление на умы индусов. Особенно спешил покориться царю государь Патталы Мёрис, чьи владения охватывали

дельту Инда. Он явился в Александрию, отдал себя и свою страну в полную власть царя и получил за это свою область на тех же условиях, какие были поставлены радже Мусикану и другим государям, жившим в пределах македонских сатрапий. Получив от Мёриса подробные сведения о природе дельты Инда, начинающейся около Патталы, об устьях этой реки и об океане, в который они вливаются, Александр отпустил его обратно в его землю с приказом подготовить все для приема войска и флота.

С этим изъявлением покорности Мёрисом, последним оставшимся еще независимым государем лежавших по Инду земель, военные операции похода были окончены. Теперь если и можно было чего-нибудь ожидать, то не большой и общей войны, а разве лишь сопротивления отдельных местечек и беспорядков в обширных землях по Инду, которые нетрудно было подавить. Во всех своих совокупных боевых силах Александр более не нуждался; настала пора возвращения. Желание царя открыть путь морем из Индии в Персию и его план пройти по лежавшим между этими двумя странами южным приморским областям, которые еще не были покорены в его непосредственном присутствии и часть которых была заселена независимыми племенами, точно так же не требовали участия в деле всего войска, содержать которое было нетрудно в богатых индийских землях, но сопряжено с различными трудностями при пути вдоль морского берега, тянувшегося нередко по пустынной местности. Кроме того, из северо-восточных областей государства приходили известия, безусловно требовавшие появления в этих землях значительных македонских боевых сил. Бактрский вельможа Оксидарт, как раз в это время прибывший в войско, принес с собою известия о восстании греческих военных колоний в Бактре. Раздоры между старыми воинами — так говорит один не очень достоверный источник, сообщающий об этих событиях, — повлекли за собою кровавые столкновения; увлеченные далее страхом перед неизбежной карой, эти ветераны завладели цитаделью Бактры, призвали варваров к восстанию и провозгласили царем Афинодора, их коновода, обещавшего отвезти их за море на греческую родину. Полный зависти к царскому званию Афинодора,

против него начал строить козни некий Викон, который умертвил его на пиру у Вокса, одного знатного варвара, и на другой день оправдывался в этом перед собранием войска. Начальникам с трудом удалось защитить его от ярости солдат. Затем они сами в свою очередь составили против него заговор и предали его пытке, чтобы тотчас так же умертвить его; в это время ворвались солдаты, вырвали его из рук палачей и выступили в количестве трех тысяч человек искать под его предводительством путь на родину. Можно было ожидать, что эта толпа будет усмирена уже одними войсками сатрапии; все-таки было необходимо принять меры на всякий случай. В сатрапии Паропамиза тоже не все было в порядке; различными притеснениями и несправедливостями Тириасп возбудил против себя население, так что жалоба на него была принесена прямо царю. Он был смещен со своей должности и вместо него в Александрию был послан вельможа Оксиарт. Более тревожного свойства были известия, полученные из глубины Арианы; перс Ордан провозгласил себя независимым и захватил власть над ариаспами по нижнему течению Этимандра. Сюда было всего важнее послать значительные македонские боевые силы, чтобы подавить опасность в зародыше.

Приблизительно третья часть пехоты, находившаяся под начальством Кратера, была готова к вступлению в Арахозию; он имел у себя фаланги Аттала, Антигена и Мелеагра, часть стрелков, всех слонов и, кроме того, тех конных и пеших этеров, которые, будучи неспособны к дальнейшей службе, должны были возвратиться на родину. Он должен был, так гласили данные ему инструкции, идти через Арахозию и Дрангиану в Карманию, подавить в этих землях зловердные нововведения и затем приказать тамошним сатрапам послать транспорты съестных припасов к морскому берегу Гедрозии, через которую Александр собирался скоро идти.

После отправки Кратера выступил и царь. Сам он поплыл с флотом вниз по реке, а Пифон с конными стрелками и агрианами переправился на левый берег реки, чтобы заселить жителями из окрестностей заложенные там города, подавить остатки беспорядков в понесшей тяжелое

наказание стране и затем в Паттале снова присоединиться к главному войску. Стальные силы повел к тому же самому городу по правому берегу Инда Гефестион.

Уже на третий день плавания Александр получил известие, что раджа Паталлы вместо того, чтобы приготовить все для приема войска, бежал с большей частью жителей в пустыню; может быть, он сделал это из страха перед могущественным царем, но, вероятнее, по наущениям браминов. Тем быстрее спешил Александр вперед; везде местечки были покинуты жителями; под конец июня месяца он достиг Патталы. Улицы и дома были пусты, все движимое имущество унесено, весь этот большой город словно вымер. Тотчас же были посланы легкие войска преследовать бегущих по свежим следам; некоторые из них были приведены к царю, который принял их с благосклонностью, какой они не ожидали, и послал их предложить своим единоплеменникам мирно возвратиться в свои жилища и к своим занятиям и не опасаться за свою дальнейшую участь, так как им и на будущее время будет по-прежнему дозволено жить по своим обычаям и законам и безопасно заниматься своей торговлей, ремеслами и земледелием. После такого заявления царя большинство жителей возвратилось, и Александр мог приступить к исполнению великого плана, для которого ему было так важно обладать устьем Инда.

Он подозревал или узнал, что то же самое море, в которое вливается Инд, образует и Персидский залив и что поэтому от устьев Инда можно найти путь морем к устьям Евфрата и Тигра. Его господство, которое в первый раз приводило в непосредственную связь между собою самые отдаленные народы и которое желало основываться не столько на силе оружия, сколько на интересах самих народов, должно было главным образом стремиться к развитию торговых сношений, к созданию обширного товарищества между всеми даже самыми отдаленными частями государства и к достижению результатов таких обширных международных отношений, каких дотоле еще не существовало. Везде он имел в виду это соображение; города, основанные для военного господства над Ираном и Тураном, были в то же время пунктами остановки для караванов.

нов; основанные в Индии укрепленные города охраняли безопасность дороги, ведущей из Арианы и пересекавшей пятиречье, и водного пути по Инду и его притокам: египетская Александрия за те четыре или пять лет лет, которые она существовала, уже сделалась центральным пунктом торговли отечественного моря; теперь эта обширная система международных сношений должна была получить свое завершение в занятии дельты Инда, в основании удобно расположенного на берегах океана торгового пункта, и, наконец, в устройстве торговых дорог, направление которых уже обозначал ряд ведущих в глубину страны греческих городов и возникновение которых заставляло ожидать открытия морского сообщения между устьями Евфрата и Инда.

Паталла, лежавшая там, где начинаются первые рукава дельты Инда, сама собою являлась посредствующим пунктом для торговли между внутренними частями страны и океаном; в то же время она господствовала над землями Нижнего Инда и в военном отношении; поэтому Гефестиону было поручено самым старательным образом укрепить городскую цитадель и затем выстроить около города корабельные верфи и обширную гавань. В то же время царь послал в пустынные и безлесные местности, начинавшиеся недалеко от города на восток, несколько отрядов войска с поручением рыть колодцы и сделать эти места удобобитаемыми, что должно было облегчить и с этой стороны сношения с Патталой и открыть ее для караванов из земель Ганга и Декана. Нападение живших в пустыне орд прервало эту работу только на одно мгновение. После продолжительного отдыха, во время которого постройка цитадели была почти окончена, а постройка верфи подвинулась вперед довольно далеко, царь решил лично исследовать устья Инда и их удобства для судоходства и торговли и затем выплыть в океан, по которому до сих пор еще не плавал ни один грек. Сначала он желал спуститься по правому главному рукаву реки; пока Леоннат с 1000 всадников и 9000 гоплитов и легковооруженных воинов шел по внутреннему берегу, он сам с самыми быстрыми кораблями своего флота, полутриерами, тридцативесельными кораблями и несколькими керкурами¹⁰ поплыл вниз по реке,

хотя и не имел проводников, которые были бы знакомы с рекой, так как обитатели Патталы и индусы вообще не занимались судоходством, а жившие по берегам реки туземцы бежали при приближении македонян. Он положился на мужество и ловкость экипажа своего флота, не подозревая даже, какому испытанию подвергнет их неслыханная мощь океанических явлений.

Теперь была как раз самая середина лета, тот момент, когда река, достигнув своего наибольшего уровня, местами затопляет берега, что еще более затрудняло плавание. В первый день Александр плыл без дальнейших препятствий; на второй день, когда он находился милях в десяти ниже Патталы, с юга поднялся сильный ветер и вздул воды реки, так что по ней заходили высокие волны; начался сильный прибой и потонуло несколько кораблей, а другие получили сильные повреждения. Корабли были быстро направлены к берегу, чтобы возможно скорее и лучше исправить полученные повреждения; затем царь разослал по окрестностям легковооруженных воинов, которым было приказано схватить несколько бежавших жителей берегов реки, знакомых с местностью. С этими последними на следующее утро Александр поплыл далее; все шире и шире катилась громадная река между низкими и пустынными берегами, начал чувствоваться свежий морской воздух; волнение в реке становилось все сильнее, грести становилось труднее, так как с океана дул резкий противный ветер; гонимая им назад и поднимавшаяся в своем уровне река, по-видимому, начинала становиться опасной, и корабли завернули в один канал, показанный накануне рыбаками. Вода прибывала все быстрее и сильнее, и македоняне едва успели вовремя причалить корабли к берегу. Как только они причалили, как река начала спадать с такою же быстротой; корабли остались по большей части на суше или увязли в прибрежном иле; все были изумлены и поражены. Таким образом прошло несколько часов, наконец было решено приступить к тому, чтобы снять корабли с мели и стараться достичь фарватера; но тут снова началось это опасное зрелище, прилив прибывал с шумом, заливал илистые берега и поднимал увязшие в иле суда; прибывая все быстрее и быстрее, волны забились об крепкие берега и

повалили набок искавшие там прибежища суда, так что многие из них опрокинулись, а многие разбились и потонули. Высокие волны прилива то выбрасывали пришедшие в беспорядок и потерявшие всякую надежду на спасение корабли на землю, то толкали их друг на друга, и их столкновение было тем опаснее, чем сильнее прибывала вода. Ценою таких опасностей и трудов царь купил свои первые сведения о приливах и отливах оксана. Хотя настоящее устье реки находилось еще в десяти милях, приливы и отливы были тем грознее, что им приходилось бороться с напором громадной массы вод Инда, устья которого, достигающие здесь двух миль ширины, открывают полный простор их вторжению.

Победив эти опасности и изучив средства избежать их, так как они возвращались периодически, Александр, пока производилась починка поврежденных кораблей, послал два лучших корабля вниз по реке к острову Скиллуте, где, как рассказывали рыбаки, океан находился недалеко и где берег был удобен и безопасен для корабельной стоянки. Когда они принесли с собою назад известие, что берега острова удобны и что сам остров велик и в изобилии снабжен пресной водой, Александр прибыл туда всем флотом и поставил большую часть его под защиту берега; отсюда уже был виден пенящийся прибой устья Инда, а над ним — высокий горизонт оксана, а по другую сторону достигавшей двух миль ширины реки едва можно было различить низкий, безлесный и лишенный всяких возвышенностей морской берег. Александр поплыл с лучшими своими кораблями далее, намереваясь пройти по главному устью реки и определить, доступно ли оно для судов; скоро западный берег совершенно скрылся из его глаз, и перед его взором раскинулась бесконечная волнующаяся даль уходящего на запад океана. Проплыв четыре мили на восток, он достиг второго острова, о плоские и пустынные песчаные берега которого уже разбивался со всех сторон прибой океана. Наступил вечер, и корабли с приливом возвратились к тому острову, около которого причалил флот; по случаю этого первого появления их на оксане и в последней стране на юге обитаемой земли была принесена торжественная жертва Аммону, предписанная богом через

своего оракула. На следующее утро царь снова выплыл в океан; пристал к вышеупомянутому острову на море и принес также и там жертву богам, которых, как он говорил, указал ему Аммон. Затем он вышел в открытое море, чтобы посмотреть кругом, не покажется ли еще где-нибудь твердая земля; и когда берега кругом скрылись из глаз и видно было только море да небо, он принес в жертву Посейдону быка и погрузил его в море, затем сделал возлияние из золотой чаши и точно так же бросил ее в волны и смешал новые возлияния nereидам, спасителям Диоскурам и среброногой Фетиде, матери его предка Ахилла; он молил их милостиво принять на свое лоно его флот и вести его на запад к устьям Евфрата, а после молитвы бросил в море золотой кубок.

Затем он возвратился к своему флоту, вошел с ним обратно в реку и поднялся вверх по течению к Патталу, где постройка цитадели была уже окончена и началась постройка гавани. Сюда прибыл также и Пифон со своим войском, который в совершенстве выполнил возложенное на него поручение, успокоил равнину и заселил новые города. Царь ознакомился с правым рукавом устья Инда и с различными неудобствами, которые тот представляет для судоходства; дувший тогда монсун и высокий уровень воды в реке соединились в это время года для того, чтобы сделать его труднодоступным. Он решил спуститься также по второму, восточному, главному рукаву реки и исследовать, не представляет ли он больших удобств для судоходства. Когда Александр проплыл довольно далеко к юго-востоку, то река расширилась и образовала довольно большое озеро, которое питали своими водами несколько маленьких и больших рек, впадавших в него с востока, и которое было похоже на морской залив; здесь встречались даже морские рыбы. Флот причалил к берегам этого озера, а туземные проводники показали самые удобные места. Царь оставил здесь под предводительством Леонната большую часть войска со своими керкурами, а сам с полутриерами и тридцативесельными кораблями поплыл через озеро к устью Инда. Он достиг моря не увидев ни сильного прилива, ни высокого прилива, делавших столь опасным западный, более широкий рукав Инда. Он приказал кораб-

лям пристать к берегу в устье реки и сделал с некоторыми из своих этеров три дневных перехода вдоль морского берега, желая исследовать эту природу и вырыть колодцы для пользования мореходов. Затем он вернулся к своим кораблям и с ними возвратился вверх по реке через озеро в Патталу, между тем как часть войска двинулась по берегу реки, чтобы рыть колодцы и здесь, где местность тоже была безводна. Из Паталлы он вторично спускался в море сделать распоряжение относительно постройки гавани и нескольких корабельных верфей и оставил для их защиты небольшой гарнизон¹¹.

Таким образом, все было организовано согласно с великим планом царя, для полного осуществления которого недоставало только одного, но, правда, самого трудного и опасного — открытия самого морского пути, который отныне должен был соединить Инд с Евфратом. Только принимая в соображение состояние тогдашнего мореходства и землевладения, мы будем в состоянии справедливо оценить всю смелость такого плана. Конструкция кораблей была несовершенна и совсем не рассчитана на особенности океанических вод; единственным регулятивом мореходства были звезды и морской берег, близость которого, конечно, часто должна была делаться опасной. Фантазия эллинов населила океан чудесами и чудовищами всякого рода, и македоняне, бесстрашные и мужественные, когда они глядели в лицо неприятелю, были безоружны и испонены страха перед этой предательской стихией. А затем, кто должен был взять на себя руководство этой экспедицией? Сам царь, достаточно смелый для самого смелого предприятия и даже готовый вырвать у океана победу, не должен был становиться во главе флота тем более, что в его государстве еще во время похода его в Индию обнаружили некоторые беспорядки, настоятельно требовавшие его возвращения; сухопутный путь в Персию был труден, и македонские войска, чтобы пройти по этим пустынным и страшным землям, нуждались в его предводительстве тем более, что только ему они вполне доверяли. Кого же, таким образом, можно было избрать в предводители флота? Кто обладал достаточным мужеством, искусством и преданностью? Кто мог бы заставить молчать

предрассудки и страх назначенных во флот войск и вместо мысли, что их равнодушно приносят в жертву очевидной опасности, возбудить в них веру в самих себя, в их предводителя и в счастливый конец этого предприятия?

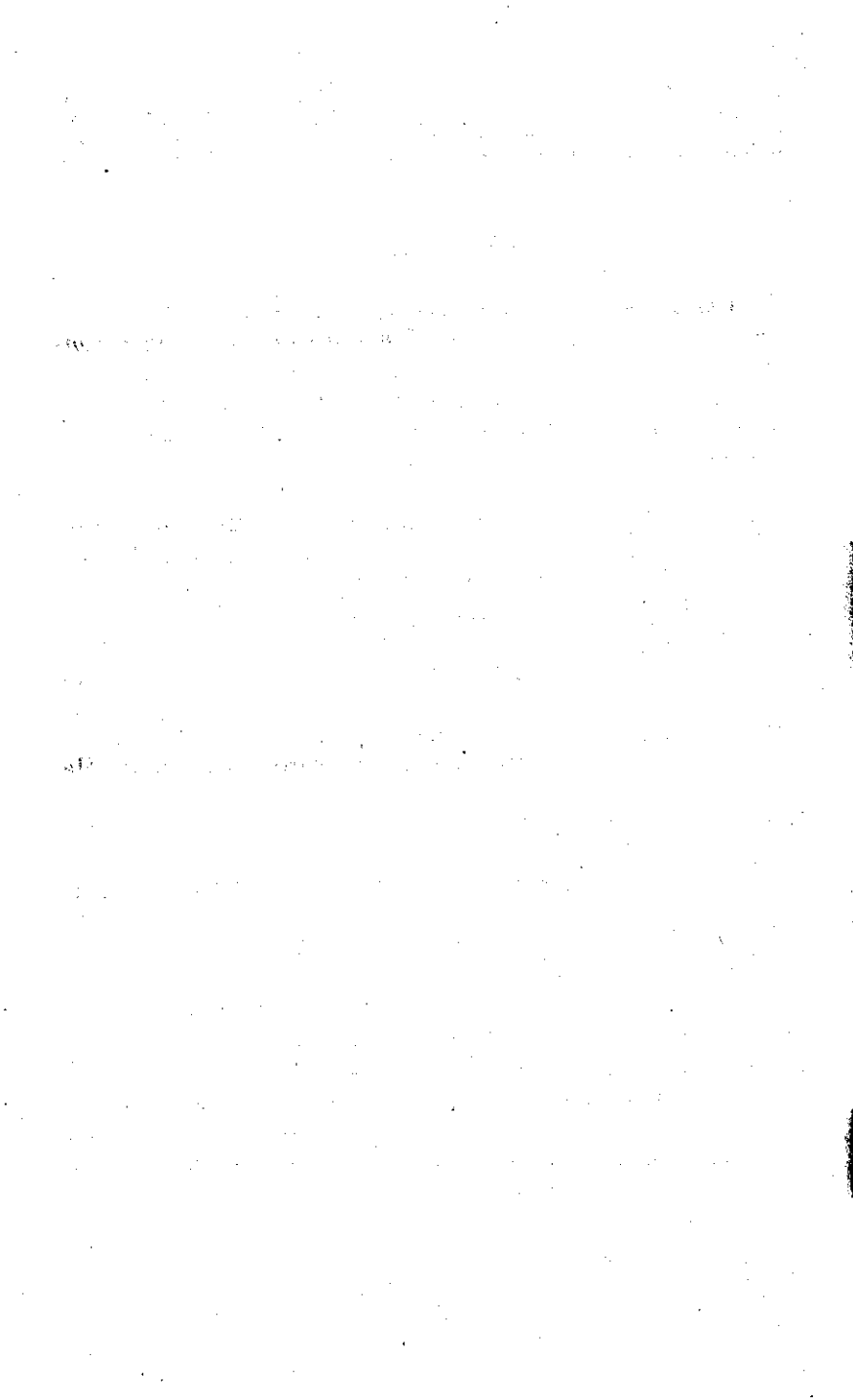
Царь сообщил обо всех своих сомнениях верному Неарху и просил дать ему совет, кому он может верить флот. Неарх называл ему одного за другим, но царь всех отвергал: один казался ему недостаточно решительным, другой недостаточно преданным для того, чтобы подвергать себя опасностям ради него, третьи были недостаточно знакомы с мореходством и с духом войск или были были исполнены тоски по родине и по удобствам спокойной жизни. Неарх, как он рассказывает в своих Записках, предложил наконец самого себя: «Я, о царь, готов взять на себя начальство над флотом и с помощью богов и людей в полной сохранности доставить его в Персию, если только море доступно для судов и это предприятие вообще исполнимо для человеческих сил». Царь возразил на это, что он не может подвергать новым опасностям такого верного и заслуженного человека. Тем настоятельнее просил его об этом Неарх, и царь не мог скрыть от себя, что именно он всех более подходит для этого предприятия: войска, относившиеся с почтением к испытанному предводителю флота и знавшие, как сильно был привязан к нему царь, должны были видеть в этом выборе гарантию для самих себя, так как Александр не поставил бы своего друга и одного из своих лучших полководцев во главе этого предприятия, если бы сам не рассчитывал на успех. Таким образом, был назначен начальником флота Неарх, сын Андротима, уроженец Крита и гражданин Амфиполя, и это был самый удачный выбор, какой только мог сделать царь. Если назначенные состоять во флоте войска сначала упали духом и были обеспокоены своей судьбой, то выбор их предводителя, прочность и роскошь приготовлений, уверенность, с которой царь предсказывал этой экспедиции счастливый успех, гордость при мысли, что им придется участвовать в одной из наиболее смелых и опасных экспедиций, какие когда-либо предпринимались, наконец, пример великого царя, который через волнующееся устье Инда выплыл на высоту океана, — все это заставляло их с радостью ожидать дня отъезда.

Александр имел случай ознакомиться с природой монуна: он регулярно дует в течение лета с юго-запада, а в течение зимы с северо-востока, но эти северо-восточные монуны на тянущемся прямо к западу берегу Гедрозии переходят в постоянный восточный ветер, который начинается с некоторыми колебаниями в октябре, устанавливается к концу этого месяца и затем без перерывов дует до февраля. Конечно, необходимо было воспользоваться этой особенностью Индийского океана, крайне благоприятной для задуманной морской экспедиции, и поэтому отплытие флота было назначено на конец октября. Выступления сухопутного войска нельзя было откладывать на столь долгий срок, так как, с одной стороны, состояние государства требовало быстрого возвращения Александра, а с другой стороны — необходимо было приготовить на морском берегу запасы провианта и вырыть колодцы для флота, который не мог застать провиантом для такого далекого плавания. Поэтому царь приказал флоту до ноября остаться стоять в Паттале и сделать четырехмесячный запас провианта для его содержания, а затем сам начал готовиться к выступлению из Патталы.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

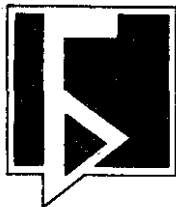

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Отбытие. — Войны в земле оритов. — Поход войска через пустыню Гедрозии. — Прибытие остатков войска в Карманию. — Неарх в Гармозии. — Беспорядки в государстве. — Казни. — Возвращение в Персию. — Вторичное бегство Гарпала. — Свадебные торжества в Сузе. — Новая организация государства. — Выступление в Опис

ассейн Инда с запада ограничивают высокие горы, тянущиеся от реки Кофен до самого океана. Их последние скалистые массы еще у самых берегов сго достигают высоты 1800 футов. Прорезанные многочисленными проходами, они служат полною преградой между земля-

ми дельты Инда и пустынную береговую полосою Гедрозии, между землею Синдом и высокой степью Арианы. На востоке царствует влажный тропический зной; избыток вод, роскошная растительность, богатое развитие животного царства, густое народонаселение с широко развитыми общественными отношениями, с тысячею приобретений и потребностей многовековой цивилизации. По другую сторону пограничных гор, голыми скалами поднимающихся друг над другом, тянется лабиринт скалистых стен, утесов и горных степей, а посредине них — плоскогорье Келата, обнаженное, мрачное, томимое сухим холодом или непродолжительным, жгучим летним зноем, истинная «пустыня нищеты». С севера и запада окружают ее крутые скалистые стены, у подножия которых разливается песчаное море пустыни Ариана, бесконечный океан с красноватой блестящей атмосферой раскаленного летучего песка, с подобной волнам переменной постоянно передвигающихся наносов, среди которых сбивается с дороги путник и тонет верблюд. Таков печальный путь в глубину страны; еще дичее и ужаснее пустыня по берегу моря и пролегающий через нее путь

к западу. Когда путешественник поднимается из Индии по проходам высоких пограничных гор, перед ним открывается низменность, слева — море, с запада и с севера — горы, в глубине низменности в океан бежит река, последние текущие воды на этом пути; у подножия гор раскидываются хлебные поля, по равнине разбросаны села и местечки, последние на этом многомесячном пути. К северу в гористую пустыню Келата ведут из этой «равнины» выходящие зигзагами крайне неудобные проходы; на западе спускаются к самому морю горы оритов. После перевала через них и начинаются ужасы пустыни; берег ровен, песчан, горяч, без травки и кустика, пересекается песчаными же ложами перссохших рек, почти необитаем; по берегу на нескольких милях расстояния друг от друга разбросаны под группами одиноких пальм одинокие, жалкие рыбацьи лачуги, выстроенные из рыбьих костей и водорослей, немногочисленные обитатели которых еще более жалки, чем их страна. На день пути в глубину страны тянутся цепи обнаженных утесов, перерезываемые потоками, которые во время дождей скоро наполняются, с быстротою и шумом катят свои воды к морскому берегу и прорывают себе там глубокие устья, а на все остальное время года персыхают, зарастают кустарниками, мимозами и тамариском и переполняются волками, шакалами и роями комаров. Позади этих рядов скал тянется пустыня Гедрозии, достигающая нескольких дней пути в ширину, заселенная отдельными кочующими племенами и более чем страшная для чужеземца. Безлюдье, сушь и недостаток воды являются здесь самыми малыми страданиями; днем — палящее солнце, жгучая пыль, вызывающая воспаление глаз и стесняющая дыхание, ночью — пронизывающий насквозь холод и вой голодающих хищных зверей, нигде нет крова или поросшего травкою места, нигде нет пищи или питья, нигде нет надежного пути или даже верной путевой цели. По этой пустыне, как рассказывают, возвращалась на родину из Индии царица Семирамида, и из сотен тысяч ее войска не возвратилось с нею в Вавилон даже двадцати человек; Кир тоже, как рассказывают, избрал себе здесь обратный путь и испытал подобную же участь; даже фанатизм ислама не дерзнул завоевательно проникнуть в эту пустыню, Калиф запретил своему полководцу Абдаллаху

вступать в эту страну, пораженную видимым гневом пророка.

Александр избрал этот путь не для того, чтобы превзойти величием своего подвига Кира и Семирамиду, как это полагала древность, и не для того, чтобы за большими потерями заставить забыть потери похода на Индию, как это предполагала проницательность новейших историков. Он должен был избрать этот путь: связь между подвластными ему землями не должны были нарушать свободные пространства земли и непокоренные племена между сатрапиями Инда и Персидского моря; не должны были тем более, что тянувшиеся по краю пустыни цепи скал служили бы постоянным убежищем для разбойничьих орд и мятежных сатрапов. Еще важнее было соображение о флоте, который должен был идти вдоль пустынного берега и открыть себе морской путь между Индией и Персией; он не мог быть снабжен провиантом и водою на целые месяцы, а чтобы запастись и тем и другим, время от времени должен был подходить к берегу, от которого ему вообще не позволял удаляться характер судоходства того времени. Если этой экспедиции суждено было как-нибудь удасться и ее цели открыть путь от Евфрата к Инду быть достигнутой, то прежде всего было необходимо сделать берег доступным, вырыть на нем колодцы, доставить туда припасы, помешать сопротивлению со стороны туземцев, а главным образом включить в состав государства народонаселение более богатых округов. Таковы были основания, заставившие царя возвращаться назад через Гедрозию, хотя природа этой местности не могла быть ему неизвестна; он не должен был отказываться от своего великого плана ради неизбежных опасностей, не должен был бояться жертв, каких бы ни стоило ему это предприятие, от которого он вполне справедливо ожидал необыкновенных выгод. Сатрапу Кармании Сивиртию был сообщен приказ посылать с запада навстречу войску на возможное далекое расстояние все необходимое; и конечно, Александр узнал, что прилегавшая к Индии местность, если занять ее, имела в глубине себя достаточно заселенных и плодородных долин, чтобы доставить необходимые запасы для похода вдоль морского берега.

Дошедшие до нас предания не позволяют нам указать даже приблизительно, как велико было число войск, которое царь вел через Гедрозию. Мы можем приблизительно определить величину флота в 100 кораблей, а их экипаж — в 12 000 человек и в 2000 матросов; значительно больше должно было быть войско, которое Кратер повел через Арахозию. По одному достоверному известию, все войско царя, когда он находился в согдианской Александрии, равнялось 120 000 человек; если мы будем считать, что у индийского сатрапа и в новооснованных городах осталось около 30 000 человек, то с царем должно было идти от 30 до 40 тысяч воинов. Эти цифры мы даем лишь для того, чтобы напомнить, что именно мы должны знать для прагматически ясного представления об этом походе обратно на родину.

Был, надо думать, конец августа 325 года, когда Александр выступил из Патталы и из индийской земли. Он скоро достиг пограничных гор и перешел через них по самому северному из проходов; приблизительно на девятый день они пришли в долину реки Арбия, по эту сторону которой жили арбиты, а по ту сторону до самых гор — ориты. Оба племени еще не покорились; поэтому Александр разделил свое войско, чтобы пройти по их земле и опустошить ее в случае нужды. Предводительствуемые им самим, Леоннатом и Птолемеем, несколько колонн спустились в ту страну, между тем как Гефестион вел следом остальное войско. Александр направился налево к морю, чтобы тотчас же приказать рыть вдоль берега колодцы для потребностей своего флота, а затем напасть на оритов, слывших воинственным и многочисленным народом. При приближении македонян арбиты покинули свои деревни и бежали в пустыню. Он достиг реки Арбий, которую перешел без труда благодаря ее мелководью и небольшой ширине; пройдя в течение ночи по пескам, тянувшимся к западу от ее правого берега, он к наступлению дня достиг прекрасно возделанных полей и деревень оритов. Тотчас же конница получила приказ идти вперед отдельными эскадронами на некотором расстоянии друг от друга, чтобы занимать более пространства, а пехота следовала за нею сомкнутой колонной. Таким образом атаквалась и бралась одна деревня за другою; там, где жители пытались сопро-

тивляться и решались бороться своими отравленными стрелами против македонских дротиков, они без труда были побеждены, их деревни сожжены, а сами они или перебиты, или взяты в плен и проданы в рабство. Нижняя область оритов была покорена без значительных потерь; рана стрелой, подвергшая опасности жизнь лагида Птолемея, была тоже скоро и благополучно излечена; ставши лагерем у одного источника, Александр отдыхал и ожидал прибытия Гефестиона. Соединившись с ним, он двинулся далее к местечку Рамвакия, самому большому в земле оритов; его положение казалось благоприятным для сношений и для обладания страной; Александр решил сделать его столицей оритской сатрапии и колонизовать; Гефестион получил приказ заложить оритскую Александрию. Сам царь с половиною гипаспистов и арианов, со своей конной свитой и с конными стрелками выступил по направлению к горам, отделяющим друг от друга область оритов и гедрозию; там в проходах, по которым шла дорога в Гедрозию, собралось, как донесли Александру, значительное количество оритов и гедрозиюв, чтобы сообща преградить дорогу македонянам. Когда македоняне приблизились к устью прохода, варвары обратились в бегство перед неприятелем, неотразимая сила которого страшила их не меньше, чем его гнев после победы; к царю спустились предводители оритов с униженными изъявлениями покорности, отдавая в его полное распоряжение себя, свой народ и свое имущество. Александр принял их милостивее, чем они ожидали; он поручил им снова собрать разбежавшихся жителей деревень и обещать им от его имени спокойствие и безопасность и настоятельно советовал им слушаться его сатрапа Аполлофана, которого он поставил над ними, армитами и землею гедрозиюв, и в точности исполнять распоряжения о снабжении македонского флота провиантом, которые будут им сообщаться¹. В то же время в новой сатрапии был оставлен Лсоннат со значительным войском, состоявшим из агрианов, части стрелков, нескольких сотен всадников из числа македонян и греческих наемников и соответственного количества тяжелооруженных и азиатских войск; ему было приказано ожидать на этих берегах прибытия флота и приготовить все для его приема, докончить колонизацию нового города, подавить могущие еще

встретиться беспорядки и протесты со стороны народа и принять все меры для того, чтобы склонить бывших доныне независимыми оритов на сторону нового порядка вещей. Аполлофану было приказано позаботиться всеми мерами о том, чтобы собрать в глубине Гедрозии убойный скот и провиант и избавить, таким образом, войско от нужды.

Затем Александр выступил из земли оритов в Гедрозию. Уже жаркий и плоский берег моря начал становиться шире, зной ужаснее, дорога труднее. Целые дни приходилось идти по пустынным пескам, где лишь время от времени группы пальм давали скудную тень от лучей стоявшего почти прямо над головою солнца; чаще попадались кусты мирры, источавшие под знойными лучами солнца в изобилии свою распространявшую сильное благоухание и оставшуюся без всякого употребления смолу; финикийские купцы, следовавшие за войском с множеством верблюдов, собирали здесь обилие этого драгоценного товара, который был так любим на западе под именем арабской мирры. Поблизости рек или моря цвел ароматный тамариск, по земле стлались выющиеся корни нардов и крючковатые кусты терновника, в которые испуганные приближением войска зайцы попадались, как птицы в силос. Войско ночевало вблизи таких мест и приготавливало себе ложе для сна из листьев мирры и нарда. Но с каждым новым переходом берег становился все пустыннее и непроходимее. Ручьи пропадали в горячем песке, растительность тоже умирала; на громадном расстоянии не было видно следа ни человека, ни животного. Войско стало продолжать свой путь по ночам, чтобы отдыхать в течение дня, оно углубилось несколько далее в страну, чтобы миновать эту пустыню ближайшим путем и в то же время доставить на берег провиант для флота. К морскому берегу были посылаемы отдельные отряды, чтобы складывать там запасы, рыть колодцы и исследовать доступность берега для кораблей. Некоторые из этих всадников под предводительством Фоанта принесли известие, что на берегу находится несколько жалких рыбачьих лачуг, выстроенные из ребер китов и морских раковин; их обитатели, бедные и тупоумные, питаются сушеной рыбой и рыбной мукой, пьют испорченную воду, сохраняемую в вырытых в песке ямах; достигли земли ихтиофагов (рыбоседов). Далее в глу-

бине страны, как говорили, попадают отдельные деревни; войско должно было идти туда, так как недостаток в съестных припасах начинал уже чувствоваться. После длинных, утомительных ночных переходов, во время которых уже нельзя было более поддерживать строгий порядок и дисциплину, они достигли наконец этой местности. Часть найденных там запасов была с соблюдением величайшей экономии разделена между войском, а остальное было запечатано царской печатью, навьючено на верблюдов и отправлено на берег; но едва только Александр успел двинуться далее с первыми колоннами, как поставленная у запасов стража сорвала печати и, с криком окруженная своими голодными товарищами, поделила между ними то, что должна была оберегать, не думая о том, что они рискуют своей жизнью, спасая себя от голодной смерти. Александр оставил это безнаказанным; он поспешил запастись новым провиантом и послал его под надежным прикрытием и приказал туземцам доставить из глубины страны возможно более хлеба, фиников и убойного скота и отвезти это на берег; забота об этих транспортах была возложена на оставленных для этого благонадежных людей.

Между тем войско двигалось далее, оно приближалось к самому опасному месту пустыни: голод, нищета, отсутствие дисциплины принимали ужасающие размеры. Воды не было на десять, на пятнадцать миль кругом, глубокий и горячий песок лежал подобными бурным волнам моря широкими буграми, через которые приходилось тащиться с бесконечным трудом, глубоко утопая при каждом шаге только затем, чтобы тотчас опять начинать ту же работу снова. К этим трудам присоединялись темнота ночей, принимавший страшные размеры упадок дисциплины; последний остаток сил был истощен голодом и жаждой или превратился в эгоистическую жадность. Убивались лошади, верблюды, мулы и их мясо поедалось; из телег больных выпрягались животные, и больные предоставлялись своей участи, а войско с мрачной поспешностью двигалось далее. Отстававшие от усталости или упадка сил к утру едва находили следы большого войска, а если и находили их, то тщетно пытались настигнуть его; страшных корчах умирали они под жгучими лучами полуденного солнца или сбивались с пути в лабиринте песчаных бугров, чтобы уме-

реть медленной смертью от голода и жажды. Счастливы были другие, если они до наступления дня достигали колодцев, где могли отдохнуть; но часто приходилось еще идти, когда солнце палило уже сверху через красноватый раскаленный воздух и песок жег покрытые ранами ноги; тогда животные, хрипя, валились на землю, у утомленных людей кровь вырывалась из глаз и изо рта и они в смертельной усталости опускались на землю, а солдаты беспорядочными группами, безмолвные, как призраки, ковыляли дальше мимо своих умирающих товарищей. Достигнув наконец воды, все бросались пить с жадной быстротою, чтобы заплатить за эту последнюю отраду мучительной смертью. Однажды на одной из стоянок — мимо протекала почти пересохшая речка — войско отдыхало в палатках; вдруг ложе реки наполнилось, и воды с шумом хлынули на берег²; они уносили с собою оружие, животных, палатки и людей, и не успели еще македоняне опомниться и принять какие-нибудь меры, как опустошение достигло своего высшего предела: шатер и часть оружия Александра сделались добычею волн, ему самому с трудом удалось спастись от их ярости. Так росли ужасы пути; и когда наконец при одном далеком переходе сильный ветер разметал песочные бугры и замел всякий след дороги, когда туземные проводники заблудились и не знали более ни где они находятся, ни куда им идти, даже самые храбрые пали духом и гибель всем казалась несомненной. Александр собрал около себя небольшой отряд наиболее сильных всадников, чтобы искать вместе с ними моря; он заклинал их собрать свои последние силы и следовать за ним. Томимые жаждой и глубокой усталостью, они поскакали за ним к югу через глубокие дюны. Лошади падали, всадники не могли тащиться далее, только Александр и пятеро других неутомимо стремились вперед; наконец они увидели голубое море и поскакали к нему, они начали рыть своими мечами песок, ища пресной воды, и из него брызнул ключ, облегчивший их страдания; тогда Александр поспешил обратно к войску и повел его на более прохладный берег и к струившимся там источникам пресной воды. Теперь проводники снова ориентировались на местности, и еще целых семь дней вел он войско по пустыне, где не было уже недостатка в воде, где там и сям попадались запасы про-

вианта и деревни; на седьмой день они оставили берег и двинулись в глубину страны по плодородной и веселой местности к Пуре, резиденции сатрапа Гедрозии³.

Таким образом войско достигло наконец цели своего странствования, но в каком оно было состоянии! Переход от границы оритов через пустыню продолжался шестьдесят дней⁴; страдания и потери на этом пути были значительнее, чем все прежнее, взятое вместе. Войско, столь гордо и пышно выступившее из Индии, равнялось теперь только четверти своего прежнего состава⁵, и эти жалкие остатки завоевавшего вселенную войска исхудали и сделались неузнаваемы; в висевшей лохмотьями одежде, они были почти безоружны, немногочисленные лошади были изнурены и жалки, все это представляло собою картину глубокой нищеты, деморализации и отчаяния. Таким образом царь прибыл в Пуру. Здесь он остановился, чтобы дать оправиться изнуренным войскам и собраться заблудившимся по дороге. Сатрап Оритиды и Гедрозии, получивший приказ снабдить провиантом дороги и пустыни и небрежность которого лишила войско даже последнего возможного в пустыне облегчения, был немедленно смещен; его преемником в сатрапии был назначен Фоант.

Затем Александр вступил в Карманию, где рассчитывал встретить Кратера с его войском и несколько правителей перских провинций, которых он туда вызвал. Это было около начала декабря; о флоте и его судьбе не было никаких известий. Если порученная мужественному Неарху экспедиция была исполнена опасностей уже сама по себе и полное отсутствие сведений о ходе ее вызывало сильные опасения, то после пережитых в последнее время событий с их недоступными никакому описанию ужасами Александр должен был скорее бояться всего, чем продолжать надеяться на удачу своего великого плана. Берег, где большая часть его войска погибла самою ужасною смертью, был для флота последним и единственным прибежищем; пустынный, песчаный, лишенный гаваней, он должен был скорее сделать еще более опасными непредвиденные случайности ветра и непогоды, чем дать прибежище от них; одна только буря — и флот и войско могли быть бесследно уничтожены; одно неосторожно принятое направление —

и океан был достаточно обширен для того, чтобы блуждать в нем без конца и без надежды на спасение.

В это время гиппарх этой страны явился к царю с известием, что в пяти днях пути к югу Неарх благополучно пристал с флотом к берегу в устье реки Анасииды, и при вести, что царь находится в верхней стране, расположил лагерь свое войско за валом и рвом, что, наконец, он скоро лично явится к Александру. Нельзя представить себе радости царя в первую минуту, но скоро нетерпение, сомнение, тяжелое беспокойство сменили ее. Тщетно ожидалось прибытие Неарха; день проходил за днем; гонцы посылались за гонцами; одни возвращались с известием, что они нигде не видели флота македонян и нигде ничего не слышали о них, другие же совсем не возвращались; наконец Александр приказал взять и заковать в цепи гиппарха, сочинившего эти вероломные сказки и сделавшего предметом шутки горе войска и царя. А этот последний стал печальнее прежнего и побледнел от физических и душевных страданий.

Гиппарх сказал между тем сущую правду: действительно, Неарх со своим флотом находился на берегу Кармании; он благополучно довел до конца предприятие, которое само по себе не имело себе ничего подобного по опасностям и чудесам и которое, кроме того, было значительно затруднено случайным совпадением обстоятельств.

Эти трудности начались уже на реке Инд; едва Александр с сухопутным войском успел выйти за переделы Индии, как между индусами, которые чувствовали себя теперь свободными и в безопасности, начались сильные беспорядки, так что флот не казался более обеспеченным на Инде. Так как в задачи Неарха не входило удерживать за собою страну, но только отвести флот к Персидскому заливу, то он быстро и не дожидаясь времени постоянных восточных ветров приготовился к отплытию, отплыл 21 сентября и через несколько дней оставил позади себя рукава дельты Инда; тут сильные южные ветры заставили его высадиться на берег в названной им по имени Александра гавани около мыса, отделяющего Индию от земли арбитов, и пробыть там двадцать четыре дня, пока, наконец, не установились правильные ветры. 23 октября он двинулся далее и среди различных опасностей, то плывя

между подводными скалами, то борясь с могучими волнами океана, прошел мимо устья Арбия и, перенеся 30 октября страшную бурю на море, во время которой погибло три корабля, высадился на берег около Кокалы, чтобы отдохнуть здесь десять дней и заняться исправлением поврежденных судов. Это было то место, где незадолго перед этим Леоннат разбил окрестных варваров в кровопролитном сражении; в этом бою был убит сатрап Гедрозии Аполлофан. В изобилии запасшись здесь провиантом и повидавшись несколько раз с Леоннатом, Неарх поплыл далее к западу, и 10 ноября флот находился перед устьем реки Томир, на берегах которой стояли толпы вооруженных оритов, желавших помешать флоту войти в реку; но одного смелого нападения было достаточно, чтобы победить их и приобрести себе на несколько дней безопасное место для стоянки.

К 21 ноября флот достиг берега ихтиофагов, той бедной и страшной пустыни, где начались страдания сухопутных войск; войску, находившемуся на кораблях, тоже пришлось перенести здесь много страданий: недостаток пресной воды и съестных припасов с каждым днем становился чувствительнее. Наконец в одной рыбацкой деревне за мысом Багия нашелся один туземец по имени Идрак, предложивший сопровождать флот в качестве лоцмана; он принес ему большую пользу; под его руководством можно было совершать теперь более длинные переезды и пользоваться для этого прохладными ночами. Среди постоянно возрасставших лишений проплыли мимо пустынного и песчаного берега Гедрозии, и недовольство войск достигло уже опасного предела; в это время показались покрытые плодоносными полями, пальмовыми рощами и виноградниками берега Кармании. Теперь нужда миновала, теперь они приближались к давно желанному входу в Персидское море, они были в дружественной стране. Налево виднелся далеко выдававшийся в море мыс Аравии, называвшийся Макетой, откуда, как они узнали, в Вавилон доставлялись корица и другие товары Индии.

Флот пристал к берегу Гармозии в устье реки Анамит, и его экипаж расположился лагерем на берегах реки, отдыхая после стольких трудов и вспоминая о перенесенных опасностях, пережив которые многие должны были потерять всякую надежду; о сухопутном войске ничего не было

известно, с самого берега ихтиофагов все следы его пропали. Тут случилось, что некоторые из людей Неарха, удалившиеся несколько далеко от берега в поисках съестных припасов, увидели вдали человека в греческой одежде; они спросили его, откуда он идет, кто он такой. Он отвечал, что идет из лагеря Александра и что царь находится недалеко отсюда: ликуя повели они его к Неарху, которому он и сообщил, что Александр стоит в глубине края в пяти днях пути, и предложил затем отвести его к гиппарху этой страны. Так и было сделано; Неарх спросил гиппарха, каким образом ему пробраться к царю. Он возвратился к кораблям, чтобы привести здесь все в порядок и укрепить лагерь, а гиппарх между тем, надеясь заслужить милость царя первым известием о прибытии флота, поспешил кратчайшим путем в глубь края и доставил эту весть, навлекшую на него самого столько несчастий, так как подтверждение ее замедлилось.

Наконец, так рассказывает далее сам Неарх, приготовления по устройству флота и лагеря подвинулись так далеко вперед, что он с Архией из Пеллы и с пятью или шестью спутниками мог выступить из лагеря и направиться в глубину края. По дороге им встретились некоторые из разосланных Александром гонцов; но они не узнали ни Неарха, ни Архию, — так переменилась их наружность: волосы на голове и бороде их были длинны, лица бледны, тело исхудало, их платье висело лохмотьями и все было перепачкано смолой; и когда они спрашивали, в каком направлении находится лагерь Александра, гонцы, дав им указания, продолжали свой путь. Но Архия предчувствовал истину и сказал: «Кажется, эти люди разосланы на поиски нас; весьма понятно, что они не узнают нас, мы должны выглядеть совсем иначе, чем в Индии; скажем им, кто мы такие, и спросим их, куда они едут». Неарх так и сделал: гонцы отвечали, что ищут Неарха и прибывшее на флоте войско. Тогда Неарх сказал: «Я тот, которого вы ищете, ведите нас к царю!» С великой радостью они посадили их на свои колесницы и поехали к лагерю; но некоторые бросились вперед к шатру царя и сказали: «Вот едут Неарх, Архия и пятеро других с ними». Но так как они ничего не знали об остальном войске и флоте, то царь полагал, что, вероятно, прибывшие спаслись случайно, а

войско и флот погибли, и его скорбь сделалась еще сильнее прежнего. Наконец Неарх и Архия вошли к нему; Александр едва узнал их, он протянул Неарху руку, отвел его в сторону и долго плакал; наконец он сказал: «Видя снова тебя и Архию, я не так тяжело ощущаю всю эту потерю; теперь же расскажи мне, как погибли мой флот и мое войско?» Неарх отвечал: «О царь, ты обладаешь еще и тем, и другим: твоим войском и твоим флотом; мы же прибыли возвестить тебе об их спасении». Тогда Александр заплакал еще сильнее, и шумная радость распространилась вокруг него; он же клялся Зевсом и Аммоном, что день этот для него дороже обладания всею Азией⁶.

Теперь, наконец, в Карманию прибыл и Кратер со своим войском и своими слонами после благополучного перехода через Арахозию и Дрангиану⁷; при вести о понесенных Александром громадных потерях, он поспешил привести к царю свое свежее и сильное войско. В одно время с ним прибыли и военачальники, находившиеся в Мидии уже пять лет; то были Клеандр с ветеранами наемников, Гераконт с наемными всадниками, которыми ранее предводительствовал Менида, Ситалк с фракийской пехотой и Агафон с одризскими всадниками, всего пять тысяч человек пехоты и тысяча всадников. Сатрап Ареи и Дрангианы Стеназор и Фаразман, сын сатрапа Парфии Фратаферна, прибыли тоже в Карманию с верблюдами, лошадьми, стадами и выючными животными, намереваясь главным образом доставить войску, которое, как они полагали, еще не прибыло, предметы первой необходимости при его переходе через пустыню; но и теперь еще привезенное ими было кстати: верблюды, лошади и быки были разделены между войсками обычным порядком. Все это и, кроме того, благодатная природа Карманской страны, заботливый уход и покой, которым наслаждались здесь солдаты, наконец, непосредственное присутствие самого царя, деятельность которого никогда не была серьезнее и энергичнее, скоро изгладили страшные следы ужасных лишений и возвратили македонскому войску его силу и веру в себя. Затем были устроены различные празднества, чтобы отблагодарить богов за благополучное окончание индийского похода, за возвращение войска на родину и за чудесное спасение флота. Были принесены жертвы Зевсу-спасителю, Апол-

лону-защитнику, потрясателю земли Посейдону и богам моря, были устроены торжественные шествия, пелись праздничные хоры, исполнялись различные боевые игры; в блестящем праздничном шествии Нсарх, с венком на голове, шел рядом с увенчанным царем, и ликующее войско бросало на них цветы и разноцветные ленты⁸. В общем собрании войска Нсарх повторил рассказ о своем плавании; он и другие предводители и многие из войска были почтены царем дарами, чинами и всевозможными отличиями; Певкеста же, бывший до сих пор оруженосцем Александра и спасший ему жизнь при штурме города маллов, был причислен восьмым к обычному дотоле числу семи телохранителей.

В то же время царь дал указания относительно дальнейшего похода: флот должен был продолжать свое плавание вдоль берега Персидского залива, войти в устье Паситигрида и подняться по реке Сузы; Гефестион с большей частью сухопутного войска, со слонами и обозом, избегая более трудных путей, снега и зимних холодов горных местностей, должен был опуститься к плоскому морскому берегу, имевшему достаточно запасов и в теперешнее время года отличавшемся мягким климатом и удобными дорогами, и на равнине Сузы снова соединиться с остальным флотом и войском. Сам Александр с македонской конницей и легкой пехотой, гипаспистами и частью стрелков хотел идти к Сузе ближайшим путем через горы, на Пасаргады и Персеполь.

Таким образом, Александр возвратился в пределы земель, которые были покорены им уже много лет тому назад; обстоятельства настойчиво требовали его возвращения. Сильные беспорядки и опасные нововведения начались во многих местах; дух своеволия и гордости, господствовавший между сатрапами прежнего Персидского царства, слишком скоро нашел доступ и к теперешним наместникам и правителям. Оставаясь без надзора во время отсутствия царя и обладая почти неограниченной властью, многие сатрапы, как македоняне, так и персы, самым страшным образом притесняли свои народы, позволяли все

своему корыстолюбию и сладострастию и не щадили даже храмов богов и многих умерших. На случай, если бы Александр не возвратился из земель Индии, они уже окружили себя толпами наемников и приняли все меры, чтобы, когда понадобится, вооруженною рукою удержать за собою обладание своими провинциями. Самые смелые планы, самые неумеренные желания, самые преувеличенные надежды были в порядке вещей; чрезмерное возбуждение этих лет, когда все обычное и верное было отложено в сторону и когда даже самое неправдоподобное казалось возможным, находило себе удовлетворение только в самых разнузданных предприятиях и в опьянении чрезмерными наслаждениями или лишениями. Страшные случайности войны, которою была приобретена Азия, также легко могли измениться в другую сторону, и как одним ударом счастье царя достигло своего высшего предела, так же легко могло оно и рассеяться. В подавленной персидской народности тоже начали шевелиться новые надежды, и со стороны персидских вельмож было сделано несколько попыток разорвать только что наложенные узы и основать независимые государства или вызвать в народе восстание именем династии древнеперсидских царей, которая, несомненно, возобновиться. И когда теперь после многолетнего отсутствия царя, после все более и более широкого распространения беспорядков и узурпации, вдруг разнеслась весть о гибели войска в пустыне Гедрозии, движение во всех местах и в умах всех должно было достигнуть такой степени, которая заставляла опасаться ниспровержения всего существующего порядка.

Таковы были условия, при которых возвратился в западные провинции с остатками своего войска Александр. Все стояло на карте, один признак беспокойства или слабости — и государство пало бы развалинами над своим основателем. Только самая смелая твердость, сила воли и решительность поступков могли спасти царя и его государство; милосердие и долготерпение с его стороны были бы признанием им своей слабости, а это лишило бы те народы, которые еще теперь держали сторону царя, их последней надежды. Несообразима была самая строгая и беспощадная справедливость, чтобы обеспечить подвергшимся столь возмутительным притеснениям народам их права и

спасти их веру в могущество верховного царя, необходимы были быстрые и энергичные меры, чтобы возвратить величие царской власти ее полный блеск и распространить ужас ее гнева. И, пожалуй, Александр был теперь в том мрачном настроении духа, которое делает ужасным разгневанного властителя. Как далеко позади него лежал энтузиазм первых шагов его победного шествия, радостная вера юности и громадных надежд; слишком часто обманутый в своем доверии, он научился подозревать, быть суровым и даже несправедливым. Возможно, что он считал это необходимостью. Он пересоздал целый мир; вместе с ним изменился и он сам. Теперь необходимо было натянуть и крепко держать в руках бразды неограниченной власти; теперь необходимы были быстрый суд, новая покорность и крутое управление.

Уже в Кармании Александр нашел повод карать. Он сместил сатрапа Аспаста, который покорился ему в 330 году и сохранил за собою место; тщетно Аспаст поспешил навстречу приближавшемуся повелителю с изъявлениями самой униженной покорности; когда следствие подтвердило тяготевшее на нем тяжелое подозрение, он был предан в руки палача. В Карманию вместо него был назначен Сивиртий; но так как Фоант, который должен был отправиться вместо Аполлофана в землю оритов, заболел и умер, то Сивиртий был послан туда, а вместо него в Карманию был призван Тлеполе, сын Пифофана, доказавший свою благонадежность на своем прежнем посту в парфянской сатрапии. Беспорядки, начавшиеся благодаря персу Ордану в глубине Арианы и приобретшие себе свободное поле действия благодаря последовавшей, как кажется, в это же время смерти сатрапа Арахозии Менона, были без труда подавлены Кратером при его проходе. Заковав мятежника в цепи, он доставил его к царю, который предал его заслуженному наказанию; сделавшаяся вакантной сатрапия Арахозии была соединена в руках Сивиртия с сатрапией Оры и Гедрозии.

Из Индии тоже получили дурные вести; Таксил сообщал, что Авизар умер и что сатрап Индии по эту сторону Инда, Филипп, был убит служившими под его начальством наемниками, но что македонские телохранители сатрапа тотчас же подавили восстание и казнили мятежни-

ков. Александр поручил временное управление этой сатрапией государю Таксилы и Эвмену, начальнику оставленных в Индии фракийцев, и повелел им признать наследником престола в государстве Кашмира сына Авизара.

Из Индии в Карманию было приказано явиться Гераконт, Клеандру и Ситалку⁹ с большою частью их войск, и они явились; жители этой провинции и их собственные войска обвиняли их в ужасных вещах; они грабили храмы, открывали гробницы и позволяли себе всевозможные притеснения и преступления со своими подвластными. Только Гераконт сумел оправдаться и был освобожден; Клеандр и Ситалк были вполне уличены и вместе с ними изрублено на месте множество бывших их сообщниками солдат, которых, как говорят, оказалось шестьсот человек. Этот быстрый и строгий суд везде произвел самое глубокое впечатление; думали о том, сколько мотивов должно было побуждать царя пощадить этих людей, тайных исполнителей смертного приговора над Парменионом, и это значительное число старых солдат, в которых он теперь так нуждался. Народы поняли, что царь был действительно их защитником, что он вовсе не желал, чтобы с ними обходились, как с рабами; сатрапы же и военачальники должны были, напротив, понять, что ожидало их, если они не могли предстать пред ступени трона с чистой совестью. Многие из них, как рассказывают, сознавая себя виновными, старались собрать новые сокровища, усилить отряды своих наемников и приготовиться к возможности сопротивления в случае нужды; в это время был издан царский рескрипт к сатрапам, повелевавший немедленно отпустить тех наемников, которые были набраны не именем царя.

Между тем царь двинулся из Кармании в Персию: сатрап Фразарт, которого он назначил сюда, умер во время индийского похода; Орксин, один из знатнейших вельмож страны, рассчитывая на свой древний род и свое влияние, взял на себя управление сатрапией. Но скоро обнаружилось, что он не был на высоте обязанностей сатрапа, звание которого он самовольно принял. Царь разгневался уже на то, что он нашел запущенной гробницу великого Кира в роще Пасаргад. В свою прежнюю бытность в Пасаргадах он приказал открыть купол каменной постройки,

в которой стоял гроб, снова украсить гробницу и предписал находившимся на страже ее магам по-прежнему исполнять свои благочестивые обязанности; он желал, чтобы во всяком случае к памяти великого царя относились с почтением. Теперь же гробница была вскрыта, все было унесено, кроме гроба и одра, крышка гроба была сорвана, тело выброшено вон и все драгоценности похищены. Царь отдал Аристову приказ снова положить в гроб остатки тела, возобновить все в том виде, в каком оно было перед вторжением, снова поставить на свое место каменную дверь купола и запечатлеть ее царскою печатью. Он сам произвел следствие о том, кто совершил это святотатство. Маги, стоявшие на страже гроба, были схвачены и подвергнуты пытке, чтобы заставить их назвать злоумышленников; но они не знали ничего, и их принуждены были отпустить. Дальнейшее следствие тоже не навело ни какой верный след; не находилось никого, кто бы должен был искупить это преступление; но на сатрапе тяготело обвинение в небрежности, благодаря которой это могло случиться в его провинции¹⁰. Скоро должны были обнаружиться более тяжкие проступки сатрапа; Александр двинулся из Пасаргад в резиденцию Орксина, Персеполь; здесь жителями были принесены на него самые громкие жалобы: он позволял себе постыднейшие насилия, чтобы удовлетворить свое корыстолюбие; он разграблял храмы, вскрывал находящиеся здесь гробницы царей и снимал с царственных трупов их украшения. Следствие подтвердило его вину; он был повешен¹¹. Сатрапию его получил телохранитель Певкеста, сын Александра; он казался все более подходящим для управления этою главною страню Персидского царства, так как вполне освоился с азиатским образом жизни, носил мидийское платье, владел персидским языком, охотно и умело окружил себя персидским церемониалом, — вещи, которые персы с восхищением видели в своем новом повелителе.

Около этого же времени к царю явился сатрап Мидии Атропат; он привез с собою мидянина Бариакса, который дерзнул возложить на себя тиару и провозгласить себя царем мидян и персов; он, вероятно, рассчитывал на то, что народонаселение сатрапии, возмущенное преступлениями македонских гарнизонов, будет готово отделиться; он и соучастники его заговора были казнены.

Через персидские проходы царь спустился к Сузе. Возобновились сцены Кармании и Персепolia: народ не боялся более выступать с громкими жалобами на своих утешителей; он знал, что Александр поможет ему. В Сузе были казнены сатрап Авулит и его сын Оксиафр, сатрап паретакенов, которые были обвинены в самых вопиющих преступлениях. Едва сумев оправдаться по процессу о вымогательствах в Мидии, Гераконт, находившийся раньше в Сузе, был тоже уличен в том, что разграбил здесь храм, и теперь казнен.

Таким образом, удар за ударом следовали самые строгие наказания, и те, которые не чувствовали себя чистыми от всякой вины, имели полное право бояться за свое будущее. В числе таких лиц находился Гарпал, сын Махаты, принадлежавший к княжескому роду Элимистиды. Ценимый царем благодаря их прежней дружбе и за важные услуги, он с самого начала получил величайшие доказательства его милости, и при начале персидской войны, так как его физическое сложение делало его неспособным к отправлению военной службы, был назначен казначеем. Уже раз он провинился в тяжком нарушении закона; незадолго перед битвой при Иссе он в сообществе с неким Таврисконом, внушившему этот план, бежал с царскою казною, направляясь к царю молоссов Александру, который тогда воевал в Италии; но Гарпал переменял свое намерение и остановился в Мегаре, чтобы жить там в свое удовольствие. Тогда царь, помня о том времени, когда Гарпал с Непархом, Птолемеем и немногими другими защищал его дело против царя Филиппа и за это подвергся позору и изгнанию, простил ему его легкомысленный поступок, снова призвал его к себе и снова верил ему должность казначея; его управлению были поручены несметные сокровища Пасаргад и Персепolia и в то же время, как кажется, его надзору были подчинены и казначеи нижних сатрапий; его влияние простиралось на весь запад Азии. Между тем Александр шел все далее на восток, а Гарпал, не заботясь об ответственности своего сана и привыкнув к наслаждениям и расточительности, начал самым разнузданным образом проматывать царские сокровища и пользоваться всем должностным своим влиянием только для того, чтобы удовлетворить свое обжорство и сладострастие. Его жизнь была

скандалом для всего света, и насмешка комических поэтов Греции соревновалась с неудовольствием более серьезных людей, предавая его имя всеобщему презрению. В это время появилось открытое письмо историка Феопомпа к Александру, где он приглашал царя положить конец этому безобразию: не довольствуясь диким сладострастием азиатских женщин, Гарпал призвал в Азию Пифионику, самую прославленную в Афинах блудницу, которая сначала служила у псвицы Вакхиды, а затем вместе с нею поступила в публичный дом сводни Синопы и самым недостойным образом подчинилась ее прихотям. Когда она умерла, Гарпал с бесстыдной расточительностью воздвиг этой женщине два надгробных монумента, и справедливо возбуждает удивление то, что между тем как ни он, ни какой-либо другой правитель не посвятил памятника памяти героев Иссы, павших за славу Александра и за свободу Греции, — в Афинах и в Вавилоне уже были воздвигнуты самые роскошные монументы в честь публичной женщины; этой Пифионике, которая в Афинах долгое время была доступна за деньги каждому, Гарпал, называющий себя другом и сановником Александра, имел дерзость воздвигнуть храм и алтарь и освятить его как святилище Афродиты Пифионики, не боясь кары богов и издеваясь над величеством царя. Этого мало: едва она успела умереть, как Гарпал уже выписал себе из Афин другую любовницу, не менее знаменитую Гликсру. Он устроил ее резиденцию во дворце Тарса, поставил ей статую в Россе, где думал рядом со статуей царя поставить свою собственную, и отдал приказ, чтобы никто не подносил ему почетного венка, не поднося его в то же время и его наложнице, чтобы ей поклонялись и приветствовали ее именем царицы; словом, все почести, которые должны были бы только подобать царице-матери или супруге Александра, глава казначейства расточал перед афинской блудницей. Это и тому подобные сообщения достигли царя. Он сначала считал их невероятными и преувеличенными, убежденный, что Гарпал не будет таким безумным образом ставить на карту уже раз потерянную им милость царя; очень скоро сам Гарпал подтвердил своим бегством все эти обвинения. Он положился на то, что Александр никогда не возвратится назад; теперь он видел строгий суд над теми, которые позволили

увлечь себя подобному же заблуждению, и потерял надежду вымолить себе прощение; он собрал все деньги, какие только мог — то была громадная сумма в пять тысяч талантов, — наwerbсвал себе шесть тысяч наемников, двинулся, сопровождаемый ими, своей Гликерой и маленькой дочерью, которую ему родила Пифионика, через малую Азию на берег Ионии и собрал тридцать кораблей, чтобы переправиться в Аттику. Будучи почетным гражданином Афин, находясь в дружеских отношениях с самыми уважаемыми людьми города и любимый народом за щедрую раздачу хлеба, он не сомневался найти там хороший прием и быть обеспеченным от выдачи Александру.

Между тем как последний виновный из вельмож государства старался избавиться таким образом от ответственности, Александр со своим войском в феврале 324 года вступил в Сузу. Вскоре после него прибыл и Гефестион с остальными войсками, со слонами и обозом, а Нсарх привел по реке флот, который без дальнейших опасностей проплыл вдоль берегов Персидского моря. Следуя повелению царя, в резиденцию явились сатрапы и военачальники со своими свитами, явились приглашенные царем государи и вельможи Востока со своими женами и дочерьми; со всех сторон стекались сюда чужеземцы из Азии и Европы, чтобы присутствовать при великих торжествах, которые готовились в Сузе.

Предстояло празднование изумительного, единственного в истории многих столетий дня. Свадебное торжество в Сузе можно было символическим образом завершить слияние Запада и Востока, идею эллинизма, в которой царь думал найти силу и прочность своего государства.

Очевидцы этого превосходившего все своею роскошью и торжественностью празднества описывают его приблизительно следующим образом: для этого был приготовлен большой царский шатер; верх его, затянутый разноцветными, богато вышитыми материями, покоился на пятидесяти высоких обложенных золотом и серебром и усыпанных драгоценными камнями колоннах; замыкая это ослепленное посредине свободным пространство, кругом обитых золотом и серебром перекладин свешивались драгоценные, вышитые золотом и разнообразными рисунками ковры; размеры всего шатра равнялись четырем стади-

ям. Посреди зала был накрыт стол; на одной стороне стояло сто диванов для женихов; диваны покоились на серебряных ножках и были покрыты свадебными коврами, только диван царя посредине был из золота; напротив находились места для гостей царя; кругом были расставлены столы для посольств, для находившихся в лагере чужеземцев, для войска и флота. Трубы из царского шатра подали знак к началу празднества; гости царя, которых было девять тысяч, заняли места за столами. И снова гром труб возвестил по всему лагерю, что царь свершает теперь возлияние богам; с ним вместе совершили возлияние и его гости, каждый из золотой чаши, праздничного подарка царя. Затем снова послышалась труба, и, по персидскому обычаю, вступило шествие покрытых покрывалами невест, и каждая из них приблизилась затем к своему жениху: Статира, дочь персидского царя, к Александру, Дриптида, ее младшая сестра, к Гефестиону, любимцу царя; Амастрида, дочь Оксафра и племянница персидского царя, к Кратеру; дочь повелителя Мидии Атропата, к Пердикке; Арткама, дочь престарелого Артабаза, к Лагиду Птолемию, телохранителю; и ее сестра Артопида к Эвмену, тайному секретарю царя; дочь родосца Ментора к Неарху; дочь Спитамена Согдианского к Селевку, предводителю отряда знатных юношей; и точно так же и другие, каждая к своему жениху¹².

Пять дней подряд праздники следовали за праздниками; посольства городов и провинций государства, союзники в Европе и в Азии доставили к царю несметное количество свадебных подарков, одних золотых венков было на 15 000 талантов. Он тоже давал полную рукою; многие из невест не имели родителей; он заботился о них как отец, дал всем царское приданое, всем, которые женились вместе с ним в этот день, рассыпал драгоценнейшие подарки и освободил от податей всех македонян, которые женились на азиатских девушках¹³ — более 10 000 записали свои имена. Новые пиры и веселые банкеты, зрелища, торжественные шествия и всевозможные увеселения наполнили следующие дни; лагерь был полон веселья и радостной суеты; здесь были рапсоды и арфисты из Великой Греции и Ионии, там — фокусники и канатные плясуны из Индии, там — маги и наездники из персидских земель, дальше — снова греческие танцовщицы, флейтистки, группы акте

ров. Действительно, были даны и драматические агоны — это было время великих Дионисий, — в числе их и сатирическая драма «Агин», сочиненная, как говорят, византийцем Пифоном, исполненная всею насмешкой над бегством Гарпала, хромого управителя казначейства¹⁴. Затем герольды возвестили, что царь принимает на себя долги своего войска и уплатит их, и что поэтому каждый должен записать ту сумму, которую он должен, и затем получить ее. Сначала записались только немногие: большинство, особенно военачальники и высшие офицеры, вероятно, боялись, что Александр жсает только узнать, кто не может обойтись своим жалованьем и живет слишком расточительно. Услышав это, царь был очень оскорблен таким недоверием, он приказал расставить столы в различных пунктах лагеря и разложить на них золото с приказанием уплачивать каждому, кто покажет счет, не спрашивая даже об его имени. Тогда пошли все и радовались не столько тому, что им удастся освободиться от своих долгов, сколько тому, что они останутся неизвестными; эти храбрые воины устраивали свои дела с невероятной беззаботностью; несмотря на всю добычу и на все царские дары, войско до такой степени погрязло в долгах, что для покрытия их потребовалось не менее 20 000 талантов¹⁵. Особенно отличались чрезмерной расточительностью офицеры; так как царь часто с неодобрением отзывался об их бессмысленных расходах, они должны были весьма радоваться тому, что могут без его ведома подойти к столу с золотом и быстро поправить свои пошатнувшиеся финансы. Антиген, предводитель гипаспистов в битве при Гидаспе, потерявший в 340 году перед Перинфом один глаз и бывший равно известным своей храбростью и своим корыстолюбием, тоже, как рассказывают, подошел тогда к столу с золотом и потребовал уплаты ему показанной им суммы; тут открылось, что у него вовсе нет долгов и что показанные им счета фальшивы. Александр был сильно раздражен этим грязным поступком, прогнал Антигена от своего двора и лишил его звания. Это посрамление вывело из себя храброго стратега и нельзя было сомневаться в том, что от стыда и огорчения он совершит что-нибудь над собою. Это возбудило жалость царя, он простил ему, возвратил его к своему двору, возвратил ему его звание и приказал выпла-

тить ему ту сумму, которой тот требовал. Одновременно с этим всеобщим погашением долгов Александр раздал истинно царственные подарки тем, кто отличился своею храбростью, опасностями, которые им пришлось перенести, и верною службой около его особы. Он увенчал золотым венком телохранителя Певкиту, сатрапа Персиды, который в городе маллов прикрыл его своим щитом, телохранителя Леонната, военачальника земли оритов, который при этом же самом опасном штурме бился рядом с ним, победил варваров на реке Томир и с увенчавшимся успехом рвением привел в порядок дела в Оре; затем адмирала Неарха, свершившего столь славное плавание от Инда к Евфрату, Опезикрита, командовавшего царским кораблем на Инде и от Инда до Сузы, а также верного Гефестиона и остальных телохранителей: Лизимаха из Пеллы, Аристана, сына Писея, гиппарха Пердикку, Лагида Птолемея и Пифона из Эордеи.

В это время должно было совершиться еще одно торжество, серьезное и в своем роде трогательное. Один из кающихся на равнине Таксилы по приглашению Александра, удивленный его могуществом и его любовью к истине, последовал за македонским войском, несмотря на нежелание своего начальника и насмешки товарищей по покаянию. Его кроткая серьезность, его мудрость и благочестие доставили ему глубокое уважение царя, и многие знатные македоняне, особенно Лагид Птолсмей и телохранитель Лизимах, охотно свели с ним знакомство; они называли его Каланом, словом, которым он обыкновенно приветствовал их: его настоящее имя было Сфин. Он был очень стар; в персидской земле он в первый раз в жизни почувствовал себя больным. Он сказал царю, что не желает зачахнуть и что прекраснее умереть прежде, чем физические страдания заставят его покинуть свой прежний образ жизни. Тщетны были все возражения царя; у него на родине, сказал он, считается всего позорнее, когда болезнь нарушает спокойствие духа; правило его веры требует, чтобы он возшел на костер. Царь видел, что он должен уступить; он приказал телохранителю Птолемею воздвигнуть для него костер и приготовить все остальное с величайшей торжественностью. Когда настал назначенный день, рано утром началось торжественное шествие войска, впереди шла кон-

ница и пехота в полном блестящем вооружении и боевые слоны в своих кольчугах, затем шли отряды людей, несших благовония, затем другие, несшие золотые и серебряные чаши и царские одежды, чтобы бросить их в пламя вместе с благовониями; затем следовал сам Калан; так как он не в силах был идти, то ему был подведен нисейский конь, но он не мог уже подняться на него; он был вынесен на носилках. Когда шествие достигло подножия костра, Калан сошел с носилок, пожатием руки простился с каждым из окружавших его македонян, попросил их в воспоминание о нем провести сегодняшний день среди веселых празднеств со своим царем, которого они скоро увидят в Вавилоне; он подарил нисейского коня Лизимаху, а чаши и одежды окружающим. Затем благочестивый индус начал готовиться к смерти: он обрызгал себя как жертвенное животное, надел на себя по обычаю своей родины всенок и, распевая индийские гимны, взошел на костер; затем он еще раз взглянул на стоявшее внизу войско, обратился лицом к солнцу и опустил на колени для молитвы. Это был с его стороны знак: под костер подложили огонь, загремели трубы, войско ответило на них боевым кликом, и слоны начали издавать свои странные крики, как бы желая почтить умирающего покаянника их родины. Погруженный в молитву, он неподвижно лежал на костре, пока пламя не сомкнулось над ним и не скрыло его от глаз войска.

Сам Александр, говорит Ариан, не желал присутствовать при кончине дорогого ему человека. По этому поводу он сообщает нам, что самый старейший из этих кающихся, бывший учителем остальных, отвечал царю на его приглашение следовать за ним, что «если Александр — сын Зевса, то таков же ведь и он, что он не желает ничего такого, что мог бы даровать ему царь-владыка, и не боится ничего, что тот может сделать с ним; пока он жив, ему достаточно почвы Индии, которая из года в год приносит ему все в свое время; а когда он умрет, он освободится от неприятного общества своего тела и будет причастен к более чистой жизни». Рассказывают тоже, что Александр с изумлением выразился о смерти Калана: «Он победил более могущественных противников, нежели я».

Оно звучит, как притча, что в этом царе таким образом встретился умственный мир Запада, завершенный его учи-

телем Аристотелем, с тем миром, который вырос в земле Ганга, — полюсы двух противоположных цивилизаций, которые он думал соединить в одно и слить вместе во всей ширине и разнообразии достигнутых уже им на практике форм и условий жизни и крившихся в них идеалов будущего.

Он действовал так не по капризу, не на основании ложных посылок или цепи неверных умозаключений. Все его дальнейшие поступки вытекали совершенно правильными силлогизмами из первого импульса, который как бы сам собою был дан ему историей греческой жизни; и то, что каждое следующее умозаключение удавалось ему, как и предыдущие, было достаточным доказательством того, что он рассуждает правильно. Ему не выпало на долю счастья найти такого противника, который положил бы ему цель и предел; только то, что моральные силы его войска истощились у Гифазиса, могло убедить его, что и его могущество имеет свои пределы; и в пустыни Гедрозии он должен был понять, что природа сильнее его воли и могущества. Но формы, в которых он думал надолго упрочить созданное им дело, введенная им система нового порядка не были опровергнуты ни на Гифазисе, ни в пустыне, и оппозиция со стороны македонян и греков, попытки возмущения азиатов там и сям были до сих пор так быстро и так легко подавляемы, что не могли заставить его уклониться от предначертанного им себе пути.

Начатое им дело само вело и принуждало его идти далее; если бы он даже и желал, он не мог бы уже более остановиться или повернуть назад этот мощный поток.

За свадебными торжествами в Сузе последовал второй акт крайней важности; долго приготавливавшийся, теперь он должен был совершиться как бы сам собою.

Уже со смерти Дария азиатские войска вошли в состав армии Александра; но до сих пор они сражались оружием и приемами своей родины, всегда считались только подчиненными вспомогательными отрядами, и несмотря на их превосходное содействие в Индийском походе, не признавались среди гордых македонян за равных им воинов. Чем далее шло во всех остальных отношениях сближение между различными национальностями, тем необходимее было уничтожить также и в войске различия между победителями и побежденными.

Самым действенным средством было принять азиатов в ряды македонских войск и дать им то же самое оружие и те же воинские почести. Уже пять лет тому назад царь принял нужные для этого подготовительные меры, а именно: приказал набрать во всех сатрапиях своего государства молодых людей и вооружить и обучить их по македонскому образцу. На эллинизацию этих народов тоже ничем нельзя было подействовать так быстро и решительно, как приучив молодое поколение к греческому вооружению и военной службе, приняв его в ряды армии и заставив его проникнуться тем воинским духом, который на первое время должен был заступить в этом громадном государстве место новосозданной единой национальности.

Многие соображения заставили Александра как раз поспешить с их призывом. Поход в Индию и переход через Гедрозию низвели число всех находящихся в действующем войске македонян чуть ли не до 25 000 человек; почти половина их сражалась в походах со времени выступления в 334 году¹⁶. Очевидно было, что после таких громадных трудов, и особенно после пережитых в Индии и в пустыне Гедрозии событий, эти ветераны должны были быть слишком утомлены для новых предприятий и должны были мечтать об отдыхе и о возможности насладиться наконец тем, что они приобрели. Александр должен был понять, что для великих проектов, занимавших его неутомимый ум, он нуждается в энтузиазме, в соревновании, в физической и нравственной силе молодых войск, что гордость, эгоизм и своеволие этих старых македонян легко могут сделаться задержкой для него самого, так как они притом еще, помня о своей прежней товарищеской близости с царем, привыкли к такой свободе в суждениях и в манере держать себя, которая уже более не казалась гармонизирующей с совершенно изменившимися условиями. Он должен был, наконец, бояться, что при каком-нибудь случае они могут попытаться возобновить разыгравшиеся при Гифазисе сцены, так как им, без сомнения, было давно ясно, что не всеобщее бедствие, но их твердая решимость не идти вперед дальше ни на шаг принудили царя уступить. По-видимому, с этого времени в войске начала чувствоваться некоторая холодность между царем и македонянами, и некоторые позднейшие обстоятельства могли только

содействовать тому, чтобы усилить ее: даже та нерешительность, с какой войско приняло предложение царя о всеобщем уничтожении долгов, должна была показать ему, как глубоко уже пришло недоверие к нему. Он мог надеяться овладеть настроением умов войска с помощью безграничной щедрости, с какой он осыпал македонян дарами и почестями, с помощью торжественной свадьбы, которую он отпраздновал в одно время со многими тысячами своих ветеранов — это ему не удалось. Он мог ожидать впереди опасного кризиса, который только ускорялся каждым дальнейшим его шагом к эллинистическому устройству государства; тем более должен был он торопиться окружить себя военной силой, во главе которой он, в случае нужды, мог бы выступить против своих фалангистов,

В лагерь при Сузе явились сатрапы из завоеванных земель и из нововыстроенных городов с молодыми войсками, которые были набраны по данному в 331 году приказу: тут было всего 30 000 человек, вооруженных по македонскому образцу и обученных всем приемам македонского войска. В то же время конница была совершенно преобразована: те из бактро-согдианских, арианских и парфянских всадников и из персидских «эваков», которые выдавались своей знатностью, красотой или другими преимуществами, частью были распределены по лохам конницы, частью послужили для образования из них из македонских всадников пятой гиппархии¹⁷; в агему конницы тогда были приняты азиаты, а именно: Артабел и Гидарн, сыновья умершего сатрапа Мазея, Кофен, сын Артабаза, Сизигий и Фрадасмен, сыновья сатрапа Парфии Фратаферна, Гистан, брат Роксаны, братья Автобар и Мифробей и, наконец, бактрийский князь Гистасп, который получил начальство над агемой.

Все это вызвало сильное раздражение в македонских войсках. Александр, так говорили они, превратился теперь совершенно в варвара, он презирает Македонию ради Востока; уже тогда, когда он начал показываться в мидийской одежде, серьезные люди предчувствовали все беды, которые будут последствием такого начала; Певкеста осыпан царем почестями и дарами за то, что он самым оскорбительным образом издевается над воспоминаниями своей родины; что за важность в том, что Александр праздновал

свою свадьбу вместе с другими македонянами, — ведь это были азиатские женщины, да и они даже были выданы замуж по персидскому обычаю; а теперь эти новички в македонском вооружении, эти варвары, пользующиеся равной частью с ветеранами Филиппа! Очевидно, что македоняне надоели Александру, что он принимает все меры, чтобы более в них не нуждаться, что он воспользуется первым случаем, чтобы совершенно устранить их.

Так говорили старые войска; достаточно было только одного толчка, чтобы это настроение выразилось открытым разрывом; и случай к этому должен был представиться очень скоро.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мятеж солдат в Описе. — Увольнение ветеранов. — Гарпал в Греции. — Раскол между партиями в Афинах. — Постановление относительно возвращения изгнанников. — Происки Гарпала в Афинах, процесс Гарпала. — Внутренняя политика Александра и ее последствия

Александр решил двинуться со своим войском вверх по Тигру к городу Опису, где большая дорога разделяется на две дороги, ведущие в Мидию и на запад. Цель этого движения можно было угадать уже из топографического положения города.

В то же время он желал ознакомиться с характером устьев Евфрата и Тигра, со степенью судоходности этих рек и особенно с состоянием гидрографических сооружений на Тигре, от которых зависело благосостояние и бедствие прибрежных низин. Он передал начальство над войском Гефестиону, приказав ему идти вверх по Тигру по обыкновенной дороге. Сам он со своими ги-

паспистами, с агемой и с незначительным отрядом конницы сел на корабли Неарха, которые уже поднялись вверх по Эвлею и находились поблизости от Сузы. На них — это было, вероятно, в апреле месяце — он отплыл из Сузы вниз по реке. Когда флот приблизился к устью реки, большинство судов, сильно поврежденных во время переезда из Индии, было оставлено здесь. Царь выбрал самые быстროходные корабли, чтобы спуститься под парусами в Персидский залив, между тем как другие корабли должны были прибыть в большую реку по каналу, соединяющему Эвлей и Тигр недалеко от их устья¹.

Сам он спустился по Эвлею в Персидский залив, проплыл затем вдоль морского берега и мимо устьев различных каналов до устья Тигра и, основательно ознакомившись со всем и дав нужные указания относительно основания между Тигром и Эвлесом на самом морском берегу города Александрии², вошел в Тигр и поплыл вверх по реке. Скоро он встретил остальные корабли, а через несколько дней и сухопутное войско под предводительством Гефестиона, стоявшее лагерем на берегах Тигра. При дальнейшем плавании флот несколько раз встречал громадные речные плотины, сооруженные персами, по их словам, для того, чтобы сделать невозможным всякое неприятельское вторжение с моря. Александр приказал разрушать эти плотины везде, где их находил, не потому, чтобы он не боялся более нападений с моря, но главным образом для того, чтобы открыть эту реку для торговли и судоходства. В то же время он принял меры для того, чтобы снова очистить и снабдить необходимыми шлюзами и плотинами каналы, которые частью засорились, частью прорвали свои плотины.

Вероятно, был уже июль месяц, когда войско и флот прибыли в Опис; они стали лагерем в окрестностях этого богатого города. Недовольное настроение македонских войск несколько не уменьшилось со времени выхода из Сузы; самые преувеличенные и извращенные слухи о намерениях, которые питает относительно их царь, встречались с полным доверием и доводили их опасения до крайней напряженности.

В это время они были созваны на собрание; войска соби-
рались на равнине перед Описом; Александр начал го-

ворить речь, чтобы объявить македонянам — как он думал — радостную новость: многие между ними утомлены многолетней службою, ранами и трудами; он не желает поселять их в новых городах подобно тем, которые были отпущены раньше; он знает, что они рады будут увидеть свою родину; тем из ветеранов, которые пожелают остаться у него, он сумеет так заплатить за эту преданность, что они будут казаться достойными еще большей зависти, чем возвращающиеся теперь домой, и удвоит в молодом поколении родины жажду таких же опасностей и такой же славы; так как теперь Азия покорена и успокоена, то в увольнении могут принять участие весьма многие. Здесь царя прервали дикие и беспорядочные крики: он желает освободиться от своих ветеранов, он желает иметь вокруг себя состоящее из варваров войско; воспользовавшись их силами до конца, он теперь с презрением увольняет их, бросает их старыми и бессильными их отчеству и их родителям, от которых он получил их иными. Шум становился все яростнее: пусть он отпускает их всех; пусть отныне ходит на поле битвы с тем, кого называет своим отцом! Так шумело собрание; возмущение солдат было полное, Александр, как был, безоружный, в сильном гневе бросился с трибуны в шумящую толпу, сопровождаемый окружавшими его офицерами; сильной рукою схватил он ближайших крикунов, передал их своим гипаспистам, показывал здесь и там, чтобы схватить других виновных. Было схвачено тринадцать человек, он приказал увести их и предать смерти. Ужас положил конец шуму. Тогда царь произнес вторую речь, в которой упрекал их за мятеж.

Исходят ли те слова, которые влагает ему в уста Арриан, из хорошего источника или придуманы соответственно этому положению, они заслуживают быть приведенными ввиду их важного содержания. «Не для того, чтобы удерживать вас, буду я еще раз говорить с вами; по мне, вы можете идти куда хотите! Я хочу только показать вам, чем вы сделались благодаря мне. Мой отец Филипп сделал из вас многое; между тем как прежде вы, бедные и не имея оседлости, бродили по горам с вашими скудными стадами, всегда подвергаясь нападениям фракийцев, иллирийцев и трибаллов; мой отец поселил вас в домах, вместо шкур дал нам платье солдата, сделал из вас повелителей над окрест-

ными варварами, открыл для вашего трудолюбия рудники Пангеона, а для вашей торговли — море, подчинил вам Фессалию, Фивы, Афины и Пелопоннес, стяжал себе полновластную гегемонию над всеми эллинами для войны с Персией; это свершил Филипп, оно велико само по себе, но в сравнении с тем, что было совершено позднее, ничтожно. Мой отец оставил мне в сокровищнице немного золотых и серебряных сосудов, не более шестидесяти талантов денег и пятьсот талантов долга. Я сам должен был прибавить восемьсот талантов долга, чтобы иметь возможность начать поход; тогда, хотя персы господствовали над морем, я открыл вам Геллеспонт, я победил сатрапов персидского царя при Гранике; я покорил богатые сатрапии Малой Азии и дал вам возможность наслаждаться плодами победы; вам достались богатства Египта и Кирены, вашими сделались Сирия и Вавилон, вашею — Бактра, вашими — сокровища Персии, богатства Индии и обтекающее вселенную море; из вашей среды вышли сатрапы, военачальники, стратиги. Что сам я имею от всех этих битв, кроме пурпура и диадемы? Я ничего не приобрел для себя, и нет никого, кто бы мог показать мои сокровища, если он не покажет вашего имущества и того, что сохраняется для вас; и к чему мне накапливать себе сокровища, когда я ем, как вы едите, и сплю, как спите вы; даже многие из вас живут роскошнее меня, и не одну ночь должен я проводить без сна, чтобы вы могли спать спокойно. Или тогда, когда вы переносили труды и опасности, я не имел забот и огорчений? Кто может сказать, что он перенес ради меня более, чем я перенес ради него? Пусть тот из вас, кто имеет раны, покажет их, а я покажу свои; нет такого места на моем теле, где бы не было раны, и нет такого снаряда или оружия, которое не оставило бы шрама на мне; мечом и кинжалом, луком и катапультной, камнем и палицей был я ранен, когда бился за вас и за вашу славу и обогащение и победоносно вел вас по землям и морям, через горы, реки и пустыни. Я заключил брак, одинаковый с вашими, и дети многих из всех вас будут находиться в родстве с моими детьми; я заплатил долги за всех вас, не спрашивая, как вы вошли в них при таком жалованье и при такой крупной добыче; многие из вас получили золотые венки, как вечное доказательство своей храбрости и моего уважения. А

те, что пали в бою, смерть их была славна и погребение почетно: многим из них воздвигнуты на родине бронзовые статуи, а родители их пользуются высокими почестями, освобождены от податей и общественных повинностей. Наконец, ни один из вас под моим предводительством не пал во время бегства. И теперь я думал отпустить тех из вас, которые утомлены войною, на удивление и на гордость нашей родине; но вы хотите идти все; так все и идите! И когда вы придете к себе домой, то скажите, что вы своего царя, который одолел уксиев, арахозиев и дрангиан, который покорил парфян, хоразмиев и гирканцев, живших вдоль Каспийского моря, который проник в каспийские проходы и перешел через Кавказ, который переправился через Окс, Танаис, Инд, перейденный до него только одним Дионисом, через Гидасп, Акезин и Гиарот и который, если бы вы не помешали ему, перешел бы и через Гифазис, который проплыл по Инду в Океан, прошел по пустыне Гедрозии, по которой никто до него не проходил с войском, флот которого из Инда прибыл по океану в Персию, — что вы этого своего царя, Александра, покинули и предоставили защищать его побежденным варварам; возвестив это, вы, конечно, стяжете себе славу в глазах людей и докажете свое благочестие перед богами; вы можете идти!» После этих слов он быстрыми шагами сошел с трибуны и поспешил воротиться в город.

Македоняне остались пораженные и безмолвные; только телохранители и самые приближенные из этеров последовали за ним. Постепенно тягостное молчание в собрании стало прекращаться; они получили то, чего требовали; спрашивалось: что же будет теперь? что будет дальше? Они все были отпущены; они не были более солдатами; сдерживавшие их доныне цепи службы и воинской дисциплины были разрушены, у них не было ни вождя, ни плана, ни воли; одни советовали остаться, другие приглашали выступать. Таким образом, смятение и беспорядочные крики только росли, никто не приказывал, никто не повиновался, ни один отряд не держался вместе; через несколько минут это войско, завоевавшее мир, представляло собою беспорядочную и смятенную массу.

Александр удалился в царский дворец в Описе; при том сильном возбуждении, в каком он находился, он прене-

бегал всеми заботами о своем теле; он не хотел никого видеть, ни с кем говорить. Так прошли первый и второй день. Между тем в лагере македонян беспорядки достигли опасных размеров; со страшною быстротою начали проявляться последствия мятежа и роковые результаты необдуманного требования, которое было вполне удовлетворено. Предоставленные своей участи и своей анархии, бессильные и лишенные точки опоры, так как они не встретили сопротивления, не имевшие ни решимости желать, ни силы действовать, лишенные права, долга и чести своего звания, — что могли они начать, как не прибегнуть к открытому насилию, гонимые голодом и отчаянием?

Александр должен был остерегаться крайних мер; но в то же время он желал сделать последнюю и действительно смелую попытку, чтобы заставить македонян раскаяться. Он решил совершенно ввериться азиатским войскам, организовать их по образу македонского войска и отличить их всеми почестями, которые доньше доставались македонянам; он должен был ожидать, что они, видя таким образом порванным последнее звено между ними и царем, или исполнятся раскаяния и будут умолять его о прощении, или, доведенные до ярости, возмутся за оружие; было несомненно, что в этом случае он во главе своих азиатских войск одержит победу над лишенной предводителя толпой. На третий день он призвал в царский дворец персов и мидян, открыл им свою волю, выбрал из них предводителей и начальников нового войска, даровал многим из них почетный титул родственников царя и, по восточному обычаю, дал им право поцелуя. Затем азиатские войска, согласно с македонским устройством, были разделены на гипархии и фаланги, была образована персидская агема, персидские пешие этеры, персидский отряд гипаспистов с серебряными щитами, персидская конница этеров и агема персидской конницы; караулы во дворце были заняты персами и им была передана служба при царе. Македонянам был послан приказ очистить лагерь и идти, куда они хотят, или, если они это предпочитают, избрать предводителя и выступить против Александра, их царя, чтобы, когда они будут побеждены им, понять, что они без него ничто³.

Когда этот приказ царя сделан был известен в лагере, старые войска не могли долее сдерживаться, они ринулись к

царскому дворцу, сложили перед ним свое оружие в знак покорности и раскаяния; стоя перед закрытыми дверями, они кричали и умоляли, чтобы их впустили, что они выдают зачинщиков мятежа: они ни день, ни ночь не сойдут с места, пока царь не сжалится над ними.

Прошло немного времени, и царь вышел к ним⁴; видя своих ветеранов полными такого глубокого раскаяния, слыша их радостные клики и их новые скорбные рыдания, он не мог удержаться от слез. Затем он подошел ближе, чтобы говорить с ними; теснясь кругом, они не переставали упрашивать его, как будто бы боялись первого слова своего, быть может, еще не смягчившегося государя. Вперед выступил один старый уважаемый офицер, один из гиппархов конницы Каллин, чтобы говорить от имени всех; более всего, сказал он, македонян огорчает то, что он делал персов своими этерами, что персы получили теперь право называться родственниками царя и целовать его и что эта честь никогда не доставалась на долю ни одному из македонян. Тогда царь воскликнул: «Вас всех я делаю моими родственниками и с этой минуты даю вам это звание!» Он подошел к Каллину, чтобы поцеловать его; а его целовал потом каждый из македонян, который только хотел этого; они снова взяли свое оружие и, ликуя, возвратились в лагерь. Александр же, чтобы торжественно отпраздновать примирение, повелел приготовить большое жертвоприношение и принес жертвы тем богам, которым он их приносил обыкновенно. Затем было дано большое пиришество, в котором приняло участие почти все войско; царь сидел посредине, около него македоняне, за ними персы и далее многие из других народов Азии. Царь пил и те же кратер со своими войсками и делал одни и те же возлияния с ними; священные обряды при этом исполняли греческие предсказатели и персидские маги. Царь произнес тост, прося богов даровать им все блага, а главным образом согласие и единение в государстве македонян и персов. Число лиц, принимавших участие в этом пиришестве, как говорят, достигало девяти тысяч; и все эти девять тысяч одновременно делали возлияния, сопровождав их хвалебными гимнами⁵.

Таков был исход этого тяжелого кризиса; то был последний протест древнемакедонского духа, нашедший себе

наиболее оригинальное и серьезное выражение; теперь он был морально побежден. Меры, перед которыми он должен был склониться, придавали этой победе Александра еще большую важность. Преимущества, которые до сих пор царь был принужден оказывать македонскому войску, были уничтожены, азиатские войска получили доступ к именам и почестям войск старомакедонских. Отныне между победителями и побежденными не было никакой другой разницы, кроме степени личных достоинств и верности своему царю.

Несмотря на всю подавляющую силу, с какой при этом случае выступает личность самого царя, она не объясняет нам всего. Во всяком случае можно сказать, что если система Александра могла выдержать такое испытание, то это служит верным доказательством того, что государственная система, воздвигнутая с такою быстротою и смелостью, была достаточно закончена и утверждена для того, чтобы можно было снять леса и подпорки, поддерживающие ее строй. Но разве победу в Описе не могли точно так же одержать и ветераны и положить, таким образом, конец опьянению царя, дав ему доказательство того, что он подобно Иксиону, пылко обнимал облако вместо богини? Несомненно, могли бы, если бы сами оставались еще истыми македонянами; но они не были уже теперь ими, они сами восприняли в себя то новое, с которым упорно боролись; они сжились с азиатским образом жизни, хоть и не желали признать за этим новым элементом тех правил, которые принадлежали ему; и это высокомерное желание считаться только победителями того, что победило и проникло в них тоже в самую глубину их существа, было причиной их падения. Когда македонское войско, орудие, которым было создано это творение нового времени, было сломлено могучею рукою творца, он этим самым объявлял, что само его создание окончено и что относительно его характера и природы не может быть более никаких вопросов. Если смуты и беспорядки, непосредственно следовавшие за этим временем, потрясли и разрушили внешние формы новозданного государства, то все-таки эллинистическая жизнь, великое объединение греческого и азиатского мира со всеми его благими и дурными последствиями, была упрочена на многие века.

Таким образом, новый порядок вещей победоносно прошел через все стадии внутренних и внешних затруднений; признанный за идею нового времени, провозглашенный принципом нового царства, пущенный в ход как государственная администрация, организованный как войско, находившийся в полном разгаре работы как разложение и пересоздание народной жизни, он должен был только выразиться по возможности решительно и сообразно с насущными интересами народов. Такова была работа короткого времени жизни, которое судьбе еще было угодно дать царю, такова была ее цель и во всяком случае результат ее.

Даже отправление ветеранов на родину должно было оказать свое влияние в этом смысле; еще никогда войска не возвращались из Азии на родину в таком количестве, и эти 10 000 ветеранов более, чем все прежние, восприняли в себя азиатскую культуру. Их пример, их слава, их богатство, все те изменившиеся воззрения и потребности, новые требования и новый опыт, который они приносили с собой, должны были оказать среди их соотечественников на родине не менее сильное влияние, чем то, которое уже оказывала западная культура на жизнь восточных народов, благотворно ли было это влияние на простых людей, на пахарей и пастухов их родины, это другой вопрос. Ветераны были отпущены самым торжественным образом из лагеря при Описе; Александр объявил им, что они получают все жалованье до своего прибытия на родину и, кроме того, подарок в один талант каждый. Детей, которых родили им женщины востока, он требует, чтобы они оставили у него, чтобы они на родине не сделались поводом для нарушения домашнего мира их женами и детьми; он позаботится о том, чтобы дети солдат были воспитаны как македоняне и как солдаты; и когда они возмужают, он надеется привести их в Македонию и возвратить их отцам. Он обещал точно так же позаботиться о детях воинов, павших во время походов, и сохранить им жалованье их отцов до тех пор, пока они сами не дослужатся до такого жалованья и до такой славы на службе царю. В знак своей заботливости он дает им в покровители и в предводители преданнейшего из своих генералов, которого он любит, как самого себя, гиппарха Кратера. Таким образом, ветераны высту-

пили из Описа, с ними отправились стратеги гипаспистов Полисперхон, Клит, Горгия и, быть может, Антиген, а из стратегов конницы — Полидам и Адамант; на случай болезни Кратера вторым предводителем войска был назначен Полисперхон.

Данные Кратеру указания относились не только к заботам по доставлению на родину ветеранов; главной целью его миссии было принять на себя вместо Антипатра политическое и военное управление родиной, а тот в свою очередь получил приказ привести в армию войска, долженствовавшие заменить возвратившихся на родину ветеранов. Вряд ли, впрочем, это последнее было главной причиной; многие обстоятельства должны были вызвать необходимость перемены лица, занимавшего высший пост в Македонии. Разногласия между царицей-матерью и Антипатром достигли своего высшего предела; вероятно, главная, а быть может, и исключительная вина была на стороне страстной и сластолюбивой царицы. В земле эпиротов, когда ее брат Александр пал в Италии, она действовала как хозяйка того края, и его молодая вдова, ее дочь Клеопатра, избегая, быть может, грозивших ей лично серьезных опасностей, возвратилась в Македонию со своим пятилетним сыном, законным наследником македонского престола⁶. Александр всегда высоко чтил мать и исполнял по отношению к ней все сыновние обязанности, но точно так же решительно отклонял ее вмешательство в общественные дела. Однако она не переставала интриговать, писать своему сыну письма, исполненные всевозможных упреков и жалоб; ревнуя Александра к Гефестиону, она отправляла недовольные письма и к этому любимцу царя, но главным образом неумоимо посылала в Азию самые сильные обвинения против Антипатра. Антипатр, со своей стороны, также горько жаловался на царицу-мать и ее вмешательство в общественные дела. Приводят знаменательное выражение Александра: «Антипатр не знает, что одна слеза моей матери может погасить тысячу таких писем». Его доверия к наместнику Македонии они, конечно, не увеличивали: последний не мог, пожалуй, устоять против соблазнов обширной власти, которая была ему вверена; и если после казни своего зятя Филоты Антипатр завязал тайные сношения с эголянами, то следовало удвоить осто-

рожность, хотя постоянно новые жалобы и предостережения, которые посылала Олимпиада, и должны были, насколько это заметно, оказаться неосновательными. Во всяком случае Арриан свидетельствует нам о том, что не было известно никакого выражения или поступка царя, которые бы говорили о перемене его расположения к Антипатру⁷; он предполагает, что царь повелел тому прибыть в Азию не в виде наказания, но чтобы предупредить печальные и не могущие быть исправленными даже им самим результаты этих раздоров для них обоих, для его матери и для наместника. Притом Антипатр вовсе не должен был немедленно сложить с себя свое звание и спешить в Азию⁸, но продолжать управлять вверенными ему землями до прибытия Кратера, которое при медленном движении ветеранов могло затянуться на многие годы. Странный оборот, который именно теперь приняли дела в Греции, делал присутствие в Македонии этого испытанного наместника тем более необходимым.

Если в греческом мире сохранилось еще какое-нибудь здоровое национальное чувство, то можно думать, что победы Александра при Иссе, при Гавгамеле, освобождение эллинов Азии, уничтожение торгового могущества Тира, уничтожение Персидского царства должны были примирить даже непримиримых, освежить все нервы греческого народа; он с радостным соревнованием должен был принять участие в деле, взявшись за которое, согласно заключенным ими договорам, было для греческих государств не только обязанностью, а даже правом. Но подававшие тон государства понимали патриотизм и национальное дело иначе. Мы видели, как в год битвы при Иссе Афины были близки к тому, чтобы двинуть свой флот на помощь Персии, как царь Агис, когда Дарий был убит во время бегства, находился в походе против македонян, как маленькие государства ожидали только его первой победы, чтобы примкнуть к нему.

Понесенное спартамцами летом 330 года поражение установило спокойствие в Греции, но недовольство и предубеждение остались; величия этого времени они не

видели. «Есть ли такие нечаянные и неожиданные события, — говорит Эсхин в одной своей речи осенью 330 года, — которые не случились в наши дни? Ведь мы не жили жизнью обыкновенных людей, но наши годы сделались временем чудес для будущих поколений». А с тех пор случились еще большие чудеса; эти пять лет, столь богатые изумительными подвигами в далекой Азии и столь жалко и вяло протекавшие на родине в Греции; там — завоевание бактрских земель, Индии, открытие южного океана, здесь — пошлая тривиальность деятельности маленьких городов и фразы, громоздкие на фразы, — действительно, нравственная ценность, или, если так будет лучше выразиться, настоящий вес этой политики и политики Греции падали все ниже и ниже.

С тех пор как могущество Македонии достигло таких громадных размеров, когда дальнейшее сопротивление перед нею, единственная мысль, оживлявшая еще до некоторой степени общественную жизнь государств Греции, особенно Спарты и Афин, сделалось невозможным, тогда исчез и последний остаток политической деятельности в массах, и различия между партиями, которые развивались, имея своими лозунгом за Македонию и против нее, начали исчезать и сглаживаться.

В Афинах можно до известной степени наблюдать это разложение партий и все возрастающее непостоянство дема. Ликург, в течение двенадцати лет превосходно управлявший финансами государства, при выборах 326 года должен был видеть их перешедшими в руки Мнезехма, его политического и личного противника. Страстный Гиперид, всегда прежде державший сторону Демосфена, со времени событий 330 года, со времени упущенного тогда восстания против Македонии, отвортился от него и очень скоро выступил против него обвинителем. Конечно, Эскина в Афинах более не было; когда в процессе Ктезифона — это было вскоре после поражения царя Агиса — афинские присяжные решили дело в пользу обвиняемого и, таким образом, в честь Демосфена, Эсхин покинул родину и поселился отныне в Родосе. Но в Афинах еще оставался Фокион, строгий патриот, который отказался от блестящих подарков Александра, который в одинаковой степени и понимал, и оплакивал падение своей родины и старался удержать

слишком легко возбуждавшийся афинский народ от всякой новой попытки борьбы против Македонии, бывшей, как он видел, ему более не по силам. Оставался Демад, чье влияние основывалось столько же на его отношениях к Македонии, как и на его политике мира, соответствовавшей желаниям зажиточных классов и позволявшей прикармливать жаждавшую наслаждений чернь пиршествами и раздачами денег. «Не воин, — говорил он раз в народном собрании, — будет оплакивать мою смерть, так как война ему полезна, а мир его не кормит; оплачут ее поселянин, ремесленник, купец и каждый, кто любит спокойную жизнь: для них я защитил Аттику не валом и рвами, но миром и дружбой с сильными».

И если в то самое время, когда Агис взялся за оружие, Демосфен в Спарте и, как это думали, также и в других местах, подстрекал к восстанию, а в Афинах произносил только «удивительные речи», если он, как это говорили, завязал тайные сношения с Олимпиадой и с самим Александром, то это вовсе не способствовало тому, чтобы увеличить доверие дема к его управлению; и если в годы дороговизны ему, умелому администратору, и поручалось звание надзирателя за подвозом хлеба, то в вопросах политического руководства городом экклесия выслушивала его одинаково с его противниками левой и правой стороны, и обыкновенно окончательного постановления самодержавного народа нельзя было предвидеть заранее.

Время мелких государств миновало; во всех отношениях обнаруживалось, что эти государства, которые были одно меньше другого, сделались невозможными рядом с новообразовавшейся могущественной державой, что вполне переменявшиеся политические и общественные условия требовали также и полного пересоздания организации этих государств. И если намерением Александра было оставить греческим государствам их демократию только к области их общинной администрации и связать их между собою поставленным над ними могуществом и авторитетом его обширной монархии, если это дело осталось неоконченным благодаря его скорой смерти или, если хотите, благодаря внутренней необходимости греческой жизни, то именно в этом лежит причина того печального упадка,

которым следующее столетие греческой истории должно было запятнать славу лучших времен.

Согласно этому плану, Александр решил принять две меры, которые, конечно, должны были задеть греков за живое.

Он потребовал божеских почестей также и от эллинов. Каковы бы ни были заключения, которые мы можем вывести в этой области относительно личных взглядов царя и их перемены, во всяком случае это не было таким неслыханным кощунством, каким оно кажется нашим развившимся на основе монотеизма воззрениям, и, кроме того, не следует упускать из виду существенного политического характера этой меры. Языческий культ греков уже давно привык к антропоморфическому взгляду на своих богов, как об этом свидетельствуют слова одного древнего мыслителя: «Боги суть бессмертные люди, люди — смертные боги». Ни их священная история, ни догматика не покоились на прочном основании Писания, которое было бы им открыто и которому раз и навсегда было бы приписано божественное происхождение. В делах религии для них не было другого масштаба и формы, кроме чувства и мысли людей, существовавших и развивавшихся вместе с жизнью, и рядом с ними стояли, конечно, предписания оракулов и различные толкования знамений, которые точно так же, подобно плывущей по реке пробке, только указывали на движение, которому они следовали. Если, наконец, оракул Зевса-Аммона, как бы ни смеялись над этим, в конце концов все-таки назвал царя сыном Зевса; если Александр, происходивший из рода Иракла и Ахилла, завоевал и пересоздал целый мир; если он действительно совершил более крупные подвиги, чем Иракл и Дионис; если рационализм уже давно отучил умы от более глубокой религиозной потребности и оставил от почестей и празднеств богов только увеселения, только внешнюю церемонию и указание календаря, то мы найдем весьма понятным, что для греков того времени мысль о божеских почестях и обоготворении человека вовсе не была так далека. Напротив, ближайшие десятилетия доказывают нам с полной ясностью, насколько подобный поступок был согласен с духом того времени. Александр Великий был только первым, потребовавшим для себя того, что после

него от эллинов и греков, и особенно от афинян, могли получить за ничтожные услуги самые жалкие монархи и опозоренные люди. Пусть одни думают, что Александр верил в свое божественное происхождение, а другие, что он считал это только полицейской мерой, во всяком случае относительно него до нас дошло следующее изречение: «Хотя Зевс и отец всех людей, но только лучших он делает своими сыновьями». Народы Востока привыкли чтить своего царя как существо высшего порядка, и во всяком случае эта вера, как бы ни изменилась потребность в таком представлении согласно с правами и предрассудками времени, является основой монархии и даже всякой формы господства. Даже дорические аристократии древности даровали потомкам их героических основателей это преимущество над подвластным им народом, а демократические Афины основали на совершенно аналогичном с этим предрассудке по отношению к рабам возможность существования свободы, перед которой монархия Александра имеет хотя бы то преимущество, что не смотрит на варваров как на родившихся для рабства. Он принимал от варваров «поклонение», которое они привыкли приносить своему царю, «богоравному человеку»; если греческий мир должен был найти свое место и свое успокоение в этой монархии, то первым и самым существенным шагом было привести и приучить греков к той же самой вере в его величие, которую питала Азия и в которой он видел самую существенную гарантию своего престола.

В то время, когда в Азии делались последние шаги к слиянию культуры Запада и Востока, в Грецию было послано приглашение даровать царю божеские почести на основании общественных постановлений. Конечно, большинство городов исполнило то, что было от них потребовано. Постановление спартанцев гласило: так как Александр желает быть богом, то да будет он богом. В Афинах это предложение внес в народное собрание Демад; Пифей выступил, возражая ему: противно законам Солона, сказал он, чтить других богов, кроме отечественных. Когда ему заметили, что как он, еще такой молодой, может дерзать говорить о таких важных предметах, то он отвечал, что Александр еще моложе. Ликург тоже восстал против этого предложения: какой это может быть бог, сказал он,

покидая святилище которого, необходимо очищать себя. Прежде чем в Афинах пришли к какому-нибудь решению, к этому присоединился еще второй вопрос, непосредственно затрагивавший общественную жизнь города.

То было распоряжение царя относительно изгнанников греческих государств. Изгнания были по большей части следствием политических перемен; благодаря победам, одержанным македонянами за последние пятнадцать лет, они, конечно, главным образом, коснулись противников Македонии. Многие из этих политических беглецов находили себе раньше возможность продолжать борьбу против Македонии на службе в войсках персидского царя. После падения Персии они, беспомощные и безродные, бродили по вселенной; некоторые должны были уже поступить на службу в македонское войско, другие, пока Александр находился в Индии, были на вербованы сатрапами лично для себя, а остальные возвратились после своих скитаний в Грецию, чтобы ожидать по соседству своих родных городов перемены положения вещей, или отправились на центральный пункт вербовки солдат на Тенаре, чтобы тем наняться к кому-нибудь. Значительное число людей без дела должно было там сильно возрасти, когда Александр предложил всем сатрапам отпустить всех наемников; и опасность, которой они грозили спокойствию Греции, должна была усиливаться пропорционально их численности, несчастному положению и отсутствию всяких видов на будущее. Единственным средством отвлечь эту опасность было доставить изгнанникам возможность воротиться на родину. Это средство превратило бы в благодарность ненависть тех, которые были изгнаны благодаря влиянию Македонии, и усилило бы македонскую партию в отдельных государствах. Отныне за внутреннее спокойствие Греции были ответственны уже сами государства, и если теперь внутренний раскол проявился бы снова, то македонская держава имела бы в своих руках средство вступить в него. Действительно, эта мера была противна постановлениям Коринфского союза и была очевидным покушением на гарантированное ими самодержавие принадлежавших ему государств; можно было предвидеть, что исполнение этого царского веления подаст повод к бесконечным неурядицам даже в семейных и имущественных отношениях. Но

прежде всего это благодеяние приносило пользу противникам Македонии; наступило то время, когда перед единством общего всем государства начали исчезать политические партии в греческих городах и антагонизм национальной вражды между греками и азиатами. Применение таким образом и в таких обширных размерах истинно царского помилования было первым актом высшего авторитета того государства, к которому Александр надеялся приучить греков.

Объявить об этой мере он послал в Грецию стратига Никанора; царский рескрипт должен был быть объявлен во время празднования Олимпийских игр 324 года. Известие об этом распространилось заранее; изгнанники со всех сторон стекались в Олимпию, чтобы услышать слово искупления. В различных государствах, напротив, возбуждение проявлялось в разных формах и, между тем как многие радовались, что снова будут жить вместе со своими родными и друзьями и что благодаря обширной и всеобщей амнистии увидят возвращение спокойствия и благосостояния лучших времен, другие в этом повелении с негодованием должны были видеть вторжение в права их государства и начало крупных внутренних беспорядков. В Афинах Демосфен предложил принять на себя архифеорию в Олимпии, чтобы там, на месте, вступить в переговоры с уполномоченным Александра и изложить ему последствия этой меры и святость коринфских договоров; его усилия не могли уже более изменить ничего. Во время празднования сто четырнадцатой олимпиады в конце июля 324 года в присутствии эллинов из всех местностей, в числе которых находилось и около 20 000 изгнанников, Никанор приказал глашатаю, получившему венок в состязании глашатаев, прочесть царский декрет: «Царь Александр шлет свой привет изгнанникам греческих городов. Виною вашего изгнания были не мы; но мы хотим доставить возможность возвратиться на родину всем, за исключением тех, на которых тяготеет убийство. Поэтому мы повелели Антипатру принудить к этому силой те города, которые откажутся принять вас». Слова глашатая были приняты с бесконечным ликованием, и во все стороны потянулись со своими единосемцами изгнанники по направлению к своей родине, которой они так долго были лишены.

Только афиняне и этоляне отказались последовать приказу царя. Этоляне изгнали раньше эниадов и тем более боялись их мщения, что Александр сам объявил себя за них и за их права. Афиняне же видели себя угрожаемыми в обладании самым важным своим островом, который остался у них от поры их прежнего господства. Во времена Тимофея они изгнали жителей Самоса и разделили их землю между афинскими клерухами; теперь последние, согласно приказу царя, должны были уступить место прежним жителям и оставить те земли, которые они более тридцати лет или возделывали сами, или отдавали в аренду. Всего более задеть и раздражить их должно было то обстоятельство, что царь дал этому приказу такую форму, как будто бы он просто желал доказать полную законность прав беглецов, как будто бы он вовсе не нуждался в согласии государств, которых это касалось, хотя договоры 334 года ясно определяли, что ни одно из союзных государств не должно содействовать попыткам насильственного возвращения на родину изгнанников других союзных государств. Можно было сказать, что этим приказом Александра был явно поднят вопрос об автономии и самодержавии афинского государства, и дем, следуя ему, признал бы себя подданным македонского царя. Неужели дем был уже настолько недостоин своих предков, Афины уже столь бессильны, что должны были склониться перед деспотическим приказом? Как раз теперь произошло неожиданное событие, которое, если бы им воспользоваться надлежащим образом, обещало значительно поднять могущество афинян и дать вес их отказу.

Бежавший главный казначей Александра Гарпал, как мы уже упомянули, отплыл в Аттику от берегов Малой Азии с тридцатью кораблями, шестью тысячами наемников и громадными сокровищами, которые ему были вверены, и приблизительно в феврале месяце этого года благополучно достиг рейда Мунихии. Он рассчитывал на благоприятное впечатление, которое должна была произвести на народ раздача им хлеба в голодный год, и на право гражданства, которое ему тогда было дано постановлением дема; зять Фокиона Харикл получил от него тридцать талантов на постройку гробницы Пифионике; другие влиятельные люди тоже были ему обязаны из-за подарков. Но по совету

Демосфена дем отказался принять его; стратигу Филоклу, в руках которого находился надзор за гаванью, было приказано отразить его силой в случае, если бы он вздумал сделать попытку высадиться насильно. Тогда Гарпал со своими наемниками и сокровищами поплыл к Тенару; если после заявления Никанора многие из находившихся на Тенаре бродят и двинулись на родину, то у этолян и в Афинах тот же самый декрет имел такие результаты, каких Гарпал мог только желать. Он вторично отправился в Атику, без своих наемников и только с частью украденных им денег, Филокл не преградил ему входа; Гарпал был ведь гражданином Афин и прибыл теперь без войска, как молящий о защите. В таком униженном виде он предстал перед демом Афин, предоставил в его распоряжение свои сокровища и своих наемников, позаботившись, конечно, намекнуть при этом, что теперь с решимостью и смелостью можно совершить великие дела.

Уже из Малой Азии от царского казначея Филоксена прибыло в Афины требование выдать казнокрада. Поднялся оживленный спор по этому вопросу; страстный Гиперид был того мнения, что не следует упускать из рук прекрасного случая освободить Грецию; друзья Македонии, вероятно, с таким же усердием требовали его выдачи; но даже Фокион воспротивился этому предложению; Демосфен согласился с ним и предложил народу взять под стражу молящего о защите с его деньгами до тех пор, пока Александр не пришлет кого-нибудь за ним. Народ издал постановление согласно с его предложением и поручил ему самому отобрать у Гарпала деньги, что должно было произойти на следующий день. Демосфен тотчас же спросил у Гарпала, какую сумму он имеет с собой. Тот назвал 700 талантов. На следующий день, когда эта сумма должна была быть принесена на Акрополь, оказалось только 350 талантов; Гарпал, по-видимому, воспользовался ночью, на которую странным образом у него были оставлены его деньги, для того, чтобы приобрести себе друзей. И Демосфен не счел нужным назвать народу недостающую сумму; он ограничился тем, что предложил поручить ареопагу произвести следствие, причем была обещана безнаказанность тем, кто добровольно отдаст взятые ими деньги.

Александр, по-видимому, ожидал, что Гарпал со своими сокровищами и наемниками охотно будет принят афинянами. по крайней мере он послал в приморские провинции приказ держать наготове флот, чтобы в случае нужды иметь возможность немедленно напасть на Аттику. В лагере Александра в это время шло много разговоров о войне против Афин, которой македоняне весьма радовались вследствие своей старинной вражды к ним. Действительно, афиняне, если они серьезно думали противиться возвращению изгнанников, отказать царю в божеских почестях и предъявить свои права на полную независимость, имели в предложениях и средствах этого молящего о защите все, что на первое время было им необходимо для энергичной обороны; они могли надеяться, что этоляне, спартанцы, ахейцы и аркадяне, общие собрания городов которых были запрещены царем, примкнут к ним. Но так как они не могли не видеть, что Гарпал во второй раз нарушил свой долг на службе царю и вызвал грозившее ему наказание самым низким преступлением обширных размеров, то для них вовсе не было бы позорно, согласись они на требуемую выдачу и предоставь дальнейшую ответственность тому, кто потребовал ее как чиновник царя. Они предпочли решиться на полумеры, которые, будучи далеки от того, чтобы дать им верный и почетный выход, навлекали на город ответственность, которая весьма скоро должна была поставить их в крайне двусмысленное положение.

Само собою разумеется, что Филоксен еще настоятельнее повторил свое требование о выдаче; должно быть, верно и то, что то же самое требование было предъявлено также и Антипатром и Олимпиадой. В это время однажды утром Гарпал исчез, несмотря на приставленную к нему стражу. Это было бы невозможно, если бы назначенная для надзора за ним комиссия с Демосфеном во главе исполнила бы свой долг; и понятно, что сейчас же заговорили и подумали, что Демосфен допустил подкуп себя и других.

Все, что он смог сделать, это потребовать немедленного следствия, которое по его предложению точно так же было поручено ареопагу. Стратиг Филокл потребовал и добился такого же постановления народа.

Производимое ареопагом следствие подвигалось вперед весьма медленно. Еще оставался нерешенным другой вопрос, декретировать ли царю божеские почести; насчет этого необходимо было прийти к решению, чтобы иметь возможность отправить послов, которые должны были быть в Вавилоне раньше, чем царь вернется туда. Снова перед демом повелись дебаты о том, должно ли даровать божеские почести и позволить изгнанникам возвратиться на родину; в собрании говорил несколько раз и Демосфен. «Пока ты думал, что наступил момент, — говорит позднее Гиперид в процессе против Демосфена, — когда ареопаг откроет имена подкупленных, ты сразу сделался воинственным и привел весь город в волнение, чтобы избавиться от этих разоблачений. Когда же ареопаг отложил это объявление, потому что еще не пришел с своим следствием к концу, тогда ты начал советовать даровать Александру почести Зевса, Посейдона и какого только он захочет бога». Демосфен, стало быть, советовал уступить в вопросе о божеских почестях, а относительно изгнанников — держаться до последней возможности. В этом смысле получили инструкции послы, отправленные приблизительно в начале ноября.

Бежав из Афин, Гарпал ушел на Тенар, а отсюда со своими наемниками и сокровищами — на восстание в Греции, по-видимому, не было уже никакой надежды — переправился на Крит и здесь был убит своим другом, спартанцем Фидроном, который затем с сокровищами и наемниками удалился в Кирену. Приближенный раб убитого, который вел его счета, бежал на Родос и был выдан Филоксену. Он признался во всем, что знал относительно денег Гарпала.

Таким образом, Филоксен мог послать в Афины список выданных Гарпалом сумм и имена тех, которые их получили. Имени Демосфена между ними не было. Через шесть месяцев ареопаг закончил свое дополнительное следствие и домашние обыски и передал, наконец, дело суду. Начался тот замечательный ряд процессов по делу Гарпала, где в качестве обвинителей или обвиняемых участвовали самые знаменитые люди Афин; в числе обвинителей были Пифея, Гиперид, Мнесехм, Гимерей и Стратокл, в числе обвиняемых — Демад, который будто бы получил 6000 ста-

тиров, стратиг Филокл, зять Фокиона Харикл, а также и Демосфен. Он не отрицал, что взял из денег Гарпала 20 талантов, но взял их только для того, чтобы вознаградить себя за такую же сумму, которую он раньше одолжил кассе феорик и о которой он бы не хотел говорить; он обвинял ареопаг в желании устранить его в угоду Александру; он привел своих детей, чтобы возбудить жалость в присяжных. Все было напрасно: он был присужден к уплате суммы, в пять раз превышавшей ту, которую он получил, и так как такой суммы он собрать не мог, то был брошен в темницу, из которой сам нашел или ему был доставлен другими случай бежать на шестой день.

Этот исход процессов по делу Гарпала был роковым для Афин; присяжные гелии, непосредственное выражение общественного мнения, конечно, обратили полное внимание на слова обвинителей, что они, присяжные, будут судить обвиняемых, а другой рассудит потом и их и что их долг перед собой самими — наказать людей даже и столь значительных; исходя из таких неверных посылок, какие были поставлены шатко руководимой афинской политикой в деле Гарпала, они, по политическим соображениям, решили дело с чрезмерной строгостью относительно одних и с еще более незаслуженной мягкостью относительно других. Оправдан был Аристогитон, который, по приказанию ареопага, получил двадцать талантов, самый наглый и достойный наибольшего презрения из вожakov народа. Быть может, были оправданы еще и другие. Напротив, великий противник македонской монархии должен был покинуть родину, и с ним пала опора старodemократической партии и ее традиций. В Филокле государство теряло полководца, который все-таки довольно часто избирался народом на эту важную должность. Демад остался, несмотря на свое осуждение, и его преобладающее влияние утвердилось тем больше, чем ничтожнее, боязливее и бессовестнее были те люди, которые после этих процессов принимали участие в управлении народом. Политика Афин сделалась еще более непостоянной, чем прежде, а скоро стала она и рабской. Изгнанникам было отказано в дозволении возвратиться на родину, но в городе господствовал постоянный страх, что они, опираясь на амнистию царя, перейдут из Мегары через границу Атти-

ки. И однако для защиты города ничего не предпринималось, было только решено отправить к царю посольство феоров, которое должно было просить у него дозволения не принимать изгнанников, — мера, которая в интересах афинской свободы была по меньшей мере совершенно неуместна, так как, с одной стороны, государство уже высказало свое намерение остаться при постановлениях Коринфского союза, а с другой — почти наверное можно было предвидеть отрицательный ответ царя⁹.

Важнее внешних результатов этих событий было моральное поражение, нанесенное тем принципам, представителями и образцом которых считались и сами себя считали Афины. Однажды известный Клеон, бывший в глазах дема своего времени самым крайним демократом, сказал этому же дему: «Демократия неспособна господствовать над другими». Если теперь Афины должны были подчиниться монархическому авторитету, на который предъявляло права эллинистическое царство Александра, то этим разрушалась последняя опора системы мелких государств и гордого партикуляризма, который все еще не хотел понять, что «вершковый корабль — не корабль вовсе». Начавшаяся организация действительно могущественной державы спокойно и мощно ложилась также и на греческий мир, требуя, правда, от него великой жертвы, но такой, которой Александр требовал даже от себя самого и от своих македонян, которою он оправдывал и искупал то, что совершал.

Один знаменитый исследователь назвал Александра гениальнейшим государственным мужем своего времени. Он был как государственный муж тем, чем Аристотель был как мыслитель. В тишине своих одиноких размышлений мыслитель мог придать своей философской системе всю ту стройность и совершенство, которые возможны только в мире идей. Если государственное создание Александра сначала кажется только наброском, не лишенным различных ошибок в частности, если прием его действий кажется внушенным личной страстью, произволом и случаем, то мы не должны забывать, что эти первые мысли, высказывавшие, как искра, при трении исполинских событий, тотчас же и еще на лету обращаются для него в нормы, организации и условия дальнейшей деятельности; а точно

так же должны помнить и то, что каждая из этих мыслей открывала и освещала, как молния, все более обширные горизонты, создавала еще более сильное трение и ставила на очередь все более и более насущные задачи.

Скудость дошедших до нас преданий не позволяет нам проникнуть в очаг этой деятельности, в напряженную умственную и нравственную работу того, кто ставил себе и решал такие громадные задачи. То, что мы знаем, позволяет нам только отрывочно определить внешнюю сторону совершенного им, доведенного им до исполнения и до результата. Только своим протяжением в пространстве эти события дают нам мерило силы, создавшей подобные результаты, воли, которая ими руководила, и мысли, из которой они исходили, дают нам представление о величии Александра.

Если, приступая к великой борьбе, подготовленной его отцом, ближайшим импульсом его поступков было дать прочность и продолжительность завоеванному им для себя государству, — то со счастливым радикализмом молодости он принимал или изобретал такие средства к достижению этой цели, которые превосходили смелостью его походы и свосю непреоборимой силой его битвы.

Самым смелым его актом было то, что до нашего времени моралисты ставят ему в самый тяжелый упрек: он сломал тот инструмент, с которым начал свою работу, или, если хотите, бросил знамя, под которым выступил, — знамя удовлетворения гордой ненависти греков к варварам — пропасть, которую должны были закрыть его победы.

В одном замечательном месте Аристотель указывает как на задачу своей «Политики» найти такую форму государства, которая была бы не самой совершенной сама по себе, но самой практичной: «Какое же может быть лучшее законодательство и какая лучшая жизнь для большинства государств и для большинства людей, если не та, когда добродетели не требуют более, чем соображаясь с меркой среднего человека, не более образованности, чем какая возможна без особого покровительства природы и обстоятельств, не такого устройства, какое может быть только в царстве идеалов, а требуют такой жизни и устройства, жить и двигаться в которых возможно для большинства людей?» Он говорит, что главная задача заключается в том, чтобы

найти такой государственный порядок, который, развиваясь из данных условий, легко завоюет себе доступ и симпатии; «исправить государственный порядок — нисколько не более легкая задача, чем создать совершенно новый; переучиваться так же трудно, как и учиться». Так далеко заходит философ в своем реализме; но говоря о большинстве людей и о большинстве государств, он думает только о греческом мире, так как варвары для него — те же животные и растения.

И Александр мыслит вполне реалистически; но он не останавливается перед «данными условиями», или вернее, создает своими победами новые; земли, с которыми он должен сообразовать свою политическую систему, охватывают народы Азии до Инда и Яксарта. Он увидел, что эти варвары вовсе не подобны животным и растениям, но что они тоже люди со своими потребностями, дарованиями, добродетелями, что и их жизнь полна здоровых элементов, отчасти таких, которые уже утрачены теми, кто презирал в них варваров. Если македоняне были превосходными солдатами, то такими их сделал Филипп, а Александр думал приучить к подобной выдержке и дисциплине так же и азиатов, как он уже сделал равными им фракийцев, пеонов, агрианов и одризов; поход в Индию показал, в какой мере ему это удалось. Но македонские пахари, пастухи и угольщики были так же мало затронуты эллинскою образованностью, как и их варварские соседи по ту стороны Родопа и Гема; и такой же взгляд в греческих землях существовал на долопов, этолян, энианов, малиев и пахарей Амфиссы. Но сама эта эллинская образованность, при всех своих громадных богатствах в области науки и искусства, при всем своем необыкновенном умении развивать интеллектуальную ловкость и виртуозность личной талантливости, — сделала людей умнее, но не лучше. Нравственные силы, на которых зиждется жизнь семейства, гражданского и государственного организма, она ослабляла и разлагала по мере своего собственного роста, подобно тому, как от винограда, когда из него выжато вино, остается только шелуха. Если бы Александр пожелал завоевать Азию только для эллинов и македонян, если бы он пожелал дать им азиатов в рабы, они тем скорее сделались бы азиатами, в худшем только смысле этого слова. Разве

господство и порабощение приносило уже многие века греческому миру все большее и большее распространение, новые полные жизни ростки в постоянно основываемых или новых колониях? Разве греческая жизнь достигла пределов ливийцев на Сирте, скифов на Меотийском озере, живших между Альпами и Пиренеями кельтских племен не точно таким же образом, как теперь Александр думал ее распространить на обширный материк Азии? Разве появление греческих наемников, столь долго и постоянно возрастающими толпами тративших свои силы по всему миру и очень часто даже против самой своей греческой родины, не служило доказательством, что на греческой родине не было уже места для порождаемых ею сил? Разве могущество варваров, которых греки считали рожденными для рабства, не поддерживалось уже целое столетие теми боевыми силами, которые продавала им Греция?

Конечно, Аристотель был вполне прав, требуя, чтобы постройка продолжалась на данных условиях; но он недостаточно глубоко опускал зонд своей мысли, принимая эти данные такими, какими они были в своих слабых и даже наиболее слабых сторонах, в их сделавшихся отжившими формах. Что греческий и азиатский мир пал под могучими ударами македонского завоевания, что им была совершена историческая критика вполне сгнившего, бессмысленного и ложного порядка вещей — было только одной стороной великой революции, принесенной миру Александром. Воспоминания и культура Египта насчитывала за собой тысячелетия. Какую массу политехнического искусства, астрономических наблюдений, древних литератур представлял сиро-вавилонский мир; а разве в чистом учении парсов Ирана и Бактрианы, в религии и философии страны чудес, Индии, не открывался целый мир неожиданного развития, перед которым должна была прийти в изумление даже столь самодовольная гордость греческой образованности? Действительно, эти азиаты не были варварами, как иллирийцы, трибаллы, геты, не были дикарями и полудикарями, как греческий нативизм любил представлять себе все, что только не говорило по-гречески; у них завоевателям приходилось не только давать, но и принимать; они должны были учиться и переучиваться.

И тут-то — так мы можем заключить — начиналась вторая часть поставленной себе Александром задачи: работа мира, которая, будучи труднее достигаемых силою оружия побед, должна была дать им оправдание и будущность, упреждая их результаты.

Положение, в каком он нашел государство по своем возвращении из Индии, должно было показать ему, какие недостатки были в его слишком поспешном творении, в том виде, в каком оно теперь было. Строгость его наказаний должна была отвлечь непосредственно грозившую опасность, предупредить новые преступления, показать угнетаемым и угнетателям, что за ними есть пронизательный надзор и сильная рука. Но труднее всего было снова приучить всех к спокойной жизни, к умеренности и к повседневности после всего этого подъема страстей, притязаний и жажды наслаждений у победителей, страха и озлобления у побежденных.

Но действовать таким образом было, вероятно, не в характере Александра, а быть может, и несообразно с порядком вещей, с которым ему приходилось считаться. Кульминационный пункт своей жизни он уже переступил: его солнце уже клонилось к закату, и вечерние тени росли.

Да будет нам дозволено в этом месте указать на главные моменты, из которых состояла растущая волна наступавших теперь трудностей. По мере того, как из дел и из принципов, которые они носили в себе, слагался известный порядок вещей, выступали на вид последствия, противоречия и невозможности, — изнанка совершившегося факта; и начавшееся движение тем сильнее пошло вперед.

На политические результаты меры, возведенной Никанором при праздновании Олимпийских игр, мы уже указали. Но возвращавшиеся теперь на родину изгнанники имели там прежде свои дома, свои поля, которые с тех пор были конфискованы, проданы и перепроданы. В каждом греческом городе возвращение изгнанников сопровождалось различными неудовольствиями и процессами. В Митилене должны были прибегнуть к договору между изгнанниками и оставшимися, по которому общая комиссия должна была регулировать земельные отношения. В Эрезе «по приказанию царя» потомки и приверженцы изгнанников были восстановлены в своих правах судом против

тиранов, изгнавших их. В Калимне решение дела было передано пяти гражданам из Язоса. Это случайно сохранившиеся заметки; но, по самой природе вещей, почти каждый греческий город должен был испытать на себе такие же тревожения.

Одно случайное известие такого рода показывает нам, что Александр дал земельные участки солдатам, поселенным им раньше у подошвы Сипила в Старой Магнезии; когда, при каких обстоятельствах и на каких правах это было сделано, более определить нельзя, как нельзя определить и того, были ли поселенные наемниками, македонянами или чем-либо иным. Несомненно, это был не единственный случай; из монет мы видим, что в Докиме и Блаунде были поселены македоняне, а в Аполлонии — фракийцы. Принадлежали ли данные таким поселенцам земельные участки к имуществу городов или к царским имениям? Тот же самый вопрос повторяется «при более чем семидесяти городах», основанных Александром: на каких основаниях, на каких правах жили эти поселенцы рядом с прежними жителями и туземцами, которые были принуждены селиться в одном городе с ними? Что было или что делалось царским достоянием? В каком смысле располагал Александр городами Хиос, Гергиф, Элея и Миласа, когда он предложил Фокиону выбрать себе любой из них?

Мы не знаем, насколько Александр изменил или оставил прежнюю систему управления, персидский податный кадастр и принятый порядок взимания налогов. Арриан говорит, что царь при своем возвращении в Персию наказывал так строго для того, чтобы запугать тех, кого он оставил «в качестве сатрапов, гипархов и номархов»; были ли это ступени административной иерархии? Повторялись ли они во всех сатрапиях, или, как мы, по-видимому, имеем тому пример в Египте, в различных областях его обширного царства были различные системы администрации, одна — в землях Сирии, другая — в Иране, третья — в Бактриане? Но было ли заведование казною и взимание податей подчинено особым чиновникам только в сатрапиях Малой Азии и в землях, говоривших на сирийском языке? Каким образом были урегулированы отношения между ними и военными предводителями в сатрапиях, как были разграничены полномочия различных областей,

каково было получаемое теми и другими жалование, этого мы точно так же определить не можем. Но случайно мы узнаем, что Клеомен из Навкрата, управлявший египетской Аравией, мог увеличить вывозную пошлину на хлеб и скупить весь хлеб в своей провинции, чтобы извлечь себе барыш из голода, который был особенно тяжел в Афинах, что он обложил налогом священных крокодилов и т.д. О родосце Антимене, получившем в Вавилоне должность, которой мы не можем ясно определить, рассказывается, что он возобновил вышедшую из обычая десятипроцентную пошлину на все предметы ввоза в Вавилон, что он ввел страхование рабов, причём взнос десяти драхм с головы гарантировал хозяину уплату стоимости каждого бежавшего раба. Более той или другой отдельной подробности такого рода мы не знаем; точно так же мы не знаем, в какое отношение была поставлена администрация города к племенам, династам, жреческим государствам (Эфес, Комана и т.д.) и к зависимым государствам.

Одним из сильнейших ферментов слагавшейся заново жизни должно было быть громадное количество благородного металла, данное в руки Александра завоеванием Азии. Перед пелопоннесскою войной Афины, имевшие в Акрополе, кроме серебряных и золотых сосудов, 4000 талантов серебряной монетой, были первой капиталистической державой греческого мира и в этом видели главную гарантию своего политического превосходства над государствами пелопоннесского союза, жившими еще вполне натуральным хозяйством. Теперь была речь о совершенно иных суммах. Кроме той добычи, которая досталась Александру в персидском лагере при Иссе, в Дамаске, в Арбеле и т.д., он, как говорят, нашел в Сузе 50 000 талантов, в Персеполе столько же, в Пасаргадах — 6000, дальнейшие суммы — в Экбатане; там, как говорят, он сложил 180 000 талантов. Сколько попало в руки Александра золотых и серебряных сосудов¹⁰, пурпура, драгоценных камней и т.д., что он к ним присоединил в сатрапиях и в Индии, — об этом источники нам не говорят.

Мы вовсе не думаем, основываясь на этих цифрах, определить то количество золота и серебра, которое было снова введено в обращение завоеваниями Александра в течение этих десяти лет. Но когда новая монархия, гос-

подствовавшая теперь над Азией, сняла оковы с этих лежавших доныне мертвыми богатств, когда они полились из нес, как кровь из сердца, то мы видим, как должна была подняться и усилиться вся экономическая жизнь народов, силы которых, подобно вампиру, высосало господство Персии, благодаря тому, что вызванное трудом и торговлей усиление обмена распространило их по онемевшим и долгое время сдавленным членам государства. Конечно, с этим было непосредственно связано соответствующее увеличение цен¹¹, перемещение прежних центров тяжести международной торговли, падение торгового баланса в тех местах, где эта торговля упала¹², — обстоятельство, которым, может быть, можно объяснить многие явления ближайшего будущего в коренных греческих землях.

По словам Геродота, ежегодный размер взимавшихся в Персидском царстве поземельных сборов равнялся 14 560 эвбейских талантов. По сообщению одного автора, идущему, правда, из не особенно хорошего источника, в последний год царствования Александра доход от податей достиг 30 000 талантов, и в сокровищнице было тогда только 50 000 талантов. Во времена персидского владычества всего тягостнее было бесконечное множество натуральных повинностей, каковых для одного только царского двора насчитывалось 13 000 талантов ежегодно; примеру персидского царя следовал в своих владениях каждый сатрап, каждый гипарх и династ. Из некоторых намеков мы можем заключить, что Александр уничтожил систему натуральных повинностей; в той же степени, как ранее бытность где-либо персидского царя истощала город или провинцию, так отныне они должны были выигрывать от пребывания в них царского двора. Роскошь, какую особенно в последнее время окружил себя царь, уже более не подавляла торговли и благосостояния, но вызывала их развитие, и когда нам рассказывают, что он, чтобы одеть весь свой придворный штат в пурпур, послал в Ионию приказ скупить все находившиеся там запасы пурпурных тканей, то по одному этому случаю мы можем заключить и о других аналогичных тому случаях. Само собою разумеется, что сатрапы, стратеги и другие должностные лица провинций тоже получали свое содержание уже болес не путем натуральных повинностей; точно так же ясно само собою, что оп-

ределенные для них размеры доходов были достаточно велики для того, чтобы дать им возможность жить с подобающим блеском; что бы ни говорили об их зачастую безумной расточительности, они все-таки давали заработок другим. С помощью богатых даров, как, например, подарок по таланту на человека, сделанный возвращавшимся на родину из Описа ветеранам, царь заботился о том, чтобы войска, а особенно заслуженные, могли жить с удобствами; и если его солдаты нередко тратили более, чем имели, то царь с неиссякаемою щедростью уплачивал их долги. Известно, что рука его была всегда открыта для поэтов, художников, виртуозов, философов и деятелей на всех поприщах науки. И когда нам рассказывают, что Аристотель для производства своих естественно-исторических исследований получил в свое распоряжение сумму в 800 талантов, то мы были бы склонны усомниться в истинности этой цифры, если бы се не делал понятной широкий объем его трудов.

Мы не можем не упомянуть здесь о крупных строительных работах, о которых говорят иные источники: о восстановлении системы каналов в Вавилонии, об очищении отводивших воду Копандского озера каналов, о реставрации пришедших в разрушение храмов Эллады, на расходы по которой он будто бы назначил 10 000 талантов, о постройке плотины у Клазомен, о прорытии через перешеек ведущего оттуда в Теос канала и о многих других сооружениях.

Этого достаточно, чтобы показать, какое значение для экономической жизни имели победы Александра. Пожалуй, никогда более в этом отношении личное влияние одного человека не производило такого внезапного, такого глубокого и охватывавшего такой обширный район переворота. Этот переворот не был результатом случайного стечения обстоятельств; но, насколько мы можем судить, был продуктом единой воли и произведен с сознательной последовательностью. Народы Азии пробудились от своей спячки, Запад познал наслаждения Востока, а Восток — искусства Запада, и они стали для них потребностью. В жителях Запада, оставшихся в Индии или Бактрии, и в азиатах, собравшихся при дворе из всех сатрапий, пребывание на чужбине только усиливало стремление к своему родному, и смесь самых противоположных обычаев и

потребностей, доведенная до высшей роскоши при дворе царя, должна была сделаться более или менее господствующей модой в сатрапиях, в домах вельмож, и, наконец, во всех классах общества. Отсюда непосредственно вытекала необходимость крупных и деятельных торговых сношений, и главная задача заключалась в том, чтобы открыть им самые безопасные и удобные пути и в целом ряде значительных центральных пунктов создать для них связующее звено и прочную основу. С самого начала при основании городов и при своей колонизаторской деятельности Александр наряду с военными целями имел в виду это соображение, и большинство основанных им городов до нынешнего дня представляет собою самые значительные торговые пункты Азии; только теперь караваны рискуют подвергнуться нападениям разбойников и утеснениям признающих один свой произвол носителей власти, тогда как в государстве Александра дороги были безопасны, разбойничьи племена гор или пустынь сдерживались страхом или были принуждены перейти к оседлому образу жизни, а царские чиновники были обязаны и изъявляли полную готовность содействовать развитию торговли и ее безопасности. Торговля Средиземного моря тоже необыкновенно разрослась, и уже теперь египетская Александрия начала становиться центром торговли этого моря, которая по планам царя скоро должна была охраняться от грабежей этрусских и иллирийских пиратов. Но особенную важность представляла неутомимая заботливость, с какою Александр старался открыть новые морские пути сообщения; ему уже удалось открыть путь морем от Инда к Евфрату и Тигру; основание в устьях этих рек эллинистических гаваней создало здесь необходимые для торговли точки опоры. Что сделал Александр для этой торговли и для создания непосредственных торговых сношений между внутренностью Сирийской низменности и устьями ее рек, между устьями Инда и верхним бассейном этой реки, как он предполагал открыть дальнейший путь морем из Персидского залива кругом полуострова Аравия в Черное море к окрестностям Александрии, как он намеревался проложить вдоль южного берега Средиземного моря военные и торговые дороги из египетской Александрии на запад, как, наконец, намеревался найти сообщение между Каспийским и Северным

рями и лежащим далее Индийским океаном, он приказал строить корабли в лесах Гиркании, — обо всем этом речь будет впереди.

Здесь следует указать еще и на другой пункт: на начавшееся слияние национальностей, в котором Александр видел в то же время и цель, и средство своего колонизаторского дела. В течение десяти лет был открыт и завоеван мир, пали отделявшие Запад от Востока преграды и были отысканы пути, которые отныне должны были соединить страны восхода и заката солнца. «Как в кубке любви, — говорит один древний писатель, — все элементы народной жизни перемешались между собою, и народы пили вместе из этого кубка и забывали о старой вражде и о собственном бессилии».

Здесь не место рассматривать результаты, к которым привело это слияние национальностей; они составляют предмет истории следующих веков. Но уже в этих их первых зародышах можно определить направление, в котором впоследствии продолжали развиваться далее искусство, наука, религия и все отрасли человеческого знания и воли, принимая часто такие уродливые и безобразные формы, в которых только взор историка, приводящего между собою в связь события многих веков, может найти скрытое и могучее течение прогресса. Греческое искусство ничего не выиграло от того, что научилось усиливать спокойное величие своих гармонических пропорций азиатскою пышностью колоссальных масс и соединять идеализм своих созданий с роскошью дорогих материалов и реалистическим наслаждением для глаз. Мрачное величие египетских храмов, фантастическая архитектура дворцов и зал Персеполя, исполинские развалины Вавилона, памятники индийской архитектуры с их идолами в виде змей и лежащими под колоннами слонами, — все это, смешавшись с традициями отечественного искусства, становилось для греческого художника богатой сокровищницей новых мыслей и планов. Уже их концепции доходили до исполинских размеров; стоит только припомнить грандиозный план Динократа извлекать из горы Афон статую Александра, одна рука которой должна была нести на себе город с десятью тысячами жителей, а другая изливать могучими каскадами в море целый горный поток. Скоро это возбуж-

денное и окрепшее искусство достигло в намонетных портретах и в статуях мыслителей и поэтов высшей индивидуальной правды и жизненности, а в грандиозных созданиях пластики, как это было в Пергаме — самого смелого выражения полной движения страсти и широкого полета мысли. Но затем последовал быстрый упадок, по мере того, как роскошь становилась все бессодержательнее, а искусство вырождалось в промышленность, в усовершенствованное ремесло.

Поэзия тоже сделала попытку принять участие в этой новой жизни. В так называемой новой комедии и в элегии она достигла такой тонкости психологического наблюдения и такого искусства в изображении характеров и положений повседневности, как действительной, так и относящейся к области идиллического вымысла, которые яснее всего другого показывают нам, что уж далеко остался позади великий поток серьезных общественных интересов и высоких мыслей и страстей, придававших цену жизни. Отдавшись, таким образом, индивидуализму и реализму, греческая поэзия не сумела найти себе новых путей, если не считать за них страстную галлиамбическую поэзию самоистязаний; ни в совершавшейся теперь героической борьбе, ни в созданных ею изумительных организациях. Она уже не могла принять в себя полных роскошных красок персидских сказок, или дышавших неземною торжественностью псалмов и пророчеств монотеизма; когда она хотела подняться над излюбленной ею будничной жизнью, она возвращалась к подражанию своей классической поре и предоставила востоку завещать из поколения в поколение в тысячах сказаний и песен воспоминание об их общем герое Искандере. Среди ораторских искусств эллинов только самое юное, процветавшее, полное свежести и жизни, между людьми этого поколения, могло сделать попытку вылиться в новые формы; и так называемое азиатское красноречие, цветистое и вычурное, являлось характеристическим продуктом этого времени.

Тем плодотворнее была начавшая совершаться в науке перемена. Аристотелем был вызван к жизни мощный эмпиризм, в котором нуждалась наука, чтобы овладеть громадным запасом нового материала, завоеванного для отраслей человеческого познания походами Александра.

Царь, бывший сам учеником Аристотеля и знакомый со всем, что создали до сих пор труды греческих врачей, философов и риториков, всегда сохранял к ним самый живой интерес. В походах его сопровождали деятели всех областей науки; они наблюдали, исследовали, собирали, они измеряли новые земли и пересекавшие их большие дороги. В исторической науке тоже началась новая эпоха: теперь можно было производить исследования на месте, можно было сравнивать сказания этих народов с их памятниками, их судьбы с их нравами, и, несмотря на бесчисленное множество ошибок и сказок, распространенных так называемыми писателями Александра, только в это время был приобретен материал, а затем и метод для великих исторических и географических изысканий. Во многих отношениях греческая наука могла прямо учиться у Востока, и великая традиция астрономических наблюдений в Вавилоне, медицина, достигшая высокой степени развития в Индии, обширные сведения жрецов Египта по анатомии и механике приобрели в руках греческих исследователей и мыслителей новое значение. Свообразное развитие греческого ума считало философию совокупностью всех знаний вместе; теперь отдельные отрасли знания эмансипировались. Опираясь на самостоятельный опыт, начали развиваться точные науки, между тем как философия, не придя к твердому согласию насчет отношения мышления к действительности, то ошибочно называла явления мыслями, то познание явлениями.

По самой природе вещей, перемены в народной жизни в нравственном, социальном и религиозном отношениях должны совершаться более медленно и, за исключением отдельных взрывов, незаметно. И если против начал, вызванных, как это было вполне естественно, к жизни в царствование Александра слишком внезапно, слишком неподготовленно и нередко насильственно, обнаружилась после его смерти реакция, примыкавшая в тридцатилетний период борьбы между диадочами то к той, то к другой партии, то окончательным результатом все же оказалось, что новые начала вошли наконец в привычку и, умеряемые сообразно с особенностями народного характера, приняли такие формы, к которым отныне могла приспособляться народная жизнь во имя одного равного и общего для всех

принципа. На постепенном исчезновении национальных предрассудков, на обоюдном сближении потребностей, нравов и воззрений, на мирных и прямых сношениях враждовавших прежде между собою национальностей создались основы совершенно новой социальной жизни. И как в настоящее время известны воззрения, предрассудки, условные формы, до мод включительно, свидетельствуют о единстве цивилизованного мира, так в эту эллинистическую эпоху и, как мы вправе предположить, в подобных же формах, создалась космополитическая цивилизация, которая в Ниле и Яксарте признавала одни и те же условные формы формами хорошего общества и образованного мира. Аттический язык и обычай сделался обязательным при дворе Александра и Вавилона, Бактры и Пергама; а когда эллинизм был лишен римским государством своей политической самостоятельности, он начал завоевывать и в самом Риме господство над модой и образованностью. Таким образом, мы с полным правом можем назвать эллинизм первым объединителем мира; между тем как царство Ахеменидов было только внешним соединением земель, народонаселение которых имело между собой общего лишь одинаковое для всех рабство, в землях эллинизма, даже когда они распались на различные царства, сохранилось высшее единство образованности, вкуса, моды, или как бы мы ни называли иначе этот постоянно изменяющийся уровень условных мнений и убеждений.

На нравственную жизнь народа политические перемены всегда будут действовать пропорционально непосредственному участию в функциях государства немногих, многих или всех. Та же историческая косность, которая до сих пор позволяла народам выносить самую отупляющую из всех политических форм, деспотизм и иерархию, в первое время оставила их по большей части безмолвными и равнодушными к совершившейся с ними громадной перемене. Если Александр не раз подчинялся их обычаям и убеждениям, то это показывает, каким путем только и возможно было поднять их постепенно выше самих себя. Конечно, успех этих усилий был весьма различен, сообразно с различным характером различных народов: между тем как уксии и мардии должны были сначала научиться

обрабатывать поля, гиркане — жить в браке, согдиане — содержать своих престарелых родителей, а не убивать их; египтяне уже начали отвыкать от своей ненависти к не имевшим каст чужеземцам, а финикияне — от своих омерзительных жертвоприношений Молоху. Но только с течением времени мог постепенно установиться новый и одинаковый образ жизни, мысли и действий, тем более что у большинства старых азиатских народов основы их морали, их личных и правовых отношений, которые греки этого времени находили теперь только в положительном законе и в развитом сознании нравственных принципов, заключались в религии, и в ней одной черпали свою непреложность и силу. Просветить народы Азии, снять с них оковы суеверия и рабского благочестия; пробудить в них стремления и силу независимой мысли и заставить их принять все ее последствия, благие и опасные, — словом, эмансипировать их для исторической жизни, такова была работа, исполнить которую попытался в Азии эллинизм и которую он отчасти и исполнил, хотя и несколько поздно.

Быстрее и решительнее проявилась перемена в нравственном облике македонского и греческого народа. Обоим — общ во время Александра подъем энергии и силы воли во всех их проявлениях, крайний рост требований от жизни и от страстей, жизнь настоящим и во имя этого настоящего — безграничный реализм; и однако, как они различны во всех отношениях. Македонянин, тридцать лет тому назад еще исполненный мужицкой простоты, прикованный к своему клочку земли и с равнодушным безразличием довольствовавшийся своей бедной родиной, теперь думает только о славе, могуществе и борьбе; он чувствует себя господином нового мира, презрением к которому он гордится более, чем его завоеванием. Из постоянных походов он принес на родину то дерзкое чувство собственного достоинства, ту холодную суровость солдата, то презрение к опасности и к собственной жизни, которое нам очень часто показывают в карикатуре времена диадхов. И если пережитые великие исторические события придают образу мыслей и облику народа свой отпечаток, то тип македонянина составляют шрамы десятилетней восточной войны и глубокие морщины, проведенные на ли-

цах бесконечным трудом и всевозможными лишениями и излишествами. Не таков был характер грека у себя на родине. Его время прошло: не увлекаемые ни стремлениями к новым подвигам, ни сознанием политического могущества, эти, некогда столь деятельные, эллины довольствовались блеском своих воспоминаний. Хвастовство заменяет им славу, и, пресыщенные наслаждением, они тем более ищут самой поверхностной его формы, перемены; тем легкомысленнее, скорее и дерзновеннее, тем сильнее избегая подчинения ответственности и авторитету отдельных лиц и тем распущенное и разнузданнее в целом проникается Греция этой остроумной, поверхностной и нервной суетливостью, этой книжной образованностью, которая всегда составляет последнюю стадию в жизни народов; все положительное, все поддерживающее и связывающее, даже сознание своего превращения в шлак исчезает. Дело рационализма свершилось.

Мы, впрочем, можем сказать, что этот рационализм, являющийся столь нивелирующим и отталкивающим в отдельных своих чертах, сломил силу язычества и сделал возможным более спиритуалистическое развитие религии. Ничто не было действительнее в этом отношении того странного явления — смешения богов, *феокрасии*, в котором в следующие века принимали участие все народы эллинизма.

Если мы можем видеть в богах, культе и мифах язычества наиболее оригинальное и живое выражение этнографических и исторических различий между народами, то здесь заключалась величайшая трудность для дела, которое хотел создать Александр. Его политика попала в самый нерв дела, когда он, в личности и управлении которого прежде всего должно было выразиться это единство, имел одновременно в числе непосредственно окружавших его лиц индийского кающегося Калана, персидского мага Осфана и ликийского гадателя Аристандра, когда он обращался к богам египтян, персов, вавилонян, к Ваалу Тарса и Иегове нудсев точно так же, как и их верные последователи, и исполняя все церемонии и требования их культа, оставлял открытым вопрос об его значении и содержании, хотя и встречал, быть может, по временам воззрения и тайные учения жреческой мудрости, сближавшие своим пан-

теистическим, деистическим и нигилистическим толкованием народные верования с тем, что давала образованным грекам их философия. Пример царя должен был оказать весьма скорое влияние на все более и более обширный круг лиц; греки с большою смелостью, чем это было прежде в их характере, начали делать своими родными богами богов чужбины и узнавать в богах чужбины отечественных богов; начали сравнивать и приводить в согласие между собою циклы сказаний и феогонии различных народов; они начали убеждаться, что все народы, в более или менее удачном образе, чтит в своих богах то же самое божество и старались выразить то же самое более или менее глубоко понятное чувство сверхъестественного, абсолютного, последней цели или причины, и что внешние и случайные различия в именах, атрибутах и областях ведения богов должны быть исправлены и доведены до глубины заключавшейся в них мысли.

Таким образом, обнаружилось, что пора местных и национальных, то есть языческих религий, миновала, что объединенное наконец человечество требует единой и общей религии, воспринять которую оно способно. Сама фео-красия была только попыткой создать единство путем слияния всех этих различных религиозных систем; но только этим путем в действительности оно никогда не могло быть достигнуто. Создание элементов более высокого и правильного единства, развитие чувства своей бренности и бессилия, потребность в покаянии и в утешении, сила глубочайшего смирения и подъем до свободы в Боге и до детского отношения к нему были продуктами работы эллинистических веков. Это века безбожия мира и сердец, века глубочайшей потерянности и безнадежности и все усиливавшегося призыва Исккупителя.

В Александре антропоморфизм греческого язычества нашел свое завершение. Человек сделался богом; ему, богу, принадлежит царство этого мира, в нем человек поднялся до высшего предела конечности, и им человечество было унижено до поклонения тому, кто сам принадлежит к числу смертнорожденных.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Поход Александра в Мидию. — Смерть Гефестиона. — Война против Косеев. — Возвращение в Вавилон. — Посольства. — Отправки в южное море. — Вооружения, новые планы. — Болезнь Александра. — Его смерть

дин великий полководец новейшего времени пишет по окончании семи лет войны, что столько походов сделало его стариком, а когда он начал их, он находился в пору высшего расцвета сил и имел около сорока лет от роду. Александр находился беспрерывно в походах целых

двенадцать лет, получал тяжелые раны, из которых не одна грозила опасностью для его жизни. Он перенес бесконечные труды, беспокойства и волнения, сопровождавшие его грандиозные предприятия, потрясающие события на берегах Гифазиса, страшный переход по пустыне Гедрозии, мятеж ветеранов в Описе: он заколол Клита, предал казни Филоту и Пармениона. Предания не говорят нам, сохранили ли его ум и тело еще ту же гибкость и свежесть, как в дни похода на Дунай и в дни битвы при Гранике, или он начал делаться «нервным» и почувствовал, что стареет преждевременно. Ближайшему будущему суждено было принести ему новые и тяжкие страдания.

Вскоре после выступления ветеранов из Описа он тоже покинул этот город с остальными войсками, чтобы двинуться в Экбатану.

В бытность царя в Индии Мидия более всех пострадала от своеволия и гордости македонских чиновников и военачальников, но осталась верна, несмотря на неоднократные подстрекательства к восстанию; Вариакс, тщетно поднявший знамя восстания, был передан сатрапом Атропатом на суд царя. Несмотря на это, здесь должно было о-

таться еще довольно поводов производить следствие, водворять порядок и примирять; особенно разграбление сокровищницы и бегство Гарпала должны были требовать более точного исследования. Большая дорога через горы Мидии тоже не была настолько безопасна, насколько этого требовали оживленные сношения между сирийскими сатрапиями и верхнею страной. В ряду горных народов от Армении до берега Кармании еще не были побеждены коссии, занимавшиеся разбоем обитатели гор Загра, и всякий транспорт, вступавший на ведущую через проходы Мидии дорогу без значительного прикрытия, рисковал подвергнуться их нападению. Таковы были приблизительно причины, заставившие царя отложить до следующей весны его возвращение в Вавилон и начало новых, направленных против юга и запада, предприятий, приготовления к которым были в полном ходу.

Около августа 324 года он выступил из Описа по обыкновенной мидийской дороге в Эктабану, войска следовали несколькими отрядами, по северным округам Ситтакены. Александр прошел через местечко Карры, а оттуда в четыре перехода достиг Самбаты; здесь он оставался семь дней, ожидая, пока соберутся все колонны. В три дневных перехода они достигли города Келон (Хольван), лежавшего в нескольких милях от теснин Загра и населенного эллинами, которые были водворены сюда во время персидских войн и сохранили свой греческий язык и обычаи, хотя и не в чистом виде. Отсюда Александр прошел к ущельям Багистана¹ и посетил знаменитые сооружения на равнине перед горами, слывшими садами Семирамиды. Идя, далее, он прибыл в Нисейские поля, где паслись несметные табуны царских коней; он нашел их еще от пятидесяти до шестидесяти тысяч. Здесь войско пробыло целый месяц. Сюда явился сатрап Мидии Атропат, чтобы приветствовать царя на границах своей сатрапии, и привез с собою в лагерь, как рассказывают, сто конных женщин, вооруженных боевыми топорами и маленькими щитами, говоря, что они амазонки; этот рассказ послужил поводом к самым странным прикрасам².

Остановке царя суждено было ознаменоваться неприятным случаем. В числе окружающих Александра лиц на-

ходились Эвмен и Гефестион. Кардианец Эвмен, занимавший первое место в кабинете царя, неоднократно отличавшийся им за свою большую ловкость и исполнительность и еще при свадебном торжестве в Сузе почтенный им браком с дочерью Артабаза, по-видимому, пользовался дурною репутацией в денежных делах. Говорили, что царь награждал самым щедрым образом необходимого ему *архιτρονιστῆς* всякий раз, когда видел, что выгоды Эвмена шли вразрез с его служебным рвением или преданностью. Только однажды — говорят, что это было еще в Индии, — когда касса царя истощилась, и он в виде почетного отличия предоставил снаряжение речного флота окружавшим его вельможам, — Александр так был разгневан странным поведением при этом кардианца, что не мог удержаться, чтобы не пристыдить его. Эвмен должен был бы дать триста талантов; он дал только сто и уверял, что и эти деньги ему удалось собрать с большим трудом; а Александр знал о его богатстве. Он не сделал ему никаких упреков, но не принял предложенных ста талантов и приказал поджечь в ночной тишине шатер Эвмена, чтобы подвергнуть его всеобщему посмеянию, когда он, перепуганный огнем, который, впрочем, тотчас же было приказано затушить, будет вытаскивать свои сокровища. Но пламя распространилось так быстро, что уничтожило шатер со всем находившимся в нем, а также и многочисленные канцелярские документы; найденное в пепле расплавившееся золото и серебро одно уже превышало своею стоимостью тысячу талантов. Александр оставил ему его деньги и дал сатрапам и стратегам приказ прислать копии с отправленных к ним Эвменом писем и инструкций. Находившиеся в лагере македоняне не любили Эвмена, служившего не копьем и мечом, а «восковыми табличками и стилем» и, несмотря на это, пользовавшегося у царя слишком большим влиянием и почтом; а больше всех его не терпел Гефестион, которому благодаря его близости к царю очень часто приходилось сталкиваться с Эвменом: эта нелюбовь была совершенно естественная и лежала в характере благородного гражданина Пеллы. Все, что рассказывается о нем, по-зывает его благородный, рыцарственный и преданный характер, его безграничную и поистине трогательную по-

вязанность к царю. Александр любил в нем товарища игр своего детства; весь блеск престола и славы, все перемены в его внешней и внутренней жизни, удалившие от него многих лиц, которые воспользовались его полным доверием, не могли нарушить их сердечных отношений; их дружба сохранила мечтательную мягкость юношеского возраста, которому они почти не принадлежали. Рассказ о том, как Александр читал полученное от матери полное упреков и жалоб письмо, которые он желал бы скрыть даже от своего друга, а Гефестион, склонившись на его плечо, читал их вместе с ним, и как царь затем прижал к его губам свою печать на перстне, дает нам картину того, как мы должны представлять себе обоих.

Гефестион и Эвмен уже не раз имели между собою столкновения, и их обоюдная антипатия друг к другу не нуждалась в важных причинах, чтобы повести к новым раздорам. Подарка, полученного Гефестионом как раз в то время от царя, было достаточно, чтобы возбудить сильнейшую зависть в кардианце и вызвать перебранку, в которой оба скоро дошли до забвения всех приличий. Александр остановил эту жестокую перебранку; Эвмену он дал такой же подарок, а Гефестиону тоном упрёка посоветовал более заботиться о себе и о своем собственном достоинстве; он потребовал от обоих обещания отныне избегать всяких ссор и примириться друг с другом. Гефестион отказывался: он был оскорбленной стороной, и Александру с трудом удалось успокоить его; из любви к царю Гефестион протянул наконец руку примирения.

После этих событий и тридцатидневного отдыха в Нисской долине войско выступило в Экбатану и через семь дней, около конца октября, достигло этого большого и богатого города. Жаль, что древнее предание ничего не сообщает нам о распоряжениях, основаниях колоний и других мероприятиях, составлявших, как кажется, предмет особенной деятельности царя в Экбатане; богаче подробностями — описания празднеств, устраивавшихся в столице Мидии; особенно праздника Дионисия.

Александр избрал местом своего жительства царский дворец. Этот дворец, бывший памятником поры величия Мидии, находился под стенами городской цитадели и

занимал пространство в семь стадий. Роскошь этого здания была почти сказочная, все деревянные части его были сделаны из кедра и кипариса, балки, потолки, колонны в портиках и во внутренних покоях были обложены золотыми или серебряными пластинками, крыши одеты листовым серебром. Таким же образом был украшен находившийся поблизости от дворца храм Анитис; его колонны увенчивались золотыми капителями, а крыша состояла из золотых и серебряных черепиц. Хотя многие из этих дорогих украшений были уже похищены корыстолюбивыми македонскими военачальниками, столь жестоко хозяйничавшими в Мидии, но целое все-таки еще представляло собою картину изумительной роскоши. Окрестность гармонировала с пышностью царской резиденции: позади дворца поднимался насыпной холм, вершину которого увенчивала крепкая цитадель с башнями, зубцами и погресбами, полными сокровищ; перед ней почти на три мили в окружности, раскидывался громадный город, а на севере виднелись вершины высокого Оронта, по ущельям которого тянулись обширные водопроводы Семирамиды.

В этом поистине царственном городе Александр осенью 324 года отпраздновал Дионисии. Они начались грандиозными жертвоприношениями, которыми Александр всегда благодарил богов за то счастье, которое они ему даровали; затем следовали всевозможные торжества, боевые игры, блистательные шествия, состязания художников; пиры и попойки заполняли промежутки. Между последними пир сатрапа Мидии Атропата отличался самой безумной роскошью, он пригласил в гости все войско, и чужеземцы, которые стеклись из близи и из далека посмотреть на празднества в Экбатане, окружали длинный ряд столов, за которыми шумно пировали македоняне и при звуках труб, через герольдов, возглашали свои тосты, свои пожелания счастья царю и дары, которые они ему посвящали. Громкое ликование последовало за тостом Горга, царского оружничего: «Царю Александру, сыну Зевса-Аммона, посвящает Горг венок в триста золотых монет, и если он будет осаждать Афины, десять тысяч полных вооружений, столько же катапульта и все снаряды, сколько их ему нужно для войны».

Таковы были шумные и богатые торжества этих дней. Только Александр не был настроен радостно, Гефестион был болен. Тщетно его врач Главкия употреблял все свое искусство — он не мог остановить пожиравшей Гефестиона лихорадки. Александру нельзя было устраниваться от празднества, он должен был покинуть своего больного друга, чтобы показаться войску и народу. На седьмой день, во время состязания мальчиков, он находился как раз среди волновавшейся на стадиі веселой толпы, когда ему было принесено известие, что Гефестиону стало хуже. Он поспешил во дворец, в комнату больного, — Гефестион только что умер. Рука богов не могла тяжелее поразить Александра; три дня просидел он над дорогим телом, долго рыдая и затем смолкая от горя, без пищи и питья, находя свое утешение в скорби и в воспоминаниях о милом друге, который был отнят у него в полном расцвете жизни. Празднества смолкли, войско и народ оплакивали благороднейшего из македонян, и маги погасили священный огонь в храмах, как будто бы умер царь³.

Когда первые дни скорби прошли и приближенные царя добились своими просьбами того, что царь расстался с телом своего любимца, он сделал распоряжение относительно погребального шествия, которое должно было доставить тело в Вавилон. По почину Эвмена стратиги, гипархи и этеры доставили оружие, драгоценности и всевозможные дары, чтобы украсить колесницу, которая везла его тело. Пердикка получил приказ сопровождать его в Вавилон, там положено было воздвигнуть костер и весною должны были произойти боевые игры по случаю торжества погребения; с Пердиккой отправился Динократ, чтобы руководить сооружением роскошного костра.

Был конец 324 года, и в горах лежал уже глубокий снег, когда Александр выступил со своим войском из Экбатаны, направляясь через горы коссеев к Вавилону. Он изврал это время года потому, что жившие в горах разбойнические племена теперь не могли бежать из своих долин на покрытые снегом горные вершины. Пока остальные полчища шли вперед по большой дороге, он с более легкой частью своих войск двинулся к югу, где жили эти пастушеские племена, раскидывавшие здесь свои кочевья до

самой области родственников с ними уксиев. Двумя колоннами, одной из которых предводительствовал царь, а другую — Лагид Птолемей, они прошли по горным долинам, победили поодиночке те небольшие обыкновенно орды, которые оказывали всегда самое отважное сопротивление, разрушили их разбойничьи башни, перебили и взяли в плен многие тысячи, а других заставили покориться, перейти к оседлому образу жизни и заняться земледелием. По истечении сорока дней последний независимый горный народ в этой стране теснин, как это было прежде с уксиями, кадузиями, мардиями и перетакенами, был приведен к покорности и вынужден принять хотя бы начатки цивилизации.

Затем Александр двинулся к Вавилонии небольшими переходами, чтобы к нему могли присоединиться отдельные отряды армий, находившиеся в горных долинах. Он хотел сосредоточить в Вавилоне все свои боевые силы, чтобы предпринять новые походы, и Вавилон должен был сделаться центром его государства и резиденцией царя. По своей величине, своей древней славе и своему положению этот город был вполне того достоин. Он служил складочным местом предметов торговли юга, благовоний Индии и пряностей Аравии, лежал посредине между народами Запада и Востока и был ближе к Западу, на который после покорения Востока должен был обратиться предприимчивый взор Александра. Ведь на западе лежала Италия, где муж его сестры, царь Эпира, поплатился честью и жизнью; лежала Иберия с ее изобильными серебряными рудниками; лежали владения финикийских колоний, метрополии которых подчинялись теперь новому уже государству; лежал Карфаген, со времени первых персидских войн и заключенного тогда союза с Персией не перестававший вести войны с греками Ливии и Сицилии. Крупные пермены в восточном мире распространили славу Александра до самых далеких народов, которые должны были смотреть на его исполинскую державу отчасти с надеждой, отчасти с тревогой; они должны были понять необходимость вступить в сношения с этой державой, в руках которой находились судьбы мира, и предупредительным отношением к ней продолжить дорогу собственной будущности.

Таким образом, в лагерь прибыли послы даже далеких народов, одни, чтобы изъявить свою покорность и вручить ему свои дары, другие, чтобы просить царя постановить окончательное решение по поводу их споров с соседними народами; и только теперь, говорит Арриан, царю и его приближенным начало казаться, что он есть властелин над землею и морями. Александр приказал подать себе список посольств, чтобы определить порядок их аудиенций; преимущество было дано имевшим поручения религиозного характера, каковы были послы Элиды, Аммонииона, дельфийского храма, Коринфа, Эпидавра и т.д., по мере значения того места, откуда они прибыли; затем следовали те, которые привезли дары, которые желали решить свои споры с соседними народами, которые имели поручения по внутренним и частным делам и, наконец, греческие уполномоченные, которые должны были представить возражения против возврата изгнанников.

Наши источники для истории Александра не нашли нужным потрудиться наименовать все эти посольства; они упоминают только о тех, которые были замечательны в том или другом отношении, и сделать некоторые заключения относительно ближайших целей их присылки мы можем только из других фактов в истории упомянутых народов. Арриан, не высказывая никаких сомнений, говорит, что прибыли послы бреттнев, луканов, этрусков, но сомневается относительно римских послов, о которых упоминают некоторые другие писатели. Положение вещей в Италии должно показать нам, были ли поводы для этого.

Со времени войны с Александром Молосским бреттии и луканы имели достаточные основания опасаться могущества его шурина, победителя Азии и естественного защитника греческого мира. Молосец был призван против них на помощь богатым торговым городом Тарентом; он разбил их и союзных с ними самнитян в большом сражении при Пестуме и усмирил на восточном берегу полуострова мессаниев и давние; его могущество простиралось от одного моря до другого, и римляне заключили с ним союз для общего нападения на самнитян, войнами которых на юге они воспользовались для того, чтобы расширить свои владения до Кампании и укрепить их римскими

поселениями. Но возрастающее могущество эпирского царя, а быть может, и опасения перед тем, что он желает сделаться властелином великой Греции заставили тарентинцев обратиться к тем племенам, против кого они его призвали. Один луканский беглец умертвил царя; таким образом, у самнитян были развязаны руки, чтобы противостоять римлянам, которые завладели уже Капуей и Кимой (Кумы), древнейшим греческим городом на этих берегах. С их попыткой завладеть также Неаполем и Палеополем началась (328) большая самнитская война, которая, после переменных успехов той и другой стороны; должна была скоро найти свое первое завершение в Кавдинских теснинах и в договоре, которым римляне изъявляли свою покорность. Что греческие города Италии вместо того, чтобы воспользоваться благоприятными условиями этих лет, по-прежнему были исполнены розни, лишены энергии и возлагали свои надежды на завоевателя Азии, было столь же естественно, как и опасения италиков перед тем, что он придет наконец и вырвет у них из рук богатые приморские города, которыми они теперь завладели; прислал же он кротониатам часть победной добычи при Гавгамеле, потому что некогда один из их сограждан сражался против Ксеркса при Саламине. Был ли это случай, что среди посольств не называется посольство самнитян, или от них не прибыло такового, но умное и дальновидное патрицианское правительство Рима, сумевшее в своей тяжелой борьбе с самнитами склонить на свою сторону жившие позади них народы, луканов, апулийцев и т.д., заключившие союз с молосцем, вполне могло в тот момент, когда оно собиралось покорить греческие города Кампании, искать благосклонности того, чьего протеста можно было опасаться. Из другого источника мы узнаем, что Александр послал римлянам выговор⁴ по поводу антиатов, сделавшихся подвластными Риму и продолжавших вместе с этрусками заниматься морскими разбоями.

Посольство этрусков объясняется неоднократными столкновениями, происходившими у них с греческими государствами из-за их морских разбоев. Как раз теперь афиняне снарядили экспедицию, чтобы основать при выходе из Адриатического моря колонию, которая должна

была служить им укрепленным торговым и складочным пунктом в этих водах и защищать их торговый флот.

Точно так же легко объяснимы посольства карфагенян, ливийцев и иберийцев. Захват Александром Финикии должен был заставить и Карфаген, и другие пунийские колонии Северной Африки и Иберии, до сих пор еще находившиеся в тесной связи с метрополией, обратить особенное внимание на повелителя могущественного государства, от которого они должны были бояться большего, чем соперничества в торговле. Особенно карфагеняне должны были подумать о том, что могло их ожидать ввиду их прежних отношений к греческому миру и воинственного характера царя; а пограничные столкновения с греками Сицилии, не прекращавшиеся со времени побед Тимолсона, давали достаточно поводов к вмешательству, которое могло иметь слишком опасные последствия для пунийской республики. Тем естественнее с их стороны было искать дружбы могущественного царя. Говоря, что явились ливийские послы с венками и поздравлениями по поводу завоевания Азии, историки разумеют под этим именем жившие к югу от Кирены племена.

В числе других посольств упоминаются еще посольства европейских скифов, кельтов и эфиопов, из которых последнее было, быть может, для царя тем важнее, чем более его занимал теперь план обогнуть на кораблях Аравию и продолжить морской путь, соединявший уже Инд с Евфратом, до Черного моря и до восточного берега Египта.

Уже в Финикию был послан приказ набирать матросов, строить корабли и в разобранном виде сухим путем доставить их к Евфрату. Неарху было поручено вести флот вверх по Евфрату в Вавилон; вскоре после прибытия царя в Вавилон должен был начаться поход против арабов. В то же время к берегам Каспийского моря был послан Гераклит, сын Аргея, в сопровождении отряда корабельных плотников с поручением рубить корабельный лес в лесах гор Гиркании и строить военные корабли с палубой и без палубы по образцу греческих. Эта экспедиция тоже имела ближайшей целью исследовать, не имеет ли Каспийское море прохода на север и не соединяется ли оно с Меотид-

ским озером или с открытым Северным морем и через него с водами Индии. Александр мог надеяться привести в исполнение вместе с этой экспедицией и тот поход против скифов, о котором он пять лет тому назад говорил с царем хоразмиев. Для сухопутного войска тоже были набраны новые и весьма значительные подкрепления, которые должны были прийти в Вавилон в течение весны. Было очевидно, что Александр имел обширные планы: по-видимому, одновременно задуманы были поход против севера, юга и запада; быть может, он предполагал поручить их своим полководцам, сохраняя за собою только общее руководство из Вавилона, столицы его монархии.

Войска и их предводители должны были идти к Вавилону с беспокойным нетерпением, страшась или ожидая новых походов. Они не знали, в каком убитом состоянии находился царь со времени смерти своего друга, как он тщетно пытался заглушить скорбь своего сердца планами один другого смелее. Они не знали, что все его радостное наслаждение жизнью было разрушено, что душа его была полна грустных предчувствий: с Гефестионом он похоронил свою молодость и начал стариться, едва вступив на порог лет мужественного расцвета; мысль о смерти закралась в его душу⁵.

Тигр был перейден; скоро показались башни исполинского города, когда в войско явились из города знатнейшие халдеи и наблюдавшие за течением звезд жрецы Вавилона. Они приблизились к царю, отвели его в сторону и умоляли его не продолжать более своего пути к Вавилону; голос бога Бела открыл им, что вступление в Вавилон теперь будет для него роковым⁶. Александр отвечал стихом поэта: «лучший гадатель тот, который предсказывает счастье». Они продолжали: «Не гляди на запад, о царь, не с этой стороны реки вступай в Вавилон: обойди город, пока не будешь смотреть на восток».

Он оставил войско в лагере на восточном берегу Евфрата и на следующий день спустился вниз по этому берегу реки, чтобы затем переправиться на другую сторону и вступить в город с запада. Берег реки был болотист на далекое пространство; мосты имелись только в черте города, и он должен был сделать большой круг, чтобы достичь запад-

ных кварталов Вавилона. Тут, как говорят, к царю явился софист Анаксарх и философскими доводами старался рассеять его суеверный страх⁷. Вероятнее то, что Александр, справившись скоро с первым впечатлением, старался взглянуть на это обстоятельство как на слишком незначительное для того, чтобы мотивировать дальннейшую потерю времени и далекий объезд кругом, что он более боялся последствий, которые должны были вызвать в войске и в народе такие чрезмерные опасения с его стороны, чем предполагаемой опасности и что для него не могло быть сомнений в том, что халдеи должны были иметь серьезные причины не желать его присутствия в Вавилоне. Еще в 330 году он приказал реставрировать исполинский храм Бела, стоявший в развалинах со времени Ксеркса; во время его отсутствия постройка остановилась; халдеи приложили все свои старания, чтобы не потерять дохода с богатых имений храма, назначенных на содержание этого здания. Таким образом, было понятно, что звезды запрещали ему вступать в Вавилон или делали для него это вступление как можно более затруднительным. Вопреки совету халдеев, Александр во главе своего войска вступил в восточные кварталы города с востока; он был радостно принят вавилонянами; празднествами и пирами торжествовали они его возвращение.

Аристовул рассказывает, что в это время в Вавилоне находился амфиполитанин Пифагор, происходивший из греческой семьи и умевший гадать по внутренностям жертвенных животных. Его брат Аполлодор, бывший стратегом этой области с 331 года, должен был при возвращении Александра из Индии выйти к нему навстречу с войсками сатрапии и, так как строгая кара, которой Александр подверг виновных сатрапов, вызывала и в нем опасения за свою будущность, то он послал к своему брату в Вавилон просьбу погадать о его судьбе по внутренностям жертвенных животных. Пифагор приказал тогда спросить его, кого он более всего страшится и относительно кого он желает гадать. По получении ответа от брата, который назвал царя и Гефестиона, Пифагор принес жертву и, осмотрев ее внутренности, написал брату в Экбатану, что Гефестион скоро не будет стоять более на его дороге; это письмо Аполлодор

получил накануне смерти Гефестиона. Затем Пифагор принес жертву относительно Александра, он нашел те же приметы и послал своему брату такой же ответ. Аполлодор, как говорят, сам отправился к царю, чтобы показать, что его преданность сильнее забот о собственном благе; он рассказал ему о гадании по внутренностям жертвенных животных и об исполнении его относительно Гефестиона; относительно царя Пифагор тоже не нашел никаких счастливых примет; пусть же он оберегает свою жизнь и избегает опасностей, от которых предостерегают его боги. Теперь в Вавилоне царь призвал к себе Пифагора и спросил его, какие приметы он имел, что написал таким образом своему брату? «Печень жертвы была без верхушки», — был ответ. Александр поблагодарил гадателя за то, что он открыто и без обмана сказал ему правду, и отпустил его со всеми знаками своей благосклонности. Но он был поражен этим совпадением греческого гадания с предостережениями астрологов; он чувствовал себя дурно в стенах этого города, которых, может быть, ему лучше было бы избегать; его тревожило продолжительное пребывание во дворцах, от которых тщетно предостерегали его боги. Но уехать он еще не мог.

Из греческих земель прибыли новые посольства, прибыли также некоторые македоняне и уполномоченные фракийцев, иллирийцев и других зависимых народов, чтобы, как говорили, принести жалобу на наместника Антипатра. Сам Антипатр послал, говорят, своего сына Кассандра оправдать его действия; быть может, он желал также дать этим царю, у которого уже находился в качестве виночерпия его сын Иолла, новый залог верности в своем старшем сыне и восстановить при его посредстве нарушенные добрые отношения с Александром прежде, чем прибудет сам ко двору согласно его приказу. Историки, хотя и мало заслуживающие доверия, рассказывают о неприятных столкновениях между царем и Кассандром.

Мы не имеем никаких подробных сведений о переговорах с посольством греков: местные и частные дела были устроены с принятыми незадолго перед тем другими посольствами, по большей части — согласно желаниям заинтересованных лиц; возражения же против возврата изгнан-

ников раз и навсегда были приняты во внимание, так что теперь, вероятно, приносили только поздравления с победами в Индии и с возвращением назад, подносились золотые венки и высказывалась благодарность за уничтожение изгнания и за другие благодеяния царя. Царь отблагодарил их почестями и дарами и возвратил государствам все похищенные некогда Ксерксом статуи и приношения, какие он только нашел в Пасаргадах, Сузе, Вавилоне и других местах⁸.

Устройство местных дел громадной столицы тоже должно было продлить пребывание в ней царя. Нам по крайней мере рассказывают, что Александр, посетив постройки, которые велел воздвигнуть, и увидев, что реставрация храма Бела почти нисколько не подвинулась вперед, тотчас же приказал с величайшим рвением приступить к работам и командировал на постройку войска, находившиеся в настоящую минуту без дела. Двадцать тысяч человек работало целых два месяца, только чтобы совсем удалить сперва обломки и очистить место; приступить к самой постройке помешали дальнейшие события.

Наконец Александр мог покинуть Вавилон. Речной флот под предводительством Неарха, пройдя из Тигра в Персидский залив, поднялся вверх по Евфрату и стоял теперь под стенами столицы; корабли из Финикии тоже прибыли: с находившихся на ее берегах верфей были сухим путем доставлены в разобранном виде в Фансак две пентеры, три тетриры, двенадцать триер и тридцать тридцативесельных барок, которые были здесь снова собраны и спущены вниз по реке. Царь приказал строить корабли также и в самом Вавилоне и срубить для этого кипарисы, находившиеся во множестве в царских садах Вавилона, тогда как во всей этой местности не было никаких других деревьев, кроме пальм. Таким образом, флот скоро достиг значительных размеров; но на реке не было удобного места для гавани, и потому был отдан приказ вырыть недалеко от столицы большой водоем, который должен был заключать в себе верфи и помещение для тысячи судов. Из Финикии и других приморских стран явились массы матросов, плотников, купцов и мелочных торговцев, чтобы, следуя царскому приглашению, воспользоваться на своих кораблях новым торговым путем или приступить на службу

во флот для ближайшего похода. Во время этих приготовлений в Финикию и Сирию был послан с 500 талантами Миккаль-клазоменец, чтобы на вербовать там как можно больше приморских жителей и корабельщиков и доставить их к низовьям Евфрата. План царя состоял в том, чтобы основать колонии на берегах Персидского залива и на его островах, развить с помощью их торговлю в южных водах и в то же время создать в них защиту для аравийских берегов. Александру была известна многочисленность и своеобразие продуктов этой страны, которые он рассчитывал сделать предметами торговли тем легче, что берега полуострова были весьма обширны и изобиловали гаванями. По обширной пустыне, простиравшейся от границ Египта до окрестностей Фансака и Вавилона, бродили племена бедуинов, весьма часто тревожившие дороги и границы смежных с нею сатрапий; принуждая их покориться, Александр кроме безопасности границ и дорог приобретал соединительный путь между Египтом и Вавилоном, который был значительно короче прежнего; в таком случае следовало прежде всего захватить и колонизовать петрейскую область и северные берега Чермного моря; в этих пунктах должны были соединяться перерезавшие Аравию дороги и путь морем крутом ее берегов, открытие которого составляло цель ближайшей экспедиции⁹.

Вниз по реке в море уже было послано три корабля. Первым возвратился Архия со своим тридцативесельным судном, он открыл остров к югу от устья Евфрата и сообщил, что этот остров невелик, покрыт лесами и заселен народцем, поклоняющимся богине Артемиде и в часть ее позволяющим свободно пастись оленям и диким козам. Он лежит недалеко от залива города Герра, откуда ведет большая дорога через внутренность Аравии к Чермному и Средиземному морям и обитатели которого слынут деятельными и богатыми торговыми людьми. Александр возымел странную идею дать этому острову имя Икара, дерзнувшего направить свой смелый полет в близкие к солнцу места и поплатившегося за это преждевременной смертью в волнах. От острова Икар, сообщал Архия далее, он направился к юго-востоку и достиг другого острова, который туземцы называли Тилом. Он был велик, не был ни

каменист, ни лесист, был удобен для земледелия и представлял собою счастливый уголок; Архия мог бы прибавить, что он лежит среди неистощимых жемчужных рифов, о которых уже ранее распространилось много рассказов между македонянами. Вскоре после этого воротился и второй корабль, которым командовал Андросфен; он избрал себе путь около самой суши и осмотрел значительную часть берегов Аравии. Дальше всех из посланных кораблей проник тот, которым командовал кормчий Гиерон из Сол; он получил приказ обогнуть весь полуостров Аравию и постараться войти в залив, тянущийся к северу и не достигающий только на несколько миль до Героонполя в Египте. Оставив позади себя уже значительную часть берегов Аравии, он не решился идти далее; он принес известие, что размеры полуострова громадны и равняются, вероятно, размерам Индии; он проник на юг до далеко выдававшегося на восток в открытое море мыса; здесь обнаженные и пустынные песчаные берега могли бы крайне затруднить дальнейшее плавание.

Пока шли деятельные работы на стройках в Вавилоне и вокруг него, пока быстро подвигались вперед работы на корабельных верфях, сооружение водоема для гавани, разборка башни Бела и представлявший собою грандиозное сооружение погребальный костер для Гефестиона, Александр спустился с несколькими кораблями вниз по Евфрату, чтобы осмотреть обширные дамбы, которыми регулировался Паллакон. Этот канал, вырытый милях в двадцати ниже Вавилона, выходит из Евфрата по направлению к востоку и приводит в озеро, которое питается водами реки и, образуя ряд болот, тянется к югу вдоль границ Аравии до самых берегов Персидского залива. Канал этот имеет громадное значение для той местности; когда весной воды реки начинают подниматься и тающий под лучами летнего солнца снег на горах Армении изливается все более и более обильными и бурными потоками, вся эта местность была бы залита водою, если бы вода не могла выливаться через каналы и особенно через Паллакон, который таким образом защищает и бассейн Евфрата, и приносит более отдаленным от реки местностям благотворное обильное орошение. Когда же осенью уровень воды в

Евфрате падает, необходимо быстро закрыть этот канал, так как в противном случае река избрала бы себе более краткий путь, чтобы изливать свои воды, и покинула бы свое прежнес ложе. Работа затруднена тем, что то место берега, где начинается канал, имеет мягкий грунт, так что сооружение насыпей требует громадных усилий, да и тогда они не представляют достаточного сопротивления напору воды в Евфрате. Гати канала во время высокого уровня воды постоянно подвергаются опасности быть совершенно разрушенными, а снова исправить их вовремя для закрытия канала стоит громадных трудов. Поэтому теперь по приказу сатрапа Вавилонии уже три месяца на этих гатях работало десять тысяч человек; Александр спустился вниз по реке, чтобы осмотреть работы; он желал найти какое-либо средство против этих неудобств. Он поплыл далее вниз по реке, чтобы осмотреть берег, и в часе пути ниже устья канала нашел плотный берег, соответствовавший всем его ожиданиям; он приказал прорыть здесь канал и провести его к северо-западу в прежнее русло Паллакона, устье которого затем навсегда должно было быть заграждено плотиной и засыпано землей; таким образом, как он надеялся, будет одинаково легко прекращать осенью сток воды из Евфрата и снова открывать его весной. Чтобы лучше ознакомиться с природой этой местности со стороны запада, он возвратился к Паллакону, прошел по нему к озеру и поплыл вдоль границы Аравии. Красота берегов, а еще более важное значение этой местности пробудили в нем мысль заложить здесь город¹⁰, который должен был в одно и то же время открывать путь в Аравию и защищать Вавилонию от нападений бедуинов, так как далее к югу до самого залива бассейн реки защищали озеро и болота. Постройка города и его укреплений была тотчас же начата, и здесь были поселены греческие наемники, частью ветераны, частью волонтеры.

Между тем в Вавилоне было окончено сооружение погребального костра для Гефестиона и должны были начаться грандиозные похоронные игры в память него, и это прибытие новых войск делало возвращение царя в столицу необходимым. Царь, как рассказывают, нисколько не колебалея возвратиться, тем более что во время его

недавнего, хотя и весьма непродолжительного пребывания в Вавилоне, уже, по-видимому, обнаружилась лживость предсказаний халдеев. Начался обратный путь: тут же кстати положено было посетить выстроенные в болотах гробницы прежних вавилонских царей. Александр сам стоял на руле своего корабля и вел его по этим неудобным для плавания вследствие отмелей и тростников водам; внезапный порыв ветра сорвал с его головы царскую *кавзию*, которую он носил по македонскому обычаю; отвязавшаяся от нее диадема была унесена ветром и зацепилась в тростниках около одной из древних царских гробниц, а сама *кавзия* погрузилась в воду и более уже не нашлась. Доставать диадему поплыл один находившийся на том же корабле финикийский матрос и, чтобы ему удобнее было плыть, обвязал ее вокруг своей головы; дурное предзнаменование: диадема на голове чужого человека! Гадатели, которых царь теперь имел постоянно около себя, заклинали его уничтожить эту примету обезглавлиением несчастного матроса. Александр, как говорят, приказал предать его бичеванию за то, что он счел возможным обвязать свою голову царской диадемой. А за то, что он быстро и смело вернулся с этим знаком царской власти, он дал ему в подарок целый талант¹¹.

Возвратившись в Вавилон, Александр нашел там новые войска, которых ожидал. Сатрап Персии Певкеста привел 20 000 персов и, кроме того, значительное число коссеев и тапурийцев, принадлежащих к самым таинственным племенам Персии. Из Карики прибыл Филоксен с войском, из Лидии с другим еще войском — Менандр, а из Македонии — Менида со всадниками, которых он должен был оттуда привести. Особенно большую радость доставило царю прибытие персидских войск; он похвалил сатрапа за их превосходную выучку, а воинов за ту готовность, с которой они последовали призыву его и сатрапа.

Замечательна новая организация, которую он дал по прибытии этих азиатских войск своей пехоте, или по крайней мере части ее. До сих пор в македонском войске не существовало корпуса, составленного из разных родов войск, не было армии в малых размерах. Если почти во всяком деле и употреблялись рядом друг с другом пехота и конни-

ца, легкие и тяжелые войска, то они соединялись в одно целое только для этого отдельного случая и оставались отдельными родами войск. Новая организация уничтожила прежний характер фаланги: она создала комбинацию тяжеловооруженных воинов, пельтастов и легкой пехоты, совершенно менявшую характер тактики. До сих пор каждый таксис фаланги состоял из шестнадцати рядов гоплитов; теперь же отряд составлялся так, что в первом ряду стоял командовавший отрядом декадарх из македонян, во втором — македонянин, получавший двойное жалованье, в третьем — македонский ветеран, и таковой же в шестнадцатом, в звании предводителя арьергарда; промежуточные ряды состояли из персов, отчасти из аконтистов, вооруженных дротиками с метательным ремнем, отчасти из стрелков. При таком распределении вышеупомянутых 20 000 персов они должны были образовать вместе с присоединенными к ним македонянами корпус более чем в 26 000 человек, следовательно, даже за неизбежными недочетами, 12 таксисов по 125 человек в ряду. При этой организации наступление велось сомкнутой массой; затем в бок фаланга разворачивалась тремя отрядами: слева и справа в промежутках разворачивались стрелки из лука первого нападения издали, затем выступали аконтисты; три первых ряда и последний оставались сзади в качестве триариев, или вернее, в качестве поддержки, и когда после первой схватки стрелки и аконтисты отступали через промежутки и становились в свои ряды, весь таксис сомкнутой массой двигался на приведенного уже в расстройство неприятеля. Тактика этой новой организации соединяла в себе все преимущества италийского легиона и его системы маневров с главными преимуществами прежней фаланги, действием массами и подвижностью; — легкие войска скорее могли быть пущены в дело против нападающего неприятеля и находились под надежным прикрытием во время рукопашного боя, — фаланги все еще были движущимися крепостями, но такими, которые могли производить из себя вылазки легких войск и господствовали, таким образом, над более обширным районом, осыпая его стрелами и дротиками.

Уже эта новая организация, сделанная, по-видимому, по образцу народов Италии, должна была обратить на себя внимание¹²; затем распространились слухи о том, что в провинции Средиземного моря были посланы распоряжения о вооружении несчетного множества кораблей, и слухи о походах в Италию, Сицилию, Иберию и Африку. Действительно, казалось, что между тем, как флот должен был подойти морем к берегам Аравии, сухопутная армия должна была двинуться к западу через Аравию или каким-либо иным путем, чтобы покорить варваров запада и врагов греческой народности в Африке и Италии.

Александр лично руководил распределением новых, особенно персидских, войск. Оно происходило в царском саду, причем царь сидел на золотом троне, в диадеме и в порфире, по обеим сторонам его сидели его приближенные на более низких креслах с серебряными ножками; позади них на почтительном расстоянии стояли евнухи в индийских одеждах и со скрещенными по восточному обычаю на груди руками; новые войска проходили мимо отряд за отрядом, подвергались осмотру и распределялись между фалангами. Так прошло несколько дней; в один из них царь, утомленный продолжительным трудом, поднялся с трона, оставил на нем свою диадему и порфиру и пошел купаться в находившемся тут же водоеме; согласно придворному этикету, за царем последовали его приближенные, а евнухи остались на своих местах. Немного времени спустя появился какой-то человек, спокойно прошел через ряды евнухов, которые, по персидскому обычаю, не имели права его удерживать, поднялся по ступеням трона, украсил себя порфиною и диадемою и сел на место царя, тупо глядя вперед; евнухи разорвали на себе одежды, начали бить себя в грудь и лоб и встретили это страшное знамение криками скорби. Как раз теперь возвратился царь и пришел в ужас, видя на троне своего двойника; он приказал спросить несчастного, кто он такой и чего тут хочет? Тот продолжал сидеть неподвижно, по-прежнему тупо глядя вперед, наконец он сказал: «Я называюсь Дионисием и родом из Мессены; я обвинен и привезен сюда с берега в цепях; теперь бог Сарапис освободил меня и приказал мне надеть порфиру и диадему и

смирно сидеть здесь». Его подвергли пытке, чтобы вырвать у него признание в преступных намерениях, которые он имел, и заставить его назвать своих соумышленников; он продолжал утверждать, что так ему приказано богом. Видно было, что рассудок этого человека не в порядке, предсказатели потребовали, однако, его смерти.

Был май месяц 323 года. Город Вавилон был полон воснного оживления, тысячи новых войск, нетерпеливо ожидавших похода, в котором они должны были впервые испытать свое оружие, обучались боевым приемам в новом для них строю. Флот, стоявший уже на якоре под парусами, почти ежедневно при большом стечении зрителей из столицы покидал место своей стоянки, чтобы матросы приучились управлять кораблем и грести; сам царь по большей части присутствовал при этих маневрах, хваля и раздавая золотые венки победившим в состязании. Было известно, что скоро должен был начаться поход; все ждали, что обычные жертвоприношения и пиры, за которыми царь обыкновенно возвещал о начале новых боевых операций, последуют непосредственно за торжественными похоронами Гефестиона.

Бесчисленное множество чужеземцев собралось на это празднество, и в том числе прибыли посольства из Элады, которые вследствие постановлений, которыми даровались царю божеские почести, приняли характер священных феор. Явившись к царю в качестве таковых и воздав ему поклонение по греческому обычаю, они посвятили ему золотые венки, которыми наперерыв друг перед другом старались почтить государства их родины своего царя-бога. Потом возвратились также из Аммония феоры царя; они были посланы спросить о том, каким образом бог повелевает чтить Гефестиона; они принести ответ, что ему следует приносить жертвы как герою¹³. По получении этого известия царь приказал приступить к торжественному погребению героя Гефестиона и к первым жертвоприношениям в честь него.

Часть стен Вавилона была снесена, там на пяти лежавших одна на другой террасах высилось роскошное здание костра, достигая высоты двухсот футов, на сооружение его царь пожертвовал десять тысяч талантов, а друзья, вельможи, послы и вавилоняне прибавили две тысячи своих. Вс

блестело золотом и пурпуром, картинами и статуями; на вершине костра стояли изваяния сирен, из которых звучали погребальные хоры в честь умершего. Костер был зажжен среди жертвоприношений, траурных процессий и скорбных песен. Александр присутствовал при этом, на его глазах это чудное сооружение было охвачено пламенем, оставляя после себя только разрушение, пустоту и скорбь по утраченному. Затем следовали жертвы в честь героя Гестифона; Александр сам сделал первое возлияние принятому в сонм героев другу; в его память было принесено в жертву и разделено между всем войском, которое царь пригласил на пир, десять тысяч быков.

Следующие дни наполнялись другими празднествами; был уже назначен день для отплытия флота и начала похода в Аравию, и царь согласно обычаям принес жертву богам, которым он всегда молился перед походом; он принес жертву Счастливому Успеху и по совету своих предсказателей также отвращающим несчастье богам. Пока все войско веселилось и пировало за жертвенным вином Александра, он собрал к себе своих друзей на прощальный пир, который давал адмиралу Непарху. Это было вечером 15 Дэсия: когда большинство гостей уже разошлось, явился фессалиец Мидий, бывший одним из этеров, и попросил царя почтить еще своим присутствием собравшееся у него небольшое общество; должна была произойти веселая пирушка. Александр любил благородного фессалийца и отпраздновал с ним; веселое настроение близких ему людей развеселило и его, он по очереди пил за их здоровье; под утро общество разошлось, обещав собраться опять на следующий вечер¹⁴.

Александр возвратился домой, выкупался и спал до позднего дня; вечером он снова отправился к Мидию, и веселая попойка снова продолжалась до глубокой ночи. По возвращении к себе царь почувствовал себя дурно; он выкупался, немного поел и лег спать в лихорадочном жару. Утром 18 Дэсия он чувствовал себя очень дурно; волнения последнего времени и быстро следовавшие один за другим пиры настолько усилили его болезненную восприимчивость, что лихорадка крайне повлияла на него. Он должен был приказать снести себя на своем ложе к алтарю, чтобы

отправить там утреннюю жертву, как он это делал ежедневно; затем он лежал на постели в мужском чертоге и велел явиться туда военачальникам, чтобы отдать им необходимые приказания относительно похода; войско должно было выступить 22-го, флот, на котором он предполагал ехать сам, — днем позже. Вечером он приказал нести себя на своем ложе к Евфрату, прямо на корабль, и плыть в лежащие на другом берегу сады, там он выкупался; лихорадочные припадки не оставляли его всю ночь.

На следующее утро после купания и утреннего жертвоприношения он перешел в свой кабинет и пролежал там весь день на постели; у него был Мидий, старавшийся развлечь его своим разговором. На следующее утро царь назначил военачальникам явиться к нему; вечером, поев немного, он лег спать; лихорадка усилилась, и состояние царя стало хуже; всю ночь он провел без сна.

Утром 20 числа, после купания и жертвоприношений, к царю были допущены Неарх и другие офицеры флота; царь заявил, что вследствие его болезни отплытие придется отложить на один день, но что за это время он надеется настолько оправиться, что 23 числа будет в состоянии вступить на корабль. Он остался в купальной комнате; Неарх должен был сесть около его постели и рассказывать о своем плавании по океану. Александр внимательно слушал его; он радовался, что ему скоро самому придется переживать такие опасности. Между тем его состояние все ухудшалось, лихорадка усиливалась, тем не менее 22 числа после кушанья и жертвоприношений он призвал к себе офицеров флота и приказал к 23 числу приготовить все на кораблях к его приему и к отплытию. После вечернего купания последовал страшный приступ лихорадки; силы царя исчезали; он провел бессонную, мучительную ночь. Несмотря на то, Александр приказал вынести себя утром к большому водоему и с трудом совершил жертвоприношение; затем он повелел допустить к себе офицеров, отдал еще несколько приказаний относительно плаванья флота, говорил со стражниками о замещении нескольких офицерских мест и поручил им выбор лиц для производства, советуя быть строгими в своем выборе.

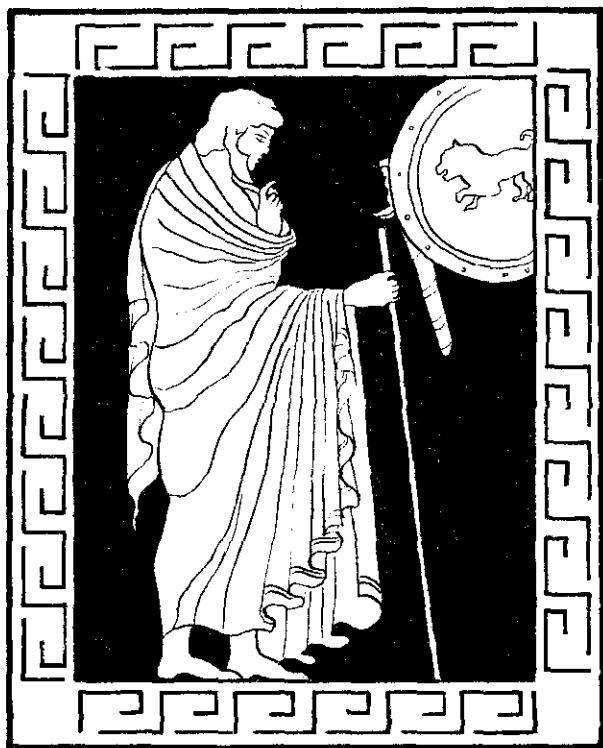
Наступило 23 число, а царь лежал тяжело больной; однако он велел отнести себя к алтарю и совершил жертву; но отплытие флота приказал отложить. Наступила тяжелая ночь. На следующее утро царь был едва в силах принести жертву, он приказал стратигам собраться в передних комнатах дворца, а хилийархам и пентакосиархам находиться на дворе; себя велел перенести из садов обратно во дворец. Он слабел с каждой минутой; когда вошли стратиги, он, хотя еще узнал их, но уже не мог говорить. Ночь, следующий день и следующую ночь лихорадка не прекращалась, — царь лишился речи.

Известия о том впечатлении, какое произвела в лагере и войске болезнь царя, заслуживают полного доверия. Македоняне теснились около дворца, требуя видеть своего государя; они боялись, что он уже умер и что от них это скрывают; они не прекращали своих жалоб, угроз и просьб до тех пор, пока им не были открыты ворота. Затем все по очереди они проходили мимо ложа своего царя, и Александр немного склонял голову, подавал каждому правую руку и глазами посылал последнее прощание своим ветеранам. В тот же день — то было 27 Дэсия — Пифон, Певкеста, Селевк и другие отправились в храм Сараписа и спросили бога, не лучше ли будет царю, если он прикажет перенести себя в храм бога и помолится ему здесь; им был дан такой ответ: «Не приносите его: если он останется там, ему скоро станет лучше». На следующий день, 28 Дэсия вечером, Александра не стало.

О событиях этих последних дней существует множество еще и других известий; но они мало заслуживают веры и отчасти явно выдуманы с добрым или худым намерением. Например, ни одно достоверное известие не говорит, что Александр на своем смертном одре сделал какие-либо распоряжения на словах или с помощью знаков о порядке наследования в государстве, о регентстве и о необходимых ближайших мероприятиях. Если он этого не сделал, то единственно потому, что уже утратил ту силу и энергию ума, которая обнаружила бы ему последствия его смерти, когда он почувствовал ее приближение. Это безмолвное прощание со своими македонянами было последним уси-

лием его погасавшего сознания, и наступившая затем агония должна была скрыть от его умирающих глаз безотрадную будущность его созданий и планов.

С его последним вздохом начались раздоры между его вельможами, мятеж его войск, разрушение его дома и падение его государства.

ПРИМѢЧАНІЯ

Ко 2-й главе первой книги

¹ На этих братьев Пердикки проливает свет эпиграфический текст договора, заключенного в 423 году между ним и Афинами, так как этот документ подписан родственниками царя, а затем другими македонянами в качестве свидетелей. В числе свидетелей не находится, вероятно, старший брат Пердикки Аминта. Что он был старше Пердикки, представляется вероятным потому, что потом Пердикка женился на вдове сына Аминты Арридея; это и есть истинная царская линия, из которой происходят Филипп II и Александр Великий.

² По крайней мере Платон, биографические сведения которого, конечно, весьма ненадежны, говорит, что Архелай убил своего семилетнего брата. Этот мальчик рожден был Пердикке его законной супругой Клеопатрой, вдовой Арридея.

³ *Προστασία τῆς βασιλείας* и ее формы особенно ясно видны в событиях 323 года, после смерти Александра, где нам и придется говорить о ней.

⁴ Хотя македонский царский дом и кичится своим дорийским происхождением, но в народе и знати страны не встречается никаких следов дорийских фил. Напротив, разделение по местностям заметно выступает на вид.

⁵ Царь может принимать в число своих этеров и чужеземцев. По словам Феонмпа, 800 этеров Филиппа владели таким же количеством земли, как 10 000 эллинов; следовательно, в Македонии существовали еще большие поместья, каких уже не встречалось более в греческом мире, по крайней мере по эту сторону Фермопил.

⁶ Он организовал и кавалерию, и пехоту.

⁷ При его дворе находились поэты Агафон, Харид, Эврипид и живописец Зевксис; Платона тоже называют его близким другом.

⁸ По Аристотелю, он был убит своим любимцем Кратевадом, за которого обещал выдать свою старшую дочь, потом выданную за Сирру.

⁹ Вероятно, этот Аминта — сын того Филиппа, из-за которого в 429 году одризы произвели вторжение в Македонию. Тогда ему не могло быть больше 20 лет. Дерда, несомненно, сын Сирры и был после него князем Элимотиды; как видно из его отношений к Аминте, он не мог родиться позже 410 года.

¹⁰ Эвридика — дочь Сирры из Элимиотиды от его брака с дочерью линкистийца Арравея. Братом Эвридики был тот Дерда, который еще в цветущем возрасте умертвил Аминту Маленького (390), и следовательно, родился около 406 года. От этого брака Аминта имел трех сыновей: Александра, Пердикку и Филиппа, из которых старшему было, быть может, 16 или 17 лет, а младшему, Филиппу, 10 лет, когда умер их отец (369); в этот брак он, должно быть, вступил около 386 года.

¹¹ Это число дает Фронтин, но его слова — не доказательство. Большого доверия заслуживал бы Диодор, но в приводимом им числе 3000 всадников наряду с 30 000 человек пехоты кроется очевидная ошибка.

¹² Пример этого чувства чести дает тот Павзаний, который, когда его упрекнули, что он ведет себя, как женщина, оправдался тем, что в одном сражении с илирийцами, чтобы спасти находившегося в величайшей опасности царя, стал прямо перед ним и был изрублен в куски.

¹³ Упоминаемый Плутархом родственник Гарпала есть Кратес. Я не могу не оставить моего прежнего предположения, что Антигониды принадлежали к этому дому. Известный кривой на один глаз Антигон, сын Филиппа, несомненно, происходил из знатного дома. Но его отцом, несомненно, не мог быть тот Филипп, который в 327 году был сатрапом Индии и, вероятно, принадлежал к дому Элимиотиды, так как Антигон, на основании слов Порфирия о его возрасте, родился не позже 384 года.

¹⁴ Ее отец Неоптолем вместе со своим отцом Алкетой упоминается уже в постановлении Афинского морского союза от 387 года. По смерти Алкеты Неоптолем и его брат Аррива, царствовавшие недолгое время вместе, разделили царство молоссов и по смерти Неоптолема опека над его детьми, Олимпиадой и Александром, перешла в руки их дяди Арривы. В 357 году Олимпиада стала супругой Филиппа; а вскоре и ее брат является при дворе Филиппа. Уже в 352 году Филипп был побужден воевать с Арривой. Потом, когда Александру было 20 лет, он уговорил его поднять оружие против своего дяди. Аррива бежал в Афины, по видимому, вскоре умер, и Александр остался единственным повелителем Эпира.

¹⁵ Об олимпийской победе, о взятии Потидеи и о победе Пармениона над илирийскими дарданцами. По расчету, рождение Александра приходится на Воздромион (16 сент. — 14 окт. 356 года). Невозможно, чтобы весть об одержанной около 17 июля в Олимпии победе достигла царя только в конце сентября. Синхронизм этих трех событий, подобно многим другим синхронизмам греческой истории, есть или народная комбинация, или придуман для облегчения заучивания в школах, но, бесспорно, лишен всякого прагматического значения.

¹⁶ Если в основе этого сохраненного Плутархом анекдота лежит истина, то этот факт должен был происходить до войны с Перинфом и Византией, т.е. когда Александру еще не было пятнадцати лет. Перс Артабаз и его зять Мемнон, бежавшие из Персии, уже находились при дворе Пеллы.

¹⁷ Несомненно, что это знаменитое уже в древности письмо есть подделка; Аристотель, которому тогда не было тридцати лет, еще не пользовался славой, какую приписывает ему это письмо.

¹⁸ Действительно, целомудрие было одной из его лучших добродетелей и подтверждается многими примерами. Будучи юношей, он настолько бежал от любовных наслаждений, что его родители, озабоченные этим, старались соблазнить его одной красивой гетерой, которая должна была проникнуть в его спальню; Александр стыдливо отвернулся от нее и горько жаловался на этот случай.

¹⁹ Из множества относящихся сюда рассказов особенно характеристичен рассказ об удивительном действии, какое имела на него музыка; когда раз Антигенид пел под аккомпанемент флейты боевую песню, Александр вскочил и схватился за оружие.

²⁰ Во время отсутствия отца ему было вверено управление страной.

²¹ Это вторжение иллирийцев должно относиться к первым месяцам 337 года.

²² Характер этой зависимости неясен. В Эпире было в ходу право женщин на участие в престолонаследии. Олимпиада со своим братом Александром считалась наследницей одной половины страны, а другая принадлежала ее дяде и опекуну Арриве. Этот последний со всем своим семейством был изгнан Филиппом, который присоединил сюда еще города на Амвракийском заливе и отдал их и все царство Александру, конечно, не без известных обязательств со стороны последнего. В прежнее время Эпир находился в зависимости от Фессалии.

²³ Полиэн определяет численность этого корпуса в 10 000 человек. В письме Дария к Александру после битвы при Иссе говорится, что «царь Филипп начал войну», что может относиться только к этому вторжению на персидскую территорию.

²⁴ В письме Александра к Дарию говорится, что убийцы Филиппа действовали по наущению персидского царя. Плутарх говорит, что Олимпиада и сам Александр знали о замысле Павзании.

²⁵ Плутарх рассказывает тот же анекдот относительно Александра. О настоящем мотиве убийства упоминает Аристотель.

²⁶ По словам Диодора, Клеопатра родила сына «за несколько дней» до смерти Филиппа. Диодор следует Клитарху, который при всей своей склонности сгущать краски все-таки слишком близок к этому времени, чтобы сообщать о рождении мальчика, когда родилась дочь. Мне кажется, что показанию Клитарха должно быть отдано преимущество перед Сатиром, называющим спустя 150 лет ребенка Клеопатры дочерью.

²⁷ Аминта, «сын Арравея», должен быть братом этого Неоптолема; будучи в Азии в войске, он, конечно, не принимал никакого участия в заговоре. Он отличился при азиатских походах.

К 3-й главе первой книги

¹ Мы не знаем дословного текста Коринфского союзного договора, поэтому нельзя сказать, была ли его редакция такова, чтобы ей можно было придать такое толкование.

² Таково выражение в речи, приписываемой Демаду.

³ Следует упомянуть также о почести, оказанной царю мегарянами, которые дали ему право гражданства в своем городе; Александр принял эту почесть потому, что они будто бы некогда оказали ее Гераклу.

⁴ Вероятно, к этому времени относится остроумно придуманное происшествие с Александром при посещении им Дельф. Когда пифия не пожелала пророчествовать, так как было не время (в зимние месяцы Аполлон считался отсутствующим), то Александр схватил ее за руку, чтобы силой подвести ее к треножнику; она воскликнула: «Ты neodолим, мой сын!», и Александр с радостью принял ее восклицание за оракул.

⁵ Источники не говорят, каким образом совершилось убийство; Диодор дает понять, что авторитет Пармениона восстановил повиновение в войсках.

⁶ Диодор говорит, что и те, и другие находились под командой Калы, получившего командование после Аттала.

⁷ Павзаний говорит об еще более ужасном роде смерти.

⁸ События в Магнезии, где главную роль играл персидский полководец Мемнон, относятся ко времени, предшествовавшему смерти Аттала, т.е. еще к 336 году.

⁹ Приведенные Клитом иллирийцы, очевидно, принадлежат к иному племени, чем иллирийцы, находившиеся под начальством Плеврии, с которыми Александр бился два года тому назад; они, вероятно, жили южнее последних, в горах и равнинах, орошаемых Эргентом и Деволом. В это время не упоминаются дарданцы, с которыми пришлось вести тяжелую борьбу еще Фи-

липпу и которые потом снова являются могущественной державой; места их жительства простирались от северного устья проходов Скупии по «долине черных дроздов» до того места Дрина, где эта река становится судоходной. Не был ли Плеврия князем дарданцев?

¹⁰ Страбон говорит, что автариаты вторглись в область трибаллов и покорили их.

¹¹ Из Геродота вполне ясны прежние места жительства трибаллов. Он называет *Ἰβήων Τριβαλλήων* вместе с этими двумя реками (*Ἀγγρός* и *Βρογγός*). Авторы не говорят положительно, что трибаллы, после своего разбойничьего набега на Авдери, поселились по ту сторону Гема, восточнее своих прежних мест жительства, несколько в стороне от Тимока и Искера, но это явствует из того обстоятельства, что после царя Филиппа геты не встречаются более на правом берегу Дуная.

¹² Истрианы, теснившие царя Атея, не тождественны с греками города Истра на берегу Добруджи, потому что о них говорят, что они имели царя. Я полагаю, что Thirwall был прав, предполагив, что под *Istriani* подразумеваются жившие по Дунаю народы нескифского происхождения; он предполагал в них трибаллов.

¹³ Пеоны занимали южную сторону проходов Скупии.

¹⁴ Достоверно, что после событий 330 и 323 годов еще существовал фракийский князь по имени Севф. Точно так же должен был быть фракийским князем сын Тириммы Агафон, командовавший в 334 году одризскими всадниками в войске Александра, равно как и Ситалк, начальствовавший в 334 году над фракийской пехотой в войске Александра.

¹⁵ Источники не сообщают, основывались ли эти зависимые отношения Византии на особых договорах или на присоединении города к Эллинскому союзу (предание об этом не говорит). Первая гипотеза более правдоподобна.

¹⁶ У нас нет сведений о величине армии. Но мы видим из Арриана, называющего три или, скорее, четыре илы всадников, что в армии было по меньшей мере 1500 всадников. Вместе с 2000 стрелков и агрианов, упоминаемых тоже, численность всей армии, вероятно, доходила до 20 000 человек. В армии были и метательные снаряды.

¹⁷ Это, вероятно, бессы, служители храма Диониса в горах.

¹⁸ Упоминаемого здесь Аррианом Филоту не следует смешивать с тем, который командовал в Кадмее, и с сыном Пармениона, который начальствовал над конницей.

¹⁹ Фракийское племя гетов еще в 340 году держало сторону царя Филиппа, потому что он воевал с теснившими их скифами царя Атея и победил его. Из похода Александра видно, что они

жили по северному берегу Дуная. Весьма возможно, что при своем выступлении Александр не имел в виду напасть на них, а потребовал от Византии кораблей против трибаллов. Но когда они стянули свои войска за Дунаем, Александр счет необходимым дать урок и им.

²⁰ Как мне это лично рассказывал один ботаник, видевший здесь в середине мая хлеб величиною в рост человека.

²¹ Корона Иллирии еще долгое время оставалась в роде Вардилиса и Клиты; иллирийцы не встречаются при походе Александра в Азию. Иллирийские князья не должны были признавать верховенство Македонии.

²² Так рассказывает Арриан, который сам был свидетелем этого штурма Фив.

²³ Эти цифры тридцати тысяч проданных и шести тысяч убитых приводятся Диодором, Плутархом и Элианом; они не представляются невозможными, принимая во внимание то, что сражались и были проданы не только фивяне, но и отпущенные на волю, и метеки.

²⁴ Рассказанные здесь факты разбросаны у Плутарха (Жизнь Демосфена и Фокиона), Диодора и Арриана; о Фокионе рассказывают, что он принимал участие во втором посольстве; Плутарх приписывает ему все переговоры с Александром и их счастливый исход.

²⁵ За таких князей или княжеских сыновей мы можем считать Ситалка, начальствовавшего над фракийцами, Аристона, предводительствовавшего пеонскими всадниками, Аттала, командовавшего агрианами, и, может быть, Агафона, командовавшего одризскими всадниками.

К 1-й главе второй книги

¹ В персидском царстве золотая валюта относилась к серебряной как 13,33 : 1, тогда как в торговле золото все более и более падало в цене.

² Расчет жалования производился статирами, следовательно, золотом; и мы знаем, что уже издавна было в обычае определять размер жалования в дариках, в статирах Кизика и т.д. Если теперь у Александра на службе было 30 000 человек с жалованьем по дариком в месяц, то он выигрывал на низком курсе золота несколько более 30 000 статиров ежегодно. Мы можем думать, что подобным же образом были заключены и контракты с поставщиками и т.д. Во всяком случае мы видим, что в монетной реформе возможно видеть финансовую меру.

³ Так было поступлено с 10 000 иллирийцев из Сарнонта; так была населена Колиба.

⁴ Существуют монеты Александра из Одесса, Месемврии, Каллатиды, Аполлонии и Дионисополя; но в классификации Müller'a они принадлежат к IV, V и VII классам и, должно быть, выбиты или во время Лисимаха, или после него.

⁵ Эти города на южном берегу Фракии, за исключением Перинфа и Селимврии, чеканили уже монеты Филиппа. Два последние города имели монеты Александра, относящиеся уже к I и III классам. Следовательно, после смерти Филиппа и по почину Александра они стали с Македонией в отпошения, отличавшиеся от отношений как Византии, так и Коринфского союза.

⁶ По Арриану, флот Александра при переправе в Азию состоял из 150 кораблей. Неизвестно, сколько в этом числе было македонских кораблей; мы можем думать, что Византия выставила в 334 году корабли на Геллеспонте, как в 335 — на Дунае; другие греческие города на фракийском берегу, вероятно, поступили точно так же. По словам Диодора, в этом флоте было 20 афинских кораблей.

⁷ Не следует смешивать этого Клита, по прозванию «черного», с носившим то же имя иллирийским князем.

⁸ Если Диодор не ошибается, говоря, что армию сопровождало 1500 фессалийских всадников, то следует заметить, что во время Язона Ферейского фессалийский контингент доходил до 6000 всадников.

⁹ Из одного места у Арриана видно, что фессалийские всадники служили в качестве союзников. Они находятся под начальством македонского гипарха (первым был Кала, сын Гарпала), как и доставленные греческими государствами контингенты (ими начальствовал Филипп, сын Менелая).

¹⁰ В общем итоге армию Александра составляли: с точки зрения национальности: 1) македоняне, разделенные по местностям на тяжелую конницу и тяжелую пехоту; 2) эллины, тоже отчасти разделившиеся по местностям; 3) варвары, фракийцы, пеоны, агрианы, одризы;

с точки зрения зависимости: 1) подданные царя, которые служат: одни как нечто вроде вассалов, другие как постоянные войска, а третьи как ополчение на основании всеобщей воинской повинности; 2) союзники, контингенты, выставленные союзными городами и князьями на основании договоров; 3) наемники, греческие и негреческие. Материалы, которыми мы располагаем, не позволяют нам определить, насколько фракийцы, одризы, пеоны и агрианы являются союзниками и насколько наемниками.

По родам войск распределение шло следующим образом:

I. КОННИЦА

Тяжелая:

македонская конница этеров (150—300 чел. в иле)	8 ил	1800 чел.
фессалийская конница.	« »	1200 « »
греческие союзники.	« »	400 « »
		<hr/> 3400 чел.

Легкая:

македонские сариссофоры.	8 ил	1200 чел.
пеоны.	« »	
одризские всадники.	« »	600 « »
		<hr/> 1800 чел.

Всего: 5200 чел.

II. ИНФАНТЕРИЯ

Гошлиты:

македонские педзетеры (в каждом такси-се около 3 лохов по 500 чел).	6 таксисов	9000 чел.
греческие союзники.	6 лохов	4000 « »
греческие наемники.	6 лохов	6000 « »
		<hr/> 19000 чел.

Пельтасты:

македонские гипасписты (этеры).	(5) таксисов	3000 чел.
греческие союзники.	« » лохов	1000 « »
греческие наемники.	« » лохов	1000 « »
фракийские аконтисты.	(4) таксиса	4000 « »
		<hr/> 9000 чел.

Легковооруженные:

македонские стрелки.	500 чел.
критские стрелки.	500 « »
аконтисты агрианы.	1000 « »
	<hr/> 2000 чел.

Всего: 30 000 чел.

Всего пехоты и конницы 35 200 чел.

Сюда надо прибавить еще маленький отряд Βασίλειοι παίδες (σώματοφύλακες), составляющий часть корпуса гипаспистов.

¹¹ К сожалению, наши источники совершенно молчат о тактическом устройстве конницы Александра, мы не знаем даже, шла ли она в бой построившись в три или в четыре ряда; точно так же мы не знаем, существовала ли в сражении какая-либо установленная форма колонн, которые подкрепляли и усиливали ее ряды.

¹² Найденная в Геркулануме бронзовая статуэтка сражающегося всадника, изображающая если не Александра, то во всяком случае одного из 25 павших при Гранике этеров, представляет нам всадника с высоко занесенной для удара мечом правой рукой, правой ногой упирающегося сзади в круп лошади и вытянувшего левую ногу далеко вперед, — положение, если оно вообще только возможно, больше подходящее для вольтижера, чем для заурядного наездника.

¹³ Когда Арриан говорит о том, что вместе с другими высшими офицерами созывались этеры и занимали первые места, или же они созывались и одни, то он, конечно, не понимает под ними сотен этеров, входивших в состав конницы.

¹⁴ Имеющийся у нас налицо материал не позволяет нам дать ответ на множество представляющихся здесь технических вопросов; но полезно отдать себе отчет в остающихся, благодаря этому исследованию, пробелах. Из битвы при Пелионе видно, что при войске находились полевые орудия. Число лошадей, которых необходимо было содержать, увеличивали не только упряжные лошади для этих машин и для телег с багажом и провиантом; по изданному Филиппом постановлению каждый всадник имел право брать с собою только одного конюха; но, конечно, этот конюх был тоже верхом; один сведущий в этом деле человек заметил мне, что, если считать, как теперь, на лошадь по четыре мерки овса или ячменя в день и — что было вдвойне необходимо при походе в Азию — брать с собою фураж на три дня, то вторая лошадь не могла нести на себе кроме конюха еще массы сена и 24 мерки зерна, но необходимо было иметь лошадь в поводу или вьючное животное, которое в то же время могло бы понести пожитки этера. Конечно, это относится одинаково к фессалийской и к македонской коннице; считая в них обеих вместе 3000 воинов, мы получаем уже 9000 лошадей; относилось ли это устройство к греческим всадникам, сариссофорам и пеонам, мы не знаем. По словам Фронтинана, каждым десяти фалангистам было разрешено иметь одного носильщика; у союзников и наемников, вероятно, было то же самое. Конечно, при главной квартире царя должны были находиться капеллярная, интендантское управление, казначейство и т.д. Между прочим упоминается, что Гарпал, один из изгнанных в 337 году друзей Александра, физически не

способный к военной службе, получил в свои руки заведование казной царя, что другой из этого же кружка, митиленец Лаомедонт, был назначен присматривать за пленными варварами. И, вероятно, Βασίλειη τεραια, о которой говорит Арриан, представляла собою лазарет и т.д.

¹⁵ По канону царей, царствование царя Арзеса кончается в течение 413 года эры Набонассара, т.е. ранее декабря месяца 336 года, а по Диодору, Дарий III Кодоман взошел на престол около того времени, когда Александр наследовал своему отцу.

¹⁶ Этой властью он был облечен не ранее весны 334 года. Его отец не тот Гарпал, который известен своим крупным процессом в Афинах (324/3), но тот, о котором упоминает Демосфен в своей речи против Аристократа по поводу одного события 367 года.

¹⁷ Так говорит Арриан. Диодор дает 10 000 всадников и 100 000 пехотинцев, а Юстин даже 600 000 человек.

¹⁸ Близость этого сильного флота, вероятно, побудила остров Тенедос принять сторону Александра и эллинов.

¹⁹ Полиэн во второй серии своих заметок рассказывает, что Александр, чтобы возбудить в персах подозрение против Мемнона, приказал фуражирам пощадить его владения.

²⁰ Поле битвы точно определено планом, снятым на месте Н.Кьергетом в 1842 году. Оно находится как раз ниже того места, где ведущая от Геллеспонта в Брусу дорога пересекает Бига-чай (Гранич); прежнее ложе реки, сделавшееся теперь болотом, примыкает с запада к возвышенности, тянувшейся километров на шесть в северо-восточном направлении и спускающейся к прежнему ложу реки обрывом в 10—13 метров вышины.

²¹ Это ила Сократа, который был налицо, как это видно из Арриана. Если, несмотря на присутствие иларха, этой илой командует Птолемей, то мы должны признать в нем соматофилака, встречающегося у Арриана, и этот факт характеристичен для определения положения семи соматофилаков.

²² По словам Плутарха, эти греческие наемники желали сдаться па канитуляцию. Весь вопрос в том, каких условий они потребовали; если они потребовали свободного пропуска к персидскому царю, то, уничтожая их, Александр делал то, что должен был сделать. Страннее то, что эти 20 000 греков в этой отчаянной борьбе не могли сделать ничего более, как позволить изрубить себя в куски. Плутарх говорит, что битва с этими наемниками была причиной главных потерь Александра.

²³ Анекдот об обещании Александра эфесцам окончить постройку их храма, если ему будет разрешено вырезать свое имя на фризе здания, относится к более позднему времени, как показывает анахронизм в ответе одного эфесца: богу не подобает посвящать храм богине.

²⁴ Диодор говорит, что некоторые писатели видели в распушении флота стратегическое средство, употребленное царем, чтобы принудить македонян к храбрости, сделав их возвращение невозможным. Такое средство делало бы весьма мало чести стратегическому таланту царя и мужеству его войска.

²⁵ Земляные работы при осаде и сооружении машин с уверенностью позволяют заключить, что в армии Александра была представлена и техническая часть, хотя мы и должны принять, что работы, которые предписывались и были руководимы инженерами, исполнялись самими сражающимися. Никаких подробностей относительно этого наши источники не дают.

²⁶ Так как Арриан не прибавляет имени отца, то не понятно, кто этот Птолемей; быть может, это тот, который начальствовал над фалангой при Иссе.

²⁷ Аминта командовал обычно илами сариссофоров; всадники не шли в бой вместе с пехотой.

²⁸ Надписи подтверждают, что имя сатрапа было удержано официально.

²⁹ Таковы найденные в Санде в 1863 году золотые монеты Родоса, Киоса и Пергама; таковы далее принадлежащие к этому времени серебряные монеты Халкидона, Эфеса и Родоса; особенно характеристичен Эфес, так как существуют монеты с пчелой Эфеса и надписью ΑΡΣΙ, следовательно, от того времени, когда город по имени супруги Лизимаха назывался Арсиноей, и вес этих монет не равен весу драхм Александра.

Ко 2-й главе второй книги

¹ Это, несомненно, тот же Игилох, который командовал авангардом при походе к Гранику. В помощники ему был дан Амфотер, брат Кратера.

² В Карию было оставлено 3000 наемников и 200 лошадей, перед Келенами — 1500 человек, затем были оставлены гарнизоны в Сиде, в Лидии и в Малой Фригии, т.е. около 3000 человек; вряд ли эти 8000 человек могли быть усилены наемниками, которые время от времени переходили с персидской службы на македонскую, и мы не имеем никаких верных следов того, чтобы какие-нибудь контингенты азиатских греков присоединились к македонским войскам. Каллисфен определяет численность армии Александра в битве при Иссе в 45 000 человек пехоты и в 5300 всадников; он забывает вычесть отсюда тех, которые были командированы в другие места и гарнизоны.

³ Другой рассказ об этом событии дает Аристовул: царь вышил затычку, которая была продета в дышло и не давала распу-

титься узу. Если даже этот рассказ верен, то, несомненно, все войско предпочитало верить разрублению мечом, чем действительно ничтожной операции с затычкой, и пересказывало дело таким образом; как в яйце Колумба, доказательством гения служит не результат, но новизна решения.

⁴ Александр так медлил со своим выступлением из Гордия не для того, чтобы найти подножный корм на полях; уже в мае на высокой фригийской равнине трава достигает своего полного роста. Выступление Александра должно было последовать тогда, когда пришло известие, что наемники флота получили приказ прибыть в Триполь; он должен был выступить в начале июля. Если Александр шел через Анкиру, то он избрал свой путь не к югу через солончаки, но по большой дороге через Галис, на что и указывает Арриан, говоря, что Александр, вероятно, прибыл в Киликию в начале сентября.

⁵ По словам Курция, Александр сам вступил в Пафлагонию; положительное свидетельство Арриана доказывает противное. Что Пафлагонией управлял тогда Мифридат, сын Ариобарзана, почти не подлежит никакому сомнению после слов Диодора; это тот же самый Мифридат, который впоследствии находился в такой дружбе с Антигоном и его сыном Димитрием и который, несмотря на всевозможные перемены, сохранил все-таки до 302 года, когда ему наследовал Мифридат III Основатель, часть своей власти, как ее называет Диодор.

⁶ Н. Drouseop доказал, что Каппадокия уже во времена Датама (около 360 года) разделялась на две сатрапии: Каппадокию Понтийскую и Каппадокию Таврскую, как ее называет Страбон.

⁷ Этим именем, во всяком случае странным, называет его Арриан, у Курция он называется Абистаменом.

⁸ Мемнон рассказывает, в какой тревоге был тиран Гераклен Дионисий.

⁹ Мы имеем право предположить, что от внимания Александра не скрылась важная, господствующая над путем в Армению позиция Мазаки (Цезарси), лежавшей у подножия горы Ардиш в равнине реки Мелан. Отсюда между Ардишем и горною крепостью Норой, которой суждено было приобрести такое значение при диадохах, он двинулся к Тиане (вероятно, Килисса-Гиссар).

¹⁰ Сенека говорит, что Олимпиада прислала ему в письме предостережение. Аристовул не говорит о купанье в Кидне, но говорит, что царь заболел от чрезмерных трудов.

¹¹ Что свобода, данная здесь греческим городам, не была свободой, дарованной западному берегу Малой Азии, это мы увидим ниже. По словам Арриана, около этого времени несколько триер Сол и Малла еще находились в составе персидского флота.

¹² По словам Диодора, Александр продолжал преследование на расстоянии 200 стадий. Город Никополь, который он основал при восточном выходе из Аманских теснин, вероятно, указывал на то место, до которого он преследовал.

¹³ Арриан говорит, что количество доставшихся в добычу денег «не превышало 3000 талантов»; он подразумевает таланты серебра.

¹⁴ Этот рассказ, часто упоминающийся у древних авторов, мог бы возбуждать сомнения особенно потому, что Александр в одном, вероятно, несколько позднее написанном письме утверждает, что никогда не видел супруги Дария; это утверждение повторяют Плутарх и Афиней; к сожалению, очень трудно доказать подлинность этого письма.

¹⁵ Таковы цифры Диодора; Юстин называет 130 пехотинцев и 150 всадников; Курций насчитывает 32 пехотинца, 150 всадников и 504 раненых.

¹⁶ По словам Курция, Аминта повел 4000 бежавших греков в Триполь и на Кипр; по словам Диодора, 8000 наемников, спасшихся при Иссе, берет к себе на службу Агис, а Аминта отправляется с 4000 в Триполь и далее на Кипр, где он вербует себе больше наемников. Арриан говорит, как и стоит в нашем тексте, что предводителями этих беглецов были Аминта, сын Антиоха, Фимонда, сын Ментора, Аристомед Ферский и акарнанец Виа-нор.

¹⁷ Что «царь требует от царя», в этом, по мнению Дария, по-видимому, заключалось важное признание равенства, которого царь царей обыкновенно не признавал ни за кем.

¹⁸ Курций говорит о тридцати тысячах человек; эта цифра не заключает в себе ничего невероятного, если мы будем считать подлинным отрывок из донесения Пармениона Александру, содержащий перечень только небольшой части всего громадного количества добычи. Там сказано: «Я нашел 329 служанок царя для музыки и пения, 46 служителей для плетения венков, 277 поваров для приготовления кушаний, 29 новаров у плиты, 13 молочников, 17 слуг для приготовления питий, 70 для согревания вин и 40 для приготовления ароматов». — Полиэн рассказывает о военной хитрости, употребленной Парменионом для перевозки добычи на вьючных животных.

¹⁹ Рассказывают, что сам Александр наполнил первый габион землею и принес его, после чего македоняне с громкими криками восторга принялись за эту трудную работу.

²⁰ По словам Курция, карфагеняне, от которых только что прибыло торжественное посольство, тоже обещали помочь, но впоследствии извинялись тем, что им помешала высадка сираку-

зян на берег Африки. Хотя у Диодора недостает истории Сицилии именно за эти годы, между смертью Тимолеона и вступлением на престол Агафокла, но о подобном нападении сиракузян на берега Африки мы не встречаем ни слова ни у одного другого писателя и, само по себе, при тогдашнем состоянии Сиракуз и Сицилии оно весьма маловероятно.

²¹ «Прощение — потому что они скорее по принуждению, чем добровольно бились за персов» — не есть высокомерие, как это говорили. В той или иной форме царь был передовым бойцом эллинизма, и он имел все основания твердо держаться этого принципа. Что родосцы и киприоты только теперь стали на сторону греческого дела, обращало такую *ἄβεια* в необходимость, если смотреть на них как на греков, а не как на перебежчиков.

²² Упоминаемые здесь племена есть позднейшие итурей (т.е. дурзы или друзья средних веков), против которых воевал с той же целью Помпей. Курций, со своей стороны, полагает, что Александр воевал против арабов, потому что они перебили несколько македонян, когда те рубили кедры на Ливане.

²³ По словам Курция, таких было 10 000 человек. Между прочим, мы имеем и свидетельство Страбона, что Тир скоро снова стал значительным и богатым торговым городом.

²⁴ Нужно заметить, что ни один из древних писателей не высказывается ясно по этому пункту. Но в пользу нашего изложения говорит, кроме связи событий, и позднейшая история; при раздорах диадохов упоминаются цари на Кипре и в Сидоне, Библие и Араде, но македонские фрурархи в Тире.

²⁵ Полное молчание заслуживающих веры писателей не позволяет нам прийти к точным выводам касательно политики, которой держался Александр по отношению к Иерусалиму и Самарии. Те сведения, которые приведены нами в тексте, находятся у Иосифа. По талмудическим преданиям куфеи Самарии просили у Александра позволения разрушить храм в Иерусалиме, после чего к нему явилось торжественное посольство евреев, выхлопотавшее себе, со своей стороны, разрешение разрушить храм в Гаризиме. В действительности же этот храм был разрушен гораздо позднее во времена Иоанна Гиркана. Из Арриана видно, что после взятия Дамаска Парменион сатрапом Келесирии был назначен Менон, сын Кардиммы; это, очевидно, тот самый Менон, который позднее был отрешен от должности за то, что не позаботился надлежащим образом о продовольствии войска во время его перехода из Египта к Евфрату. По Курцию, Парменион при своем выступлении из Дамаска в Тир передал управление Сирией Андромаху; ниже Курций говорит, что Александр при своем выступлении из Египта узнал, что самаритяне умертвили Андромаха; он наказал их и назначил Менона его преемни-

ком, но это рассказ не выдерживает критики в сравнении с текстом Арриана. Словом, все относящиеся к Иерусалиму и Самарии сведения до такой степени противоречивы, что мы должны отказаться от надежды извлечь из них прагматическую связь событий.

²⁶ Но не монеты Тира, которые относятся к пятому классу, и следовательно, чеканены после 306 года.

²⁷ Романические описания жизни и подвигов Александра делают из этого жертвоприношения настоящее помазание в фараоны, как оно снова было введено в Египте при преемниках Александра, начиная с Птолемея V.

К 3-й главе второй книги

¹ Таков рассказ Плутарха; он еще более приукрашен у Курция. Что этот рассказ читал и Диодор, видно из того места, где он, незадолго до битвы при Гавгамеле, упоминает о смерти царицы; здесь же помещает свой рассказ и Курций. Он, несомненно, взят из Каллисфена и приукрашен далее Клитархом. Арриан тоже упоминает об этом рассказе; он ничего не знает о беременности и смерти Статир; евнух бежал «вскоре» после битвы при Иссе. Смерть при родах могла произойти только в это время, а в том виде, как ее излагает риторическая традиция, она выходит насмешкой над всякой хронологической возможностью.

² Численный состав персидской армии показан по Арриану.

³ Аристовул говорит, что Александр возвратился той же самой дорогой; Птолемей же говорит, что он направился прямой дорогой к Мемфису. Последнее, несомненно, вернее, так как теперь, после договора с Киреной, дорога крутом через Паретоний и Александрию не имела бы более никакой цели.

⁴ Как ни отличны эти учреждения Египта от учреждений времени Лагидов, но они должны быть объяснены из них.

⁵ В этом месте Арриан, по-видимому, пропустил ариев, которых он упоминает в своем первом каталоге; упоминаемые там горные индусы стояли, несомненно, рядом с арахозийцами и находились под предводительством их сатрапа. Арриан передает со слов Аристовула, что потом среди добычи был найден письменный план расположения персидских войск.

⁶ Это был один из последних дней месяца Воздромиона, а на этот месяц указывало пророчество Аристандра.

⁷ Плутарх, подробно описывающий доспехи, — меч, шлем и т.п., — которые были на Александре в этот день, говорит, что только теперь, когда началась атака, Александр, сел на Буцефала, которого он шадил по его старости.

⁸ Несколько иначе рассказывает дело Полиэн: Парменион дает знать, что лагерь в явной опасности и что необходимо спасти обоз; царь отвечает, что из-за этого нельзя расстраивать порядка битвы; разбитые они не будут более нуждаться в обозе, а одержав победу, они будут иметь и свой собственный обоз, и обоз неприятеля.

⁹ Это видно из того, что здесь были ранены Кен и Мелида.

¹⁰ По Плутарху, Александр после этого сражения принял титул βασιλεὺς τῆς Ἀσίας, устроил торжественные жертвоприношения, раздал крупные подарки и послал к эллинам рескрипт, гласивший, что все тираны низложены и города должны быть автономными, послал приказ платейцам снова выстроить их город, а кротониатам — часть добычи за то, что они некогда принимали участие в битве при Саламине.

¹¹ Или, вернее, по первой террасе.

¹² По Диодору, Агафон имел с собою 700 человек, а по Курцию — 700 македонян и 300 наемников. Замечателен, по крайней мере как масштаб, рассказ Диодора о полученной войсками доле добычи: каждый из всадников получил 600 драхм, каждый македонский фалангист — 200 драхм, каждый наемник — жалование за два месяца; как велико было жалование, мы не знаем.

¹³ Так как речь главным образом идет о казнохранилище Сузы, то этот Филоксен мог быть казначеем, назначенным в Переднюю Азию; по крайней мере другой Филоксен в войске Александра не известен.

¹⁴ По Курцию и Диодору, Александр останавливается со своими войсками на равнине Ситакены по дороге в Сузу, чтобы дать им время оправиться от излишеств и пьянства, которое чуть было не погубило войска в Вавилоне. Оставалось только не очень много времени, если главная армия желала пройти в двадцать дней расстояние в шестьдесят миль.

¹⁵ По Диодору и Курцию, тут было 6000 человек пехоты и 500 македонских всадников, 600 фракийских всадников, 3500 человек фракийской пехоты, 400 наемников из Пелопоннеса и почти 1000 (у Курция 380) всадников и, кроме того, 50 знатных македонских юношей.

¹⁶ Расстояние от Бабехана до Келак-и-Сефида равно 35 фарсангам, приблизительно 27 милям. Эта дорога описывает к югу большую дугу, хорда которой и составляет предполагаемую дорогу царя; следовательно, равняется чему-то около 20 миль.

¹⁷ Общая сумма сокровищ, по Курцию и Диодору, равнялась 120 000 талантов.

¹⁸ Клитарх, Секюр Александра, сочинивший истории хотя и с необыкновенным талантом, но в ущерб исторической правде,

неистошим в остроумных анекдотах об этой проведенной в Персеполе зиме. Эти греки, которые поседелые, изуродованные, заклеянные, полные стыда и отчаяния, выходят навстречу царю, это распоряжение о предании смерти жителей, этот пир царя, наконец эта афинская танцовщица Фаида, которая, приведенная в экстаз пляской, схватывает с жертвенника факел и бросает его во дворец и примеру которой следуют, опьяненные вином и дикой радостью победы, Александр и его приближенные, — все эти сказки, которые были почерпнуты из одного источника и с такой верою повторялись целым рядом позднейших писателей, что с течением времени приобрели характер исторической достоверности.

¹⁹ Так прямо говорит Плутарх.

К 4-й главе второй книги

¹ Оба эти факта заимствованы из Курция; командующим над цитаделью он называет Никархида, а предводителем свежих войск — афинянина Платона.

² Об этих сокровищах Экбатаны упоминают также и восточные авторы. Численный состав сопровождавших Дария войск мы привели по Арриану. Курций определяет его в 30 000 человек легкой пехоты, 4000 греков и 3500 всадников, преимущественно бактрских.

³ Добросовестные исследования Ouseley с точностью определили положение Раг; в двух часах пути к юго-востоку от Тегерана он нашел обширные развалины.

⁴ Следует предположить, что Бесс, как, вероятно, и прежние князья Бактрии, пользовался верховной властью над восточной частью империи в звании карана.

⁵ Это произошло в июле 330 года.

⁶ Курций рассказывает, что уже при атаке многие знатные персы и персиянки попали в руки Александра; он называет при этом внуку царя Оха и брата царя Дария Оксафра. По Курцию, Артабазу было 95 лет и с ним было 98 сыновей.

⁷ Ланика, жена Андроника, была кормилицей Александра и сестрою Клита; адмирал Протея был сыном Андроника.

⁸ Здесь находится проход Пиль-Рудбара, на пути из Казвина в Решт.

⁹ То же испытал в этих местах Тимур.

¹⁰ При одной атаке, как рассказывают, варвары захватили, между прочим, боевого коня царя, Буцефала; царь пригрозил

вырезать все их племя, если они не возвратят лошади, и они поспешно возвратили ее. Этот анекдот находится у Курция, Плутарха и т.п.

¹¹ Время этих событий не поддается теперь точному определению; Юстин рассказывает о трех известиях, полученных Александром в одно и то же время в Парфии (следовательно, в августе 330 года): известий о смерти молосского царя, о поражении Зопириона и о войне Агиса, но это доказывает немногое.

¹² Имя Севф не раз встречается в доме одризских царей. Котис, царствовавший от 380 до 357 года, был сыном царя Севфа, известного нам из последних лет жизни Алкивиада. По смерти Котиса его три сына разделили между собою царство. Керсоблент, вероятно, получил царство в собственном смысле, на Гебре, и в 353 году Кардия находилась под его властью; здесь к его владениям примыкали владения его брата Амадока, простиравшиеся на восток до Маронеи. Третьему брату, Вирисаду или Варисаду, достались, по-видимому, земли от Маронеи на восток до старой македонской границы, заключавшие в себе изобиловавший золотом Пангей. Весьма естественно предположить, что они именно и принадлежали к старинному роду одризских царей. Точно так же естественно предположение, что Ситалк, предводительствовавший в армии Александра 5000 фракийских аконтистов, происходил из того же дома и, может быть, был старшим сыном Керсоблента.

¹³ Из Стефана Византийского видно, что этим именем назывались бессы; назывались ли этим именем только одни бессы или оно распространялось так же и на другие три племени, которые кроме того называет Страбон в цитируемом Стефаном Византийским месте, — этого мы теперь не в состоянии определить.

¹⁴ Курций в своем подробном описании битвы следует Клитарху, как это видно из того, что Диодор говорит о смерти Агиса. Число павших со стороны спартанцев оба эти автора определяют в 5300 человек; со стороны македонян, по Диодору, пало 3500 человек. Время этой битвы мы можем определить по речи Эхина против Ктезифонта, которая была произнесена перед Пифийскими играми (сент. 330 года) и после понесенного Агисом поражения; можно считать почти несомненным, что эта битва произошла после мая 330 года.

К 1-й главе третьей книги

¹ Мы обходим здесь рассказ о недовольстве войска, его тоске по родине и о снова пробужденном в нем речью царя воинственном духе. И хотя Плутарх и приводит письмо царя, в кото-

ром есть некоторые о том сведения, но это письмо, точно так же, как и рассказ об этом событии у Курция, носит характер риторической выдумки. Того же происхождения и рассказ о царице амазонок Фалестриде.

² Этот факт подтверждается Аррианом. То же говорит о Страбоне.

³ Подробности относительно местоположения этого города изложены в Приложении об основанных Александром городах (в Приложении ко II тому).

⁴ Очевидно, войска прибывали в Сузию несколькими походными колоннами и они должны были пройти через горы Хорасана по большим дорогам.

⁵ Теперь невозможно определить положение населенных пунктов этой местности. По Птолемию, Артакоана лежит на 40° западнее и на 10° севернее Александрии арейцев или Герата.

⁶ Александр, по-видимому, основал здесь город своего имени (ср. Приложение ко II тому).

⁷ Это проходы Келата и Ургундаба.

⁸ По Плутарху, Димн, оказавший яростное сопротивление при своем аресте, был заколот присланным арестовать его лицом; это или невероятно, или является тем большим свидетельством серьезной опасности, так как в этом случае сам посланный поспешил в интересах Филоты умертвить человека, показание которого могло открыть все.

⁹ По словам Курция, присутствовало шесть тысяч македонян, крутом них теснились слуги, конюхи и т.д.; остальные войска, должно быть, были расположены на квартирах.

¹⁰ Это, по-видимому, относится к доносам, подобным тому, какой, по словам Плутарха, сделала царю через Кратера и, наконец повторила ему и лично прекрасная Антигона из Пидны, взятая в плен в Дамаске и сделавшаяся затем наложницей Филоты.

¹¹ Быть может, вследствие известия, присланного Олимпиадой.

¹² У Арриана Птолемей получает отряд, в котором было $\tau\eta\nu \epsilon\tau\alpha\sigma\phi\omega\nu \iota\kappa\alpha\rho\chi\iota\alpha\iota \tau\sigma\alpha\zeta$. Уже из этого видно, что речь шла не только о замене отпущенной на родину фессалийской конницы. Позднее — три гипархии этеров; при походе в Индию упоминаются шесть гипархий с именами своих гипархов; из текста Арриана можно заключить о существовании восьми гипархий, не считая агемы.

¹³ На колонне Траяна мы видим, что римские солдаты при походе в Дакию носили штаны. Из Иосифа известно, что римские солдаты подбивают подошвы гвоздями.

Ко 2-й главе третьей книги

¹ Курций описывает пройденную местность как страшную пустыню, причем он положительно преувеличивает и говорит о лежащих по эту сторону Окса землях то, что отчасти правильно относительно Птолемея.

² Тожество Мараканды с нынешним Самаркандом основывается не только на сходстве названий. Жители Востока считают этот город основанным Александром.

³ Нельзя точно сказать, что греки понимали под словом «гипарх»; у Ксенофонта Язон Ферский называет царя молоссов Алкету своим гипархом, то же самое слово у Арриана означает и просто начальствующее лицо второго разряда, а Мазея он называет то сатрапом, то гипархом Вавилона.

⁴ Только Ходжент имеет то важное в военном отношении положение, которое могло соответствовать планам Александра; он всегда был ключом к Фергане и Мавельнахару, постоянным пунктом вторжений с той и с другой стороны и главной станцией больших дорог, пролетающих между Самаркандом и Кашгаром; походы Чингисхана, Тимура, Бабера и свидетельства восточных географов представляют бесчисленное множество примеров сказанного. Султан Бабер говорит, что этот город очень стар, что его цитадель лежит на отстоящем на ружейный выстрел от реки скалистом выступе, у подножия которого река поворачивает к северу и прокладывает себе далее путь по пескам. Птолемей указывает на этот изгиб Яксарта как на границу Согдианы.

⁵ Александр мог опасаться, что после неудачного нападения Зопириона на Борисфен скифы Дона произведут набег на дунайские земли, тогда как это скифское посольство, несомненно, явилось не столь издалека, но самое большее — с низовьев Волги.

⁶ На положение Хоразмии указывает ее теперешнее имя. Выращения Фаразмана, приводимые Аррианом, и ответ Александра, что он не желает теперь вторгаться в область Понта, могли бы, по-видимому, подтвердить предположение, что Александр смешал Танаис Европы с Яксартом; в противном случае непонятно, как он мог потребовать, для похода в Понт, помощи хорезмиев, живших у Аральского озера, и как Фаразман мог называть себя соседом кояхов. Мы должны предположить эту ошибку не у Александра, а у преувеличивавших македонян. Верные люди, отправившиеся вместе с посольством европейских скифов, должны были принести более верные сведения об Аральском озере и о Каспийском море.

⁷ Иначе, романически, изображает Курций смерть Спитамена; по его словам, его жена отрезает ему голову и сама приносит ее Александру.

⁸ Как далеко прошли войска Александра в глубину страны, мы теперь не можем определить. Марко Поло, Бабер и другие сообщают, что князья Бадакшана и Дерваза хвалятся своим происхождением от Секандер Филкуса (Александр, сын Филиппа). Странный путешественник Вольф слышал, что князья Малого Капгара хвалились тем же самым.

⁹ По Курцию, это бракосочетание происходило еще до его возвращения в Бактру.

¹⁰ Александр рассердился раз на Гефестиона, который повздорил с Кратером; он, как говорят, сказал ему, что тот должен быть сумасшедшим и безумным, если не понимает, что он стал бы более чем ничем, если бы у него кто-нибудь отнял Александра.

¹¹ Эту историю, как сообщает Гермийн у Плутарха, рассказывал Аристотелю Стрив, чтец Каллисфена. По словам Плутарха, Аристотель сказал: Каллисфен хотя и был великим и могучим оратором, но не имел рассудка.

¹² Какие ложь и путаница царили в преданиях об этой истории, показывает, между прочим, то, что, по словам Юстина, Лизимах, упоминающийся здесь как противник Каллисфена, был брошен царем на съедение льву, так как он был самым верным приверженцем его, — история, которую подвергает основательной критике Курций.

К 3-й главе третьей книги

¹ Так заключает K. Ritter («Über Alexander am Kaukasos», 1829) из имени Хоасп и других имен этих местностей.

² Из тона, в котором Александр посылает свои предписания этим государям у Арриана, мы можем заключить, что этому предшествовали переговоры.

³ Общие выражения, в которых Арриан говорит о прибывших в войско с 333 года подкреплениях, не позволяют нам вычислить их количества. Сведения Клитарха у Диодора и Курция полнее, но не заслуживают доверия; по этим сведениям, в войско прибыло:

в Сузе	пехоты	13 500	конницы	2100
в Мидии	« »	5000	« »	1000
в Дрангиане	« »	5600	« »	930
в Бактрии	« »	17 000	« »	2600

41 000

6630

⁴ Арриан называет всадников из Арахозии и земли паропамизов, затем бактрских, согдианских и скифских всадников и дакских конных стрелков.

⁵ Плутарх насчитывает, при начале плавания по Инду, 120 000 человек нехоты и 15 000 всадников.

⁶ При походе в Индию называются по именам следующие таксисы: сперва старые, таксисы Кена, Полисперхонта и Мелеагра; таксис Кратера называется в последний раз при последней экспедиции в Бактрию и должен был или остаться в Бактрии, или вследствие полученного Кратером высшего назначения был передан другому стратигу; затем упоминавшиеся уже при походе в Бактрию таксисы Филоты, Алкеты, Атталы, Гортия, Клита, несомненно, «белого» Клита), и Валакра; наконец, называются еще таксисы Филиппа, Пифона и Антигена. Так как во время диадохов Антиген несколько раз называется предводителем гипасписитов, то из слов Арриана вытекает, что таксис Антигена не был тяжелой пехотой, не был так называемой фалангой. Филипп, сын Махата, был еще до битвы при Гидаспе назначен сатрапом Индии, и если этот же Филипп был ранее стратигом этого таксиса, то в таком случае теперь его, конечно, получил другой стратиг, может быть, Пифон, сын Кратеры. — Кадры македонской конницы этеров все более и более увеличивались с 330 года; по Арриану, в войске, кроме агемы конницы насчитывалось восемь гипархий, из предводителей которых в разных местах называются пятеро: Гефестион, Пердикка, Димитрий, Кратер и Клит. Агемой предводительствует Кен. Единственное сведение о численном составе этих гипархий даст нам битва при Гидаспе, что четыре таких гипархий, вместе с согдскими, бактрскими и скифскими всадниками и с 1000 дакских конных стрелков, составляли 5000 человек. Если в этой битве пало 20 этеров и 200 варваров, то это, разумеется, не дает нам мерил для определения численного состава того и другого корпуса.

⁷ Был ли это проход Кипчак, или Базарак, или другой какой-нибудь — мы определить не можем.

⁸ Это был отец Валакра, который в то время был наместником Киликии.

⁹ Из того обстоятельства, что границей этой сатрапии называется река Кабул, мы можем заключить, что страна к югу от этой реки была присоединена к сатрапии «по эту сторону Инда», или, еще вероятнее, к Арахозии.

¹⁰ В приложении об основанных Александром городах я заметил, что Никсея не была древней столицей этой страны, Кабурой (или Ортоспаной), и Лассен согласился с этим мнением. Если Александр посетил Кабуру (Кабул), то это произошло во время его похода из Арахозии в Паропамиз, в начале 329 года.

Если бы Беграм не лежал так близко к Александрии, то Никою можно было бы искать там.

¹¹ Авторы не говорят нам, но это лежит в природе вещей, что движение Александра двумя колоннами на юг и на север от Коптена имело указанную в тексте цель. Проходы Курама на юг от Сефид-Кула царь оставил в стороне, так как они децентрализовали бы его движение. Иным образом мотивирует операции Александра Страбон: «Он узнал, что земля на севере и в горах плодородна и густо заселена, южные же местности или совершенно безводны, или там, где текут реки, отличаются палящим зноем и более удобны для зверя, чем для человека; поэтому, а также и потому, что, как он думал, ему будет легче переправиться через эти реки ближе к их источнику, он избрал самый северный путь».

¹² Из четырех дорог, ведущих из Кабула к Инду, только дорога Ламгхата ведет вдоль Кабула к устью этой реки, изберем ли мы проход Хейбера на южном берегу реки Кабула или гораздо более недоступный проход Каррапы на ее северном берегу. Недостаточное знакомство с этими землями не позволяет еще нам хорошо уяснить себе похода Александра по гористой стране на левом берегу реки Кабула, а именно: мы не имеем никаких точек опоры для определения места городов и крепостей, упоминаемых по ее течению. Только одно место определено вполне точно генералом Cunningham'ом — место крепости Аорн, плато Рани-Гата, и по описанию развалин на этом «царском камне», которое дает Dr. Bellen, мы, несомненно, должны признать в них постройку эллинистической архитектуры.

¹³ Арриан не называет имени этого города, а говорит только πόλις ψήσιμενη.

¹⁴ Я не счел нужным распространяться об этих сказках подробнее, чем это необходимо для уяснения прагматической связи событий; несомненно, у Александра это было не простым суетным желанием соперничествовать с завоевательными походами Диониса, когда он радовался, видя, что эта гордая вера распространяется в его войске. Частая смена обитателей всей этой области делает невозможным дать точные этнологические указания. Может быть, мы можем отождествить народ нисейцев, которых Арриан называет не индусами, со старинным туземным народом кафров; еще и теперь эти племена ведут дионисийскую жизнь; их флейты и тамбурины, их пиры и бега с факелами, затем европейский климат и европейская природа этой страны, — все это действительно могло произвести на окружающих Александра лиц такое впечатление, которое делает понятной и характеристичной эту сказку о Дионисе. Воспоминания этих народов об Александре, за потомков-македонян которого они выдают себя, если не правдивы, то все-таки весьма интересны.

¹⁵ Источник Курция и Юстина заканчивает это нападение любовной историей между Александром и царицей-матерью; он подвергает доверие читателей тяжкому испытанию, когда сообщает, что эта благородная женщина своею красотою победила победителя и родила ему сына, который был назван Александром. У Диодора, после пробела, упоминается царица, изумленная великодушием Александра; затем, после небольшого пробела, следует рассказ, в котором мы приблизительно узнаем ход борьбы за Массагу, как ее сообщает Арриан. Утверждение, что индусы были повергнуты в величайший ужас движущейся башней Александра, лишено всякого смысла, тем более что писатели неумолимо приводят, как самые обыкновенные в Индии, гораздо более изумительные вещи.

¹⁶ Положение этих двух городов можно определить по принятому войсками направлению; Ора лежала ближе к владениям Авизара, Базира — недалеко от Аорпа и от устья Кофена. Авизар не сам явился на помощь Оре, но убедил оказать ей помощь индусов соседних с Ороу гор.

¹⁷ Из посольств Авизара к Александру видно, что он был государем Кашмира; его союз против Александра с Пором, с одной стороны, и с жившими на запад от Инда народами, с другой, только и возможен в Кашмире.

¹⁸ Таковы Акуфис в Низе, Сангей на южном берегу Кофена, Кофей и Ассегет, гипарх ассакенцев, которых называет Арриан, а также и все те, которые явились в Никсею; Таксил тоже, по видимому, получил некоторые земли на западном берегу Инда. Все эти государи обязались выставить войска по требованию Александра. — Арриан называет сатрапом индийской сатрапии того же самого Никанора, который уже был стратигом у Паропамиза; быть может, это ошибка; позднее, по крайней мере, этим стратигом называется только Филипп.

¹⁹ Здесь, рассказывают македоняне, победам Иракла пришел конец. Авторы, следовавшие традиции Клитарха, полагают, что Александр намеревался только превзойти подвиги Иракла; он уже давно совершил более великие дела.

²⁰ Мост через Инд (Арриан предполагает, что это был понтонный мост) должен был быть выстроен между Эмболимой и устьем Кофена.

²¹ Государем этой страны Курций называет Омфиса.

²² Как рассказывают Курций, Плутарх и Страбон, Александр среди прочего прислал ему в подарок более 1000 талантов; его стратиги вознегодовали на это, а Мелеагр сказал, что царь должен был прибыть сначала в Индию, чтобы найти лицо, достойное такого подарка; у Курция только тяжелое воспоминание о Клите удерживает царя от нового преступления.

²³ Этот Филипп, сын Махаты, принадлежал к княжескому роду Элимиотиды, был братом Гарпала и племянником старшего Гарпала, сын которого Кала получил сатрапию Малой Фригии. По генеалогическим данным своего дома, этот индийский Филипп мог родиться около 385 года.

²⁴ Это, может быть, есть проход и то же самое ущелье Хамбату, по которому прошел Бабер, в чьих воспоминаниях мы вообще узнаем избранную Александром дорогу.

²⁵ Число убитых со стороны македонян равняется, по Арриану, приблизительно 80 человекам пехоты и двадцати македонским, 20 дакским и приблизительно 200 другим всадникам. Уверенной рукой описывает Арриан ход самого сражения. Александр знал, что он может положиться на своих гипаспистов; моральная сила этого отряда позволяла Александру здесь, как и в битве при Гавгамеле, решиться на все, чтобы сразу из величайшего беспорядка рукопашного боя собраться в сомкнутую фалангу, и только этот исполненный с величайшей точностью и поддержанный конницей маневр, которому индусы не могли противопоставить ничего подобного, и решил победу при Гидаспе.

²⁶ Арриан не упоминает об этом, но так говорит Курпий.

²⁷ Тимур проходил по этим местностям приблизительно месяцем позже (в Сафаре); пешекал повлек за собою большую смертность, особенно среди лошадей.

К 4-й главе третьей книги

¹ На алтарях стояла, как говорят, следующая надпись: «Амону, брату Ираклу, заботливой Афине, олимпийскому Зевсу, Кабирам Самофракии, индийскому Гелиосу и моему брату Аполлону». Эту бессмыслицу повторяет Филострат и прибавляет: стоявшая между алтарями медная колонна имела на себе надпись: «Здесь Александр остановился». По словам Свида, на ней стояло: «Я, царь Александр, проник до сих пор».

² Этот город Александрия на Акесине, лежащий на большой дороге, о которой, по-видимому, говорит Плиний, должен приблизительно соответствовать нынешнему Вузирабаду.

³ Новейшие сообщения подтверждают эти сведения.

⁴ Это мог быть приблизительно Мори, недалеко от реки.

⁵ Положение этого города весьма неясно. Древнее течение реки Рави или Гизротиды было иное, чем теперь, цитадель находилась когда-то на острове реки Рави.

⁶ Многие, кроме полученной Александром раны в грудь, упоминали еще об ударе палицей в шею. Самая стрела была извле-

чена или Пердиккой, или Асклепиадом Критовулом из Коса, знаменитым врачом Филиппа, который извлек из его глаза стрелу в Мефоне. Об извлечении стрелы Плутарх рассказывает несколько иначе: извлечь стрелу из грудной кости не смогли; отпилить ее конец не решались из боязни расколоть кость; тогда Александр, видя нерешительность окружающих, начал сам срезать ее конец кинжалом поверх лат, но его рука онемела и опустилась; поэтому он приказал смело приступить к операции; он бранил окружающих его за их слезы и выражения сочувствия, называл их изменниками за то, что они отказывают ему в своей помощи и т.д.

⁷ Почти вполне, по-видимому, достоверно то, что этот город есть упоминаемая Стефаном Византийским пятая Александрия. Мы не должны удивляться тому, что в последующее время она более не упоминается; сведения о поре бактрианского и индо-скифского царства слишком скудны для того, чтобы мы могли считать существующим то, чего они не называют.

⁸ Об оставленных здесь 10 000 человек упоминает Диодор. Имя сатрапа было, по-видимому, не Пифон, а Пейфон, сын Агенора, которого не следует смешивать с Пейфоном из Эордеи, сыном Кратевы, или с Пифоном из Катаны или Византии, предполагаемым автором сатирической драмы «Агин».

⁹ К их числу принадлежит город брахманов Гарматалия, при взятии которого был ранен Лагид Птолемей.

¹⁰ Имевшие полтора ряда весел, суть обыкновенные пиратские корабли и, следовательно, отличаются особенной скоростью; *χερχοιροι* считаются судами кипрского происхождения и представляют собою, очевидно, особый вид небольших морских судов.

¹¹ Новейшие данные и карты устья Инда не знают никакого озера в буквальном смысле этого слова, образуемого одним из рукавов Инда, кроме возникшего в нашем столетии озера Синдра, образуемого древним, теперь очень маловодным восточным руслом Инда (Пурана). На восток от устья Пурана лежит топкое болото, в которое вливается с востока несколько рек и которое во время юго-западных муссонов делается настоящим озером, называемым Арания, или, короче, Рин. Из него ведет широкий проток в залив Кутша. Это и должна была быть посещенная Александром местность.

К 1-й главе четвертой книги

¹ Что этот приказ был отдал Аполлофану, видно из Арриана. Снабжать таким образом флот провиантом было возможно потому, что в 10 или 15 милях от берега, на сорок миль в длину,

тянутся богатые долины Кольван и Кедье, куда без труда можно проникнуть из земли оритов через проход Белы: особенно была богата долина Кедье, орошаемая многоводным Хоридештом; он впадает в море в залив Гватара; очевидно, это гавань Кофант, где Непарх нашел «чистую воду в большом количестве».

² Лейтенант Росс, прибывший на берега Хоридеша в сентябре, нашел только отдельные лужи воды, но он слышал, что во время сильных зимних дождей он бывает причиной сильных наводнений и разливается так быстро, что живущие на его берегах едва имеют время спастись и почти всегда многие находят смерть в волнах.

³ Многие считали описание похода через пустыню преувеличенным. Новейшие сообщения, особенно сообщения Pottinger'a, подтверждают его правдивость, гарантировать которую могло бы уже одно имя Непарха, из чьих мемуаров Арриан и Страбон почти единодушно черпали свои сообщения. Мы можем только сравнить дневник Pottinger'a от апреля месяца со Страбоном и Аррианом. Проследить поход в деталях, конечно, невозможно, но, по-видимому, он никогда не проникал севернее скалистых хребтов, лежащих в 10 или 15 милях расстояния от берега. О положении Пуры тоже нельзя сказать ничего определенного; считать за старую резиденцию страны нынешний Бунпур, лежащий почти в 30 милях от берега, мы не имеем никаких других оснований, кроме того, что он лежит в плодородной части Гедрозии и на пути от морского берега в верхнюю Карманию. Тогда путь, по которому следовал Александр, должен был бы быть приблизительно одинаков с путем капитана Гранта, который из Бунпура и Геха спустился к морскому берегу. Здесь Александр мог его оставить, не будучи принужден заботиться далее о своем флоте, так как недалеко начинается более гостеприимный берег Кармании.

⁴ Эти шестьдесят дней, по-видимому, противоречат рассказу о громадных переходах в 400 и даже в 600 стадий, которые будто бы делал Александр. Прямое направление от границы оритов до Бунпура равняется почти ста милям, отклонения в сторону, посещения берегов и возвращение в глубину страны могли увеличить эту дорогу наполовину; таким образом, мы получили бы в среднем две с половиной мили в день, чего при подобных условиях местности уже достаточно.

⁵ Прибавка, что царь привел из Индии 120 000 человек пехоты и 15 000 всадников, принадлежит Плутарху.

⁶ Так передает эти события Непарх (в «Indica» Арриана): время этой встречи можно определить с помощью путешествия Непарха, так как он отплыл 21 сентября и, по расчету Vincent'a, пристал к реке Анамите на восьмидесятый день, т.е. 9 декабря; его

свидание с царем должно было произойти между 15 и 20 декабря. Теперь трудно и даже почти невозможно определить то место, где стоял лагерь Александр. Диодор рассказывает, что Александр со своим войском стоял в приморском городе Салмунте и что как раз в это время они собрались в театр, когда Непарх пристал к берегу со своим флотом и немедленно явился в театр, чтобы рассказать о своем плавании. Убежденный, что в этом, бесспорно, совершенно искаженном известии хотя бы имя Салмунта должно быть правильно, Vincent высказал предположение, что это имя (Сал-мунт) соответствует местечку, называемому жителями востока Мааунтом. Эта гипотеза кажется слишком смелой. Единственное обстоятельство, могущее приблизительно определить положение этого места, то, что от него до корабельной стоянки на реке Анамите или Ибрагиме было пять дней пути, следовательно, от пятнадцати до двадцати миль. Поэтому невозможно думать о Кермане, Юмали или об одном из местечек, посещенных Pottinger'ом при его путешествии. Если бы орфография Кармании не была неясна до такой степени, то мы могли бы с некоторой уверенностью определить по крайней мере положение города Александрии, который приказал здесь строить царь; быть может, он-то как раз и был местом встречи. Не соответствует ли приблизительно этому месту Гироф?

⁷ О маршруте Кратера мы не имеем никаких известий. Следует предположить, что он спустился к Гиндменду и прошел через Лахх и Никх; оттуда он через пустыню прошел в Керман, приблизительно по дороге, описанной Ханыховым.

⁸ Вышеупомянутые празднества подали повод к омерзительному преувеличению; рассказывают, что царь, предаваясь самой распущенной вакханалии, целых семь дней разъезжал по Кармании, сам он, сидя на исполинской, запряженной восемью лошаадьми колеснице, день и ночь пировал со своими друзьями за золотым столом, а остальные его спутники, тоже пируя и пьянствуя, следовали за ним на бесчисленном множестве других, украшенных пурпурными коврами и пестрыми венками колесниц; по дорогам были расставлены сосуды с вином и накрытые столы, и все остальное войско, пошатываясь, переходило от бочки к бочке; громкая музыка, непристойные песни, продажные женщины, изображения фаллоса, — словом, здесь соединилось все, что только можно себе представить наиболее распущенного и непристойного. Так рассказывают Плутарх, Курций и, кроме того, множество намеков на это рассеяно у других греческих и римских авторов. Достаточно привести против этого слова Арриана: «Некоторые рассказывают также, но это не кажется мне правдоподобным, что Александр, сидя за столом и пируя со своими приближенными, проезжал по Кармании на составленной из двух колесниц колеснице и что за ним следовало его увенчанное

венками и ликующее войско, так как они теперь снова имели в изобилии съестные припасы, и жители Кармании расставляли по дорогам все, что служит предметом самых роскошных наслаждений; и это все, как говорят, царь делал в подражание вакханалии, с какой возвращался Дионис после покорения Индии. Но об этом не рассказывают ни Птолемей, ни Аристовул, ни иной какой-либо заслуживающий доверия писатель».

⁹ Ситалк, предводитель одризских аконтистов, Клеандр, предводитель старых наемников, и Ираконт, назначенный на место, как кажется, умершего Менида, предводителем конных наемников.

¹⁰ Арриан и Страбон следуют Аристовулу, который по виду гробницы заключил, что это преступление было совершено разбойниками и что сатрап не виновен. По словам Плутарха, виновником был один весьма знатный македонянин, Полимах из Пеллы, который и поплатился за это жизнью. Быть может, *κρονομαστὴν* следует понимать в более тесном значении «фуражиров»; в таком случае, Полимах мог совершить это преступление с отрядом солдат.

¹¹ Так рассказывает Арриан. По словам Курция, смерть Орксина была последствием интриг евнуха Багои, бывшего тогда любимцем Александра; сатрап, говорит он, не только был невиновен, но и отличался исключительной преданностью царю. О привязанности Александра к этому евнуху Диксарх в своей книге «О жертвоприношении в Илоне» рассказывает довольно сомнительную историю, которую повторяет за ним Плутарх.

¹² Аристовул говорит, что Александр, кроме дочери Дария, женился также и на дочери царя Оха Наризатипе, и насчет этого нет никаких дальнейших свидетельств. Точно так же Варсина, дочь Артабаза и вдова Ментора, никогда не была его супругой, хотя он находился с нею в связи и в Дамаске, и после того; по крайней мере в 323 году она уже жила со своими детьми в Пергаме; только Роксана была уже полноправной и законной супругой Александра и, по крайней мере в следующем году, жила при нем. Имя дочери царя Дария было у Арриана Варсина, или в рукописи, которую эксцерпировали Фотий и Арсиноя, тогда как все другие авторы называют ее Статирой. Быть может, царица при выходе замуж, так же, как и некоторые другие азиатки, переменила свое персидское имя на греческое. Царица Олимпиада тоже переменила свое прежнее имя Мирталы.

¹³ Это тоже, может быть, черта, характеризующая быт этой армии; храбрые воины не ожидали этого момента, чтобы искать и найти себе своих азиаток; обоз женщин и детей должен был разделять с ними лагерную жизнь.

¹⁴ По словам Афиней, эта сатирическая драма «Агин» была представлена при праздновании дионисий на Гидаспе, после того, как Гарпал «уже бежал к морю и отделился». Это могло произойти только в 326 году, или в апреле, или в марте месяце, или же в октябре после возвращения с Гифазиса; но как раз в это время в армию явились присланные Гарпалом войска. Афиней написал «Гидасп» вместо Хоаспа, около Сузы; к этому времени относится эта сатирическая драма. Авторами ее называются или Пифон из Византии или из Катаны, или же сам царь; византиец Пифон, бесспорно, тот оратор, который уже стоял в близких отношениях к Филиппу и использовался им для важных поручений; судя по рассказываемой про него Афинеем истории, он был достаточно остроумен для того, чтобы написать сатирическую драму. Два дошедшие до нас фрагмента «Агина» следующие:

*...Теперь там, где растет камень, стоит
Слева от большой дороги гробница с куполом,
Прекрасное святилище блудницы, после постройки которого
Сам Паллид из-за этой постройки пустился бежать.
И когда некоторые маги варваров
Увидели его там лежащим в жалком виде,
То они обещали огорченному вызвать
Дух Пифионики.*

И несколько далее один спрашивает:

*...Хотел бы я от тебя услышать,
Так как я живу далеко оттуда, как в Аттике
Идут теперь дела и как теперь живет там.*

Другой отвечает (в 326/5 году в Афинах был сильный голод):

*Пока они шумели: «Мы ведем рабскую жизнь»,
Они обильно столовались; а теперь они едят
Тощий горох и лук, — пирогам пришел конец.*

Первый:

*Но я слышу, что много тысяч мешков пшеничной муки,
Больше, чем Агин, им прислал
Гарпал и за это сделан гражданином Афин.*

Второй:

*То была пшеница Гликеры, бывшая, пожалуй, для Афин
Пиром смерти скорее, чем свадебным пиром для Гликеры.*

В данном Гарпалу имени Паллида заключается такая же грубая двусмысленность, как и в гробнице с куполом; объяснение отдельных намеков ясно из самого текста.

¹⁵ Такова цифра их у Арриана. Плутарх говорит о 970 талантах; Курций и Диодор, собственно, вовсе не говорят об этом погашении долгов в Сузе, но думают о сделанных в Описе по-

дарках не возвращавшимся на родину ветеранам, смешивая их во всяком случае с тем, что произошло в Сузе.

¹⁶ По словам Курция, Александр удержал потом в своем войске 13 000 человек пехоты и 2000 всадников, и этих ветеранов, по словам Диодора, следующего тому же самому источнику, было 10 000 человек. Конечно, надежным это свидетельство считать нельзя.

¹⁷ В связи с этими событиями необходимо понимать и показание Арриана, что Александр ввел в состав македонских таксисов прежних персидских мелофоров, 10 000 «бессмертных с украшенными золотыми и серебряными гранатами копьями» и принял в агемы «родственников», а также, несомненно, и «за-
стольников» персидского царя.

Ко 2-й главе четвертой книги

¹ Эвлей, как заключает Spiegel, основываясь на тождестве позднейшего имени этой реки (Abai в Авесте и Avgai в Бундехеше), есть Куран, река Шустера, который в шести милях ниже этого города соединяется с такою же значительною рекою Диффулем. Последняя, по словам Loftis'a, протекает в 1 1/2 милях от развалин Суз. Непарх со своим флотом поднялся по Паситигриду, т.е. по соединившимся Курану и Диффулю.

² Город был выстроен на насыпной земле в десяти стадиях от моря и был отчасти населен жителями прежнего царского города Дуриан.

³ Арриан ничего не говорит об этом приказе; но он, конечно, был вполне естественен, чтобы дать толчок к тому, что они затем сделали. Поэтому мы следовали здесь Полиэну, который говорит даже, что обе армии были выстроены в боевой порядок по приказу царя и что он предложил битву македонянам.

⁴ Плутарх говорит, что он заставил их умолять себя два дня и две ночи; он, несомненно, следует Клитарху, который не заботился о том, чтобы выяснить себе реальное положение вещей.

⁵ Число возвращавшихся на родину ветеранов равнялось, по словам Арриана, 10 000 человек; то же число дает Диодор.

⁶ У Плутарха события рассказаны так, как будто бы обе царичи формально разделяли между собою власть. Александр будто бы сказал, что мать его рассчитала лучше, чем сестра, так как никогда македоняне не позволят женщине управлять собой.

⁷ Александр посоветовал ему окружить себя своими собственными телохранителями, чтобы находиться в безопасности от покушений своих врагов

⁸ Юстин говорит, что Антипатр недавно положил жестокие наказания на предводителей побежденных народов и поэтому полагал, что Александр призывает его в Азию для наказания. Возможно, что после победы над Агисом народы Фракии почувствовали тяжелую руку Антипатра. Плутарх тоже говорит, что весной 323 года к Александру прибыл Кассандр, чтобы опровергнуть многочисленные жалобы на своего отца, которые были принесены царю потерпевшими. При этом случае, как рассказывают, Александр был отравлен.

⁹ Мы не имеем никаких оснований заключить, что Александр сделал уступки афинянам по вопросу об изгнанниках.

¹⁰ Так, в Сузе было найдено на 5000 талантов пурпурных тканей, которые собирались там в течение 120 лет и были еще совершенно свежи и прекрасны.

¹¹ Здесь уместно напомнить об упомянутом выше факте, что, по словам Ликурга в его финансовом отчете, в Афинах можно было покупать золото в такой пропорции относительно серебра, которая равнялась отношению 1 : 11,47, тогда как во время Филиппа ценность его равнялась 1 : 12,51, а в начале царствования Александра 1 : 12,30.

¹² Так, например, Афины, преобладающее значение которых для хлебной торговли уже раньше оспаривалось Византией и Родосом, принуждены были весьма много потерять в пользу Родоса от обширных хлебных спекуляций Клеомена в Египте.

К 3-й главе четвертой книги

¹ Еще и теперь изобилующий скульптурными украшениями и надписями западный вход в проходы Биситуна (или, как это Mordtmann считает более правильным, Бегистуна) называется Tank-i-Bostan, «свод сада», и Диодор рассказывает, что Семирамида приказала разбить у горы Багистана сад в двенадцать стадий в окружности и украсить гору скульптурной работой.

² Ни Птолемей, ни Аристовул не рассказывали об этом. Преувеличения происходят от Клитарха. Можно предположить, что сатрап Мидии после частых расспросов об этом доставил царю нечто подобное им, что он мог найти в своей сатрапии. Женщины так называемых кочевых племен гор независимее, мужественнее и сильнее других азиатских женщин, они принимают участие во всех походах и во всех опасностях своей орды, и Malkolm рассказывает как очевидец интересный пример смелости и ловкости, с какою одна курдская девушка объезжала коня. Плутарх называет авторитеты за и против истории об амазонках; Онези-

крит, принадлежащий к величайшим лжецам, читал однажды царю Лизимаху относящееся к этому место из четвертой книги своих «Меморабилий», после чего Лизимах сказал: «Где же мог я быть в это время!».

³ Арриан в своем умном и исполненном достоинства рассказе говорит: «О скорби Александра ходят различные рассказы, но все согласны в том, что она была весьма велика; о том, что он сделал, каждый рассказывает различно, смотря по тому, чувствует ли он любовь к Гефестиону или зависть к нему и к самому царю. Из тех, чей рассказ наполнен преувеличениями, одни, как мне кажется, думали превознести царя, передавая его полные безмерной тоски слова и поступки перед телом этого человека, который ему был всех дороже, другие же — умалить его, представляя его поведение недостойным царя и Александра. Одни говорят, что он весь день лежал на его теле и рыдал и что друзья должны были увести его силой, — другие, что он велел «распятъ на кресте врага, потому что тот дал ему дурное лекарство» (так говорит Плутарх), не желая видеть, что Гефестион умер от злоупотребления вином. Рассказ о том, что Александр в честь умершего отрезал свои волосы, кажется правдоподобным и вообще, и как подражание тому, что Ахилл сделал у гроба Патрокла; рассказ же о том, что он сам ехал в погребальной колеснице, неправдоподобен. Другие рассказывают, что он приказал разрушить храм Асклепия в Экбатане; это было бы варварством и напоминало бы не Александра, а Ксеркса. Правдоподобнее мне кажется рассказ о том, что, когда по дороге в Вавилон к Александру прибыло много посольств из Греции, и в том числе посольство Эпидавра, где находился знаменитый храм Асклепия, то он согласился на все, чего они желали и, кроме того, дал им дары для их бога и сказал: хотя ваш бог и дурно поступил со мною тем, что не спас мне друга, которого я люблю, как свою собственную голову, но я все-таки желаю почтить его! Затем большинство авторов пишет, что он приказал чтить Гефестиона, как героя; другие прибавляют, что он послал в храм Аммона спросить, позволяет ли он приносить Гефестиону жертвы, как богу, и что это не было позволено». Так рассказывает Арриан. Иначе рассказывает Плутарх; каким авторитетам он следует, мы можем заключить из критики Арриана; но он говорит: «От скорби Александр почти лишился рассудка; в знак печали он приказал отрезать хвосты и гривы всем лошадям и выючным животным, а в городах страны разрушить башни на стенах...» Он рассказывает также, что, «чтобы рассеяться, он пошел в поход против коссеев, как на охоту за людьми, приказал перебить весь этот народ и назвал это погребальным торжеством в честь Гефестиона». Точно так же невероятна и история о самосце Агафокле, рассказываемая Лукианом в книге «О недоверии к клевете».

⁴ Хотя посольство римлян к Александру и является в прикрашенном виде в позднейших историях Александра, принадлежащих перу Ариста и Асклепиада, но в настоящем случае служит довольно достоверным свидетельством то, что, по словам Плиния, о нем упоминал Клитарх; Клитарх писал в такое время, когда имя римлян не представляло ничего важного.

⁵ Арриан говорит: «Александр предпочел бы умереть раньше Гефестиона, чем пережить его, точно так же, как и Ахилл предпочел бы умереть ранее Патрокла, чем сделаться мстителем за его смерть».

⁶ По Плутарху и Диодору, халдеи, боясь говорить с Александром (?), передали свои предостережения адмиралу Неарху, который действительно уже прибыл со своим флотом.

⁷ Это сведение сообщает нам Диодор. Плутарх говорит, что царь не обратил внимания на предостережения халдеев; но, приблизившись к стенам города, он увидел множество яростно бившихся между собою воронов, из которых многие попадали мертвыми рядом с ним.

⁸ Арриан называет в особенности статую Артемиды Келкейской и статуи героев Гармодия и Аристогета, о возвращении которых он упоминает уже выше.

⁹ Мы вряд ли имеем право сомневаться в том, что система канализации и гидравлические работы на Евфрате до Сиппары и выше и что город с его зданиями во время Александра были еще почти целы. Из Фапсака по Евфрату в Вавилон могли спускаться пентиры и тетриры; Неарх с флотом поднялся по Евфрату до Вавилона, триеры из Евфрата проникли по царскому каналу в Тигр, и это показывает, что грандиозная система канализации, на которой основывалась торговля, плодородие и в значительной степени также и населенность вавилонской области, еще вовсе не пришла у падок.

¹⁰ Этот город, получивший имя Александрии, вероятно, находился приблизительно на месте нынешнего Мезджип-Али (Гира). На пути из Багдада к развалинам Вавилона Mignan нашел на берегах одного канала развалины, тоже носившие имя Искандеры; древним писателям неизвестен на этом месте город Александрия.

¹¹ Такой рассказ Аристовула у Арриана; другие писатели говорят, что этот матрос был казнен; прочие, что диадему достал и обвернул ею свою голову Селевк, чтобы возвратиться с нею вплавь, — очевидное доказательство могущества, которое сулила ему в будущем судьба.

¹² Мы имеем полное право предположить, что Александр был знаком с устройством римского легиона; со времени спартамца

Архидама и молосса Александра воснная организация Италии играла настолько важную роль в глазах тактиков греческого мира, что они не могли не изучить ее во всех подробностях.

¹³ Так говорит Арриан. Диодор говорит, напротив, что Аммоний повелел оказать ему божеские почести. За первую версию говорит также известие, что Клеомен египетский воздвиг умершему героону в Александрии и на острове Фарос; известие об этом и о других почестях, придуманных этим сатрапом для Гефестиона, он послал к царю, чьего гнева он боялся за свои притеснения, и получил в ответ письмо, в котором Александр благодарил его и писал среди прочего: «Слыша, что храмы Египта и особенно героон Гефестиона составляют для тебя предмет такой заботы, я забываю твои прежние неправды и ты не увидишь от меня ничего худого даже и за то, что ты сделаешь нехорошего в будущем». Даже Арриан произносит суровый приговор над этим ответом царя; и он был бы прав, если бы Александр руководился только удовольствием, которое доставляли ему воздаваемые Гефестиону почести. Но Клеомен был отличным финансистом и весьма полезным администратором; для предстоявших в ближайшем будущем походов его сатрапия представляла величайшую важность, а он родился в Египте и знал страну, как никто другой; быть может, при настоящих обстоятельствах Александр, находившийся сам далеко, не мог привлечь его теперь к ответственности; быть может, одного знака царской немилости было достаточно, чтобы заставить его бежать, и собранные им громадные сокровища пропали бы для сатрапии и царя. Эти вещи ясны сами собою; а сколько тайных и личных побуждений могли делать необходимым такое письмо царя; все, что мы вообще знаем об Александре, не дает нам права приложить к нему сразу такое низменное мерило.

¹⁴ Я только упомяну о бессмысленном предположении, что у Мидия Александру был дан яд, открытый Аристотелем и привезенный Кассандром.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕРВОИСТОЧНИКИ

Пробегаая помещенные в книге «*Scriptores Rerum Alexandri Magni*» отрывки, собранные Робертом Гейером и после него Карлом Мюллером, мы замечаем, что характер этих древних писателей за исключением тех, которые писали только после времени диадохов, крайне различен, если их рассматривать как исторические источники. Между ними можно различить четыре категории, нередко сливающиеся между собою в точках соприкосновения.

I. Об Аристовуле рассказывается анекдот, весьма поучительный для нашей цели. Когда Александр плыл вниз по Гидаспу, этот писатель читал царю вслух свою книгу (*βιβλίον*) об его единоборстве с Пором, во время которого Александр одним ударом дротика умертвил слона, на котором сидел Пор, после чего Александр вырвал у него из рук рукопись и бросил ее в воду со словами: «За то, что ты написал, ты заслуживаешь, чтобы с тобою было сделано то же самое». Если даже Лукиан, рассказывающий это, ошибочно назвал Аристовула вместо бесстыдного льстеца Онезикрита, к которому более подходит этот анекдот, если Аристовул начал работать с таким пониманием и точностью, как это говорит про него Арриан, только в своем написанном значительно позже историческом труде, а в прежние годы соревновался с Онезикритом и другими фальсификаторами исторической правды, то мы все-таки видим, как изображались в этом сочинении, которое было прочитано Александру в декабре 326 года, события мая того же года.

Мы имеем второй анекдот об Онезикрите, судя по которому можно было бы думать, что он писал значительно позже смерти Александра. Рассказывая об амазонках, с царицею которых Александр будто бы находился в связи, Плутарх говорит, что много лет спустя, когда Лизимах уже был царем (следовательно, после 306 года), Онезикрит прочел ему из четвертой книги своей истории описание этого события, на что Лизимах сказал: «Где же мог я быть в это время?» Но разве необходимо предположить, что эта книга была написана только тогда? Такое же значение, как

этот анекдот, имеет и другой (у Лукиана), где Александр говорит Онезикриту, что желал бы ненадолго снова ожить после смерти, чтобы узнать, продолжают ли люди еще читать эти сочинения; в том, что они хвалят теперь их, нет ничего удивительного, так как они думают снискать этим его милость и т.д. До какой степени рассказ Онезикрита был переполнен невероятными и чудесными историями, мы видим в приводимых из него отрывках. Возможно, что рассказ про амазонок составляет его изобретение, так как, по словам Плутарха, кроме него он находится у Клитарха, Поликлита (или Поликрита) из Лариссы, Антигена и Истра. Мы увидим, что Клитарх должен был писать около 305 года; Поликлит точно так же принадлежит к позднему времени диадохов, если его дочь Олимпиада была матерью родившегося в 263 году Антигона Дозона; аттидограф Истр был учеником Каллимаха; относительно Антигена у нас нет никаких дальнейших указаний. Отсутствие у Плутарха и других писателей ссылок на Каллисфена при описании этого любовного приключения еще более, по-видимому, обеспечивает за Онезикритом славу его изобретения.

Мы оставляем в стороне вопрос, следует ли причислить к этой первой категории, характеризованной приведенными анекдотами, также Марсия из Пеллы и Анаксимена из Лампсака. Их характер всего яснее виден на Каллисфене Олинфском. Если Каллисфен во время экспедиции продолжал писать свою «Историю Греции», — в ее четвертой книге он упоминал, что находился с Александром в Египте и был послан в Эфиопию собирать сведения об источниках Нила, — то наряду с этим он мог написать то сочинение, которое в древности известно было под именем «Истории Александра». Крайне патетический тон, в котором он описывал поход Александра по берегам моря Памфилии, помещение Аммония и битвы при Иссе и Гавгамеле, не оставляет, если мы вспомним об его поведении на зимних квартирах в Бактриане, почти никакого сомнения в том, что эти части рассказа были написаны ранее времени его неудовольствия против царя и, быть может, ранее казни Филоты, с которой это неудовольствие и началось. Когда позже Александр приказал заключить его в цепи и возил его за собою узником, он должен был, несомненно, завла-

деть также и бумагами Каллисфена, который так и умер в темнице. Если, несмотря на это, его «История Александра», до какого времени она ни была доведена, распространилась в публике, то она должна была распространиться, в целом виде или частями, еще в то время, когда он находился на свободе и не питал злобы к Александру. Битва при Гавгамеле есть последнее событие, упоминающееся в дошедших до нас отрывках; насколько мне известно, у нас нет никаких достоверных указаний на то, что он рассказывал еще про пожар Персеполя, смерть Дария и процесс Филоты, и если в истории об амазонках он не приводится в числе свидетелей, то он или имел слишком много вкуса для того, чтобы рассказывать такие диковины, или — процесс Филоты происходил полгода спустя после этого мнимого приключения — ему уже наскучило выдумывать чудесные рассказы во славу царя.

Арриан рассказывает, что Каллисфен будто бы говорил, что он и его рассказ решат судьбу Александра и его подвигов; он прибыл к Александру не для того, чтобы стяжать себе славу, но чтобы даровать ему славу по всей вселенной; решение вопроса с божественным происхождением Александра тоже зависит не от той лжи, которую распространяет Олимпиада относительно его рождения, но от того, что поведает людям он, который пишет его историю.

В свите Александра были также и поэты, воспевавшие его подвиги; из них нам называют Агиса из Аргоса, Хирида и сикелиота Клеона.

Общественное мнение в Греции и было и осталось настолько важным фактором политики Александра, что он не мог отдать его на произвол случая и враждебных ему влияний. Чем медленнее развивались события первых двух лет войны и чем далее заводили позднейшие события войско Александра, тем более благодарное отношение к себе должны были встречать писатели с талантом и установившейся репутацией, ставившие себе целью сопровождать развивавшиеся события своими публикациями, в которых они излагали, с господствовавшей в главной квартире македонян точки зрения, связь и значение важных актов войны, пользуясь формами и риторической виртуозностью, соответствовавшими вкусам греческой публики.

II. Как вторую категорию можно рассматривать те сочинения, которые подробно занимались отдельными событиями. Само собою разумеется, что, пока войско находилось в Бактрии или Индии, к царю должны были посылаться различные донесения, касавшиеся исполнения данных им поручений, военных экспедиций и событий в передних землях; и, действительно, в древности были известны или сами эти донесения, или позднейшие их переказы.

Таким произведением должно было быть сочинение Горга из Иаса, «металлепта», как его называет Страбон, который рассказывал о золотых и серебряных рудниках и о залежах соли в земле Сопифа. Из Страбона и из находящихся у Феофраста сведений об острове Тилос видно, что фасосец Андросфен, свершивший вместе с Неархом плавание от Инда к Евфрату, писал о совершенных им, при дальнейшем плавании вдоль берегов Аравии, открытиях. Мы не имеем прямых упоминаний о том, что Гиерон из Сол, проплывший еще далее, и Гераклад, посланный на открытия в Каспийское море, обнародовали свои сообщения. Если бы даже об этом не упоминали Курций и Юстин, то было бы само собою понятно, что Антипатр посылал царю донесения о неудачной экспедиции Зопириона, о сделанной фракийцами попытке возмущения и о походе против Агиса.

Наибольшее значение в этой категории имеет Неарх, чьи мемуары, по-видимому, охватывали все время его командования флотом, который начал свое плавание на Гидаспе. Из «Эфемерид» Плутарх приводит известие, что еще за несколько дней до своей смерти Александр слушал донесение Неарха. Весьма вероятно, что Неарх читал царю именно то донесение, которое мы имеем еще у Арриана, по крайней мере ту часть своего сочинения, где рассказывается все случившееся с флотом с того времени, как он был покинут Александром, хотя заметку об Онезикрите, который называл себя в своем рассказе навархом флота, между тем как он принадлежал к нему только в качестве кормчего корабля Александра, можно было бы истолковать таким образом, что сочинение Неарха появилось уже после издания сочинения Онезикрита.

III. К другой категории можно отнести записи скорее исторического, чем литературного характера, которые можно назвать просто журналами.

Почти несомненно, что в основе описания Неархом своего плавания от Инда до устьев Евфрата лежало нечто вроде корабельного журнала.

Нечто аналогичное этому мы можем видеть в том, что мы знаем о «бематистах» Александра. Само собою разумеется, что в войске Александра был квартирмейстерский штаб, заведовавший, между прочим, порядком ежедневных переходов, указанием маршрута отдельных колонн и разбивкой лагеря; его работы и его бумаги доставили первые точные сведения о длине маршрутов, которые приобрели такое важное значение для географических исследований ближайшего будущего.

Мы не должны упускать из виду того, что, как говорил в своем географическом труде Патрокл, бывший стратигот Вавилонa и исследовавший Каспийское море при Селевке I, спутники Александра исследовали пройденные ими местности только в общих чертах, и что сам Александр приказал сделать более точные исследования.

Особенный интерес для нашей цели представляют «Εφημερίδες βασιλείου», от которых дошел до нас в двух редакциях длинный отрывок, рассказывающий о последних днях жизни царя. Из небольших отрывков, собранных A. Schöne, мы можем заключить, что точно таким же образом записывались каждый день события и за прежние года, вероятно, с самого начала похода в Азию. То обстоятельство, что придворный журнал, как мы его можем назвать, вел кардианец Эвмен, *ἀρχιφρασιματεύς* царя, и что этот журнал велся изо дня в день, позволяет нам заключить, что цель этих заметок была скорее деловая, чем литературная. Когда они были изданы и не издал ли их после смерти Эвмена Диодот из Эрифр, называемый раз вместе с ним их автором и бывший, быть может, одним из писцов в канцелярии царя, этого мы теперь определить не в состоянии.

Если эти заметки Эвмена имели практическую цель, то она вовсе не состояла в том, чтобы иметь к услугам царя деловой журнал для справок о ежедневных доходах и расходах и т.д. (какие имел позднейший царь Антигон), хотя

таковой, несомненно, существовал, — но придворные события записывались для сообщения тем, кому было важно знать про них, и посланцы, посылавшиеся из царского лагеря на запад, должны были передавать копии придворного журнала сатрапам резиденций, лежавших на их пути, которые знакомились с ними сами и рассылали их далее ко дворам сатрапов, лежавших в стороне.

Если такая практика была принята относительно придворных событий, то не подлежит никакому сомнению, что такие же сообщения составлялись и рассылались сатрапам и стратигам и относительно военных и политических событий; было необходимо держать их *au courant* всего, что происходило на поле битвы. Антипатр, например, занимавший столь трудное положение относительно греков и коринфского синедриона, не мог сообщать царю о всяком происшествии и ожидать его инструкций, но должен был принимать необходимые меры, руководясь возможно близким знакомством с ходом дел в Азии. Если такие военные «Эфемериды» существовали, хотя бы в форме писем к Антипатру, то для первого связного изложения истории Александра они представляли собою самую лучшую основу, — и, быть может, таким предположением можно объяснить часть поразительных совпадений между словами Арриана и Плутарха, с одной стороны, и следовавших Клитарху писателей, с другой.

Мы можем пойти еще дальше. Если бы различные рассказы, и притом уже первые, не были связаны общею основой, но составлялись бы каждым свободно на основании собственного опыта и знаний, то было бы необъяснимо, как при всех различиях между традицией Клитарха, традицией следовавшего Птолемею Арриана и т.д. и при всей разнице деталей общее расположение материала или, если хотите, связующая нить событий остается одна и та же; еще труднее было бы объяснить то, что все то, что происходит со стороны македонян, рассказывается в непосредственной связи с личностью Александра или в форме докладов и донесений ему. Как ни важен был поход Пармениона в Дамаск в конце 333 года и поход Гефестиона и Пердикки по южному берегу реки Кофен к Инду в 327 году, но о них говорится только мимоходом; точно так же

мы имеем только беглые заметки о важных движениях 330 года, когда главная часть армии двинулась из Экбатаны следом за шедшим вперед Александром, вступая местами в борьбу с народами Каспийских гор, равно как и о маршруте многочисленного отряда Кратера, шедшего обратно от Инда в Персию через проходы Болана. При полной свободе композиции было бы невозможно, чтобы все авторы с одинаковой краткостью говорили об этих и тому подобных событиях. Если все, несмотря на разницу своих взглядов, говорят о них одинаково поверхностно, то причина этому лежит не в сходстве их личного или даже «объективного» понимания, но их рассказ обусловлен и связан материалом, который они положили в его основание. Если это был «Полевой журнал главной квартиры царя» или «донесения с поля битвы», то выдвинутые ими на первый план моменты вполне и просто объясняются.

В заключение да будет нам дозволено упомянуть здесь о Харите Митиленском, который был *εἰσαγγελεὺς* царя, говоря иначе — его обер-камергером. Судя по характеру его отрывков, можно было бы думать, что он, не соблюдая хронологической последовательности, записывал в форме мемуаров все интересное, что ему только удавалось узнать при дворе Александра: в третьей книге он упоминал о назначении Лагида Птолемея стольником, в пятой книге рассказывал, что в головах постели персидского царя находился ковчег с пятью отделениями, а в ногах — ковчег с тремя отделениями, что в первом лежало 5000 талантов золота, а во втором 3000 талантов серебра и что над постелью находилась сделанная из золота и украшенная драгоценными камнями виноградная лоза; в седьмой книге он рассказывал, что в Индийском океане, в Армении, в Персии и в Вавилонии есть раковины, в которых находится жемчуг; в десятой находилось описание свадьбы в Сузе и т.д. Прекрасный рассказ о Зариадре и Одатиде был тоже записан им. Он, очевидно, не военный писатель, но он точно так же не принадлежит к ученым царского двора; его блеск, празднества и развлечения, различные интересные события и приключения, отдельные характерные черты, а также, может быть, и сны царя, — таково было, по видимому, содержание этого объемистого сочинения.

IV. Остается четвертая категория. Несомненно, Онезикрит, Каллисфен, Анаксимен и т.д. думали, что в своих творениях они дали потомству историю Александра, и мы имеем полное право предположить, что их версии на первое время составили ходячую историю великих событий, которые пришлось пережить изумленным современникам. Конечно, «побежденный молчал»; но Каллисфен, вполне овладевший техникой исторического рассказа, изложил, как кажется, с такою подробностью, как будто бы он сам это видел и слышал, также и то, что задумывалось и проектировалось со стороны персов. Мы не можем теперь более определить, проникли ли в это сочинение имеющие значение данные из антимакедонско-греческих взглядов.

Но наряду с этой ходячей историей существовало множество устных преданий, рассказов тех, которые участвовали в походах царя и теперь возвратились на родину, мнений и суждений о царе и его полководцах и всевозможных анекдотов, а во время ожесточенной борьбы партий после смерти царя — борющиеся стороны, несомненно, очень часто имели повод выступать друг против друга также и с разоблачениями их прошлого, их отношений к Александру и их участия и его подвигах. Вызванные борьбою между диадохами громадные перемены и распадение основанного Александром царства повлекли за собою перемену в мнениях о нем, его делах и его создании и, между тем как господствовавшая прежде македонская точка зрения все более и более теряла почву под ногами, — в литературных, образованных и следующих за модой кружках приобретала перевес греческая точка зрения, хотя ее неоднократно попытки достичь политических результатов и потерпели полную неудачу, и от этого перевеса вскоре не могли освободиться «эпигоны» и их дворы, принужденные преклоняться перед ним, чтобы сохранить на своей стороне общественное мнение греческого народа.

Для той формы, в какой дошла до нас история Александра, относящийся к этой категории ряд писателей представляет наибольшее значение; сюда относятся Клитарх, Птолемей и, быть может, Аристовул; только эти писатели выступают перед нами с некоторой ясностью. Затем, вплоть до самой римской эпохи, следует многочисленный ряд

стремящихся или критически исследовать и осветить эту замечательную эпоху великих открытий, или избирающих ее как наиболее удобный сюжет для своего риторического искусства и пизующих школьных упражнений, — между тем в представлении масс грандиозная фигура Александра переходит в область сказок и чудес и расплывается.

В наше время мы имеем лишь скудные известия. Мы узнаем, что Александр был моложе Феопомна, родившегося в 378 году до н. э. После него упоминал о римлянах. Его отцом был Антон из Колофона, автор обширного сочинения о Персии, начинавшегося с Семирамиды и кончавшегося завоеванием Египта царем Охом. Из некоторых сочинений Клитарха, имеющих, по-видимому, целью восхваление Птолемея и доставить ему удовольствие, можно было вывести заключение, что он родился или, по крайней мере, жил в Египте.

Клитарх упоминает о римском посольстве, присланном в Вавилоне в 323 году, или выдумываемом, как ни Птолемей, ни Аристовул о нем не упоминают. — то он должен был писать в такое время, когда римляне приобрели уже некоторое значение в мире; серьезное значение для греков Нижней Азии приобрел только с концом второй пунической войны. В 304 году тарентинцы взяли к себе на службу Клеонима, чтобы послать его воевать против Рима, луканов; в 306 году родосцы заключили торговый и торговый договор.

Воспользовавшись до нас под именем Клитарха отрывками, можно было бы в состоянии составить себе представление об изложении, если бы, как это доказали новейшие исследования, на него не опирались в существенных местах Юстин и Курций, хотя они и не черпали непосредственно из него.

Из рассказа, а также из довольно многочисленных, иногда точно обозначенных, небольших цитат из Полиэна, Фронтинана, Плутарха, Валерия Максима мы можем составить себе приблизительное представление о характере его рассказа. Он, как кажется,

первый включил в историю Александра рассказ о событиях в Греции, падении Фив, войне с царем Агисом и происходивших одновременно с этим военных действиях во фракийской и скифской землях. Не подлежит никакому сомнению, что, кроме известных нам первых рассказов об Александре, он пользовался еще и другими рассказами, а быть может, во многих случаях еще и устной традицией. При первом взгляде бросается в глаза, что в первой половине приписываемых ему рассказов — приблизительно до смерти Дария — события на стороне Александра и Дария представлены приблизительно в одинаковой степени наглядно и подробно, между тем как далее этот прием параллельного изложения более не встречается, а если и встречается, то в совершенно иной и более слабой степени. Возможно, что Каллисфену нравился такой имевший вид объективности прием и что Клитарх руководился его весьма наглядным изложением первых лет войны; это несколько более объясняет заглавие «Περσικά», под которым раз упоминается произведение Каллисфена.

Из трех дошедших до нас писателей, которые следовали Клитарху, а также из преобладавшего в позднейшей древности взгляда на Александра, который был заимствован из Клитарха, мы видим с достаточной ясностью, что этот историк не считал своей задачей изложить историю Александра в ее главных военных и политических чертах, но желал обратить внимание на нравственную сторону и в описании постепенного нравственного падения прославленного героя дать просвещенному читателю ключ к пониманию его и облегчить составление над ним своего приговора. Изображая с большой риторической наглядностью, как даровитый, получивший благороднейшее греческое воспитание юноша, опьяненный своими победами, все более и более отвращается от греческой цивилизации и склоняется к азиатским нравам и образу мыслей и как он перестает быть эллином, Клитарх становится красноречивым выразителем греческой реакции, которая сперва подняла свою голову в «греческой войне», а затем, потерпев поражение на поле битвы и не имея своих представителей в мире политическом, с тем большей силой сосредоточилась и нашла свое выражение в образованных кружках и

философских школах Афин, — той реакции, милости которой добивался молодой Димитрий, чтобы затем выступить против нее со всею прихотливостью азиатского деспота, между тем как умный Лагид сумел пощадить ее и примирить с собою своею щедростью к науке и ученым.

И тот же Клитарх не говорит в своем рассказе ни об одном из приближенных и соратников Александра с таким почтением и с таким желанием сказать ему приятное, как о Лагиде.

Мы не имеем прямых указаний на то, что Лагид Птолемей издал свою историю Александра после Клитарха, но можем заключить это с некоторой вероятностью из следующих фактов. Клитарх, как мы видим из Курция, рассказывал, что при штурме крепости маллов Птолемей находился в числе тех немногих, которые защитили и спасли тяжело раненного Александра; Клитарх не мог бы написать этого, будь сочинение Лагида уже обнародовано; и при той широкой популярности, которой пользовался исторический труд Клитарха, Лагид имел тем более поводов исправить это неверное сведение. Сравнивая Курция с Диодором и Страбоном, мы видим, что рассказ о чудесном исцелении раненного под городом браминов Птолемея взят из Клитарха; из Арриана мы видим, что Птолемей ни о чем подобном не упоминал. Точно так же молчит Птолемей об экспедиции к царице амазонок; и если у Клитарха прекрасная Фаида — впоследствии она находилась в близких отношениях с Птолемеем и родила ему несколько детей — при звуках кимвалов и труб во время пира в энтузиазме зажигает дворец Персеполя, то трезвый рассказ об этом Арриана, по словам которого Парменион в совете был против этой меры, которую Александр считал необходимой, является отражением критики Птолемея над расчитанными на эффект выдумками, которые Клитарх выдавал за историю.

Весьма возможно, что Птолемей считал своей обязанностью перед памятью своего царственного друга выступить с чисто фактическим рассказом и с гарантией своего имени против искаженных и даже написанных с дурною тенденцией рассказов, которые встречали слишком много веры; делая это, он, по-видимому, имел в виду еще и дру-

гую целью. Достойно замечания, что Лагид не мог успокоиться прежде, чем тело Александра было перевезено в Александрию, что, как он особенно упирает на это в своем рассказе, Александр после смерти Гефестиона избрал Александрию для учреждения там героического культа в его память, что Птолемей учредил в Александрии коллегия жрецов великого царя и что при торжественных шествиях золотая статуя царя красовалась на запряженной слонами колеснице, как это изображено на золотых монетах Птолемея. Здесь трудно воздержаться, чтобы не напомнить о том, что самой трудной и неудачной войной Лагида была война 306 года с Антигоном и Димитрием, когда тот самый Антигон, который спокойно управлял своей фригийской сатрапией, между тем как Лизимах, Селевк и особенно сам Птолемей, как нам показывает история походов великого царя, «проливали свою кровь» в борьбе за его могущество и славу, — выступил с притязаниями на роль главы всего государства и его сатрапов во имя принципа монархии, последний законный наследник которой умер еще пять лет тому назад. Вскоре после этого битва при Иссе решила дело против этого призрака монархии и государственного единства в пользу равноправности тех, которые желали быть наследниками великого царя каждый в своей земле, в *διοικήτης χώρας*, как гласит их техническое название.

Более достоверно, что Птолемей находился в самых благоприятных условиях для того, чтобы написать историю Александра, что между оставшимися еще в живых ни один не стоял к нему так близко и не знал и не понимал его действий и планов так, как он; и Арриан, черпающий свои сведения преимущественно из него, вполне справедливо замечает, что он особенно заслуживает доверия, потому что для него, «как царя», ложь была бы крайне постыдна.

После него Арриан следует особенно Аристовулу: «потому что и он участвовал в походах Александра и потому что оба они, — прибавляет он далее, — писавшие только после смерти Александра, не подвергались принуждению и не могли ожидать награды, если бы писали не то, что действительно случилось». Последними словами он ис-

ючает Каллисфена, Анаксимена и Онезикрита, а первый — возможность участия Клитарха в походах Александра, как это полагали в новейшее время.

Об Аристовуле мы знаем немного, не знаем даже, откуда он был родом. Он сам говорит, что по возвращении Александра из Индии ему была поручена реставрация бесвестно разграбленной гробницы Кира; быть может, он стоял при войске не как военный, но как техник. Приводимые Аррианом и другими авторами цитаты из его сочинения позволяют нам заключить, что он мало обращал внимания на военные события, а более интересовался мнениями местностей и нравов, приметами и гаданьями, идельными лицами. Что в его рассказ входили также события 335 года, видно, из одной цитаты, где говорится об оминавшемся им требовании Александра выдать ему инских государственных людей. Он сам говорит, что начал писать свое сочинение, когда ему было 84 года. Из этого мы можем заключить, что он начал писать только тогда, когда книга Клитарха была уже издана; если бы он начал ранее его (ранее 312—300 годов), то при выступлении Александра в поход ему было бы около 60 лет. В пользу этого предположения, что он имел в руках сочинение Клитарха, говорит, по-видимому, его рассказ о засаде, в которую попали македоняне около Мараканды, и рассказ предостерегавшей Александра сирийке. Более сомнительно дело относительно падения Фив; Плутарх в своих *logia*», говоря о прекрасных женщинах, называет Паню Ксенофонта, Фиву Феопомна и Тимоклею Аристову. Рассказ о Тимоклее, передаваемый другими авторами с указанием источника, крайне напоминает сенсационные приемы Клитарха, но совершенно чужд манер Аристовула.

К цели, преследуемой этим обзором источников, не относится разбор писателей, обрабатывавших историю Александра после времени диадохов. Но да будет нам позволено указать на два пункта, заслуживающие дальнейшего исследования.

Тенденция в сторону исторического романа, начавшаяся с Каллисфеном и нашедшая в Клитархе свое, вызывавшее изумление, выражение, уже рано, как кажется, выра-

ботала настоящий роман; и особенно в эллинистическом Египте очень скоро начали делаться попытки украсить память Александра чудесными сказаниями и связать ее с историей фараонов, завершившейся таким печальным концом при Нектанебе II, и здесь, несомненно, создан псевдо-Каллисфен. Должны были существовать и другие романы про Александра, связанные с историей других стран. На подобный роман указывает нам псевдо-Плутарх (Рag. min.). Здесь из третьей книги «Μακεδονικά» Аретада Книдского рассказывается, что перс Дарий, потеряв в битве при Гранике семь сатрапов и 502 боевые колесницы, желал примириться с Александром, но сын Дария Ариобарзан, движимый склонностью к Александру, предложил предать своего отца, после чего последний приказал отрубить ему голову. Псевдо-Каллисфен тоже упоминает Ариобарзана вместе с Бессом.

Второе наше замечание относится к противоположному литературному течению. Что еще в следующем столетии критика, начало которой было положено сочинением Птолемея, овладела преданиями о походах Александра, в этом, ввиду развития научных стремлений, нашедших свое особенное выражение в Александрии, нет ничего удивительного. Когда Эратосфен приступил к развитию основ научной географии, опираясь на добытые сведения о поверхности земли и на опыты методического вычисления объема земли, то он должен был разобраться в географических и этнографических материалах, которые были собраны историками Александра; и из его отрывков видно, как он выводит заключение о малой степени пригодности их географических и других известий. Два поколения спустя Полибий, так охотно пользующийся случаем критиковать прежних историков, на примере битвы при Иссе, как она рассказана у Каллисфена, показал все бессмыслие с военной точки зрения этого литературного описания, причем в пылу критики не раз обнаружил и сам свои слабые места.

Быть может, при более внимательном наблюдении можно было бы указать и другие пункты критики. Существовала ли также критика, основанная на документах и актах, — направление, являющееся самым плодотворным

и необходимым в истории новейшего времени, — этот вопрос можно будет поставить только тогда, когда будет установлено, существовали ли материалы такого рода и в каких размерах.

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА И РЕЧИ

Аристотель проложил новую дорогу и в исторической науке — путь разработки архивного материала. Предприняв в своих «Πολιτείαи» исследование государственного строя Афин, он не ограничился тем, что воспользовался сборниками законов, находившимися в обращении в значительно измененном и подновленном с течением времени и особенно со времени архонта Эвклида, виде; он пользовался находившимися в Пританее старинными оригиналами. Точно таким же образом в своих «Διδασχαλίαи» Аристотель положил начало основанной на документах истории литературы, а в своих «Διχαίωματαи» изложил по документам споры по вопросу о границах и собственности, возникавшие между государствами Эллады. Из того, что затем фалерец Димитрий, потом македонянин Кратер и Филохор продолжали следовать этой методе исследования документов, видно, что греческая наука, невзирая на широкое развитие риторики, сумела сохранить понимание истинных приемов исторического исследования.

Чтобы действовать систематически, мы должны теперь поставить вопрос, существовали ли документальные материалы для истории Александра, какого рода они были и каким образом, если только вообще древние писатели пользовались ими, они ими пользовались.

1. Само собою разумеется, что в то время, о котором мы говорим, различные договоры, и особенно государственные договоры, заключались и совершались в обычных и установленных формах и что договаривающиеся стороны сохраняли в архивах эти документы. И так как в независимых греческих государствах существовало правило доводить до всеобщего сведения государственные договоры в форме их копий на меди или камне, то они были легко

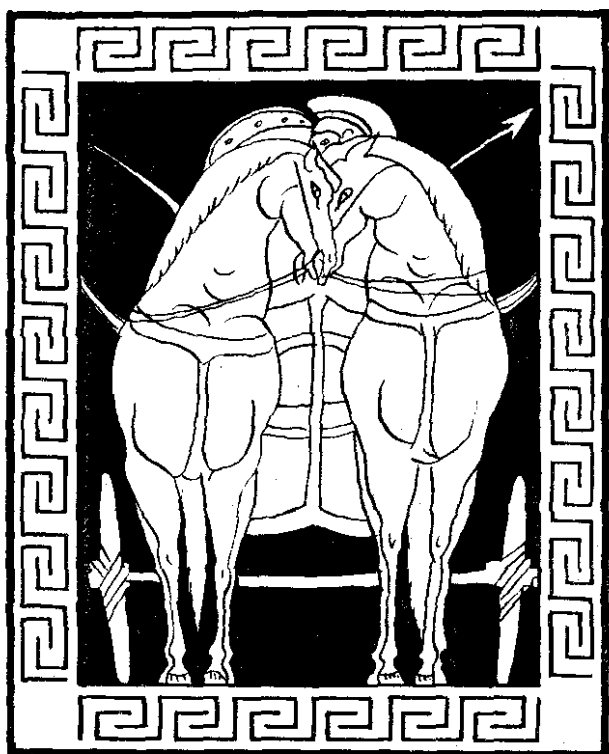
доступны и науке. Остатки подобных надписей, например, надпись о возобновлении между Александром и эллинами Коринфского союза, сохранились еще до сих пор.

II. В той же самой форме эпиграфических копий бывали обнаружены законы и распоряжения, всевозможные постановления, отчеты, расчеты и т.д., и не только такие государственные акты дошли до нас, но подобные, разъяснявшие их деятельность, документы оставили нам и общинные и другие союзы, жреческие коллегии и временные сообщества частных лиц. Некоторые весьма интересные в историческом отношении постановления храмов показывают нам, что, между прочим, в Египте был весьма употребителен подобный способ сохранения документов; в найденных в Вавилоне глиняных дощечках с клинообразными надписями, основываясь на проставленных в головке датах, думают также видеть подобного рода документы.

III. На третью категорию документов, которые теперь были бы отнесены к архивным бумагам, указывает нам рассказ Полиэна о том, что, когда Антигон Кривой должен был принимать послов, то перед этим он справлялся в своих заметках, какие послы ранее являлись к нему за этим же и по тому же делу и какие предложения они ему делали, и что те, которым приходилось вести с ним переговоры, бывали нередко изумлены, что он так подробно помнит обо всем. Он был, наверное, не единственным из соратников Александра, имевшим благоразумие вести дневник ежедневных происшествий или распорядиться о составлении такового; для Эвмена подобный дневник был необходим, если он желал держать канцелярию Александра в порядке и в полной готовности для практического пользования ею.

Если в рассказе Арриана, основанном в существенных чертах на Птолемея, указания на различные посольства так подробны, то не будет большой смелостью предположить, что Лагид писал не только на основании своей памяти, но имел также *λογισμῶνα*, деловые журналы, которыми пользовался при составлении своего труда. Его положение

давало ему возможность доставать в избытке и другие материалы и пользоваться ими. — Само собою разумеется, что при своих походах Александр имел с собою свою канцелярию, свои деловые бумаги, свой архив, если хотите; когда, как рассказывают, при взносах трисрархов на флот Инда Евмен отказывался уплатить требуемые 300 талантов и желал внести только 100, разгневанный Александр приказал поджечь его шатер, чтобы в то время, когда он будет спасать свое имущество, все могли видеть, как богат его *υπαρχατεος*; расплавившегося во время пожара золота и серебра оказалось более 1000 талантов, но Александр жалел, что погибли бумаги, и послал сатрапам и стратигам приказ прислать копии с отправленных к ним письменных указов. Диодор из лучших источников — из кардианца Иеронима — сообщает, что когда улеглись последовавшие за смертью Александра смуты, новый наместник Пердикка нашел в бумагах царя список расходов на похороны Гефестиона и другие планы царя, и затем следует список этих грандиозных проектов. Что сделалось с архивом Александра, разошелся ли он по разным рукам или был уничтожен, мы не знаем.

ОГЛАВЛЕНИЕ

